

ТЕЛЕСКОПЪ

 I.

СВѢТЪ И ТЯЖЕСТЬ,
КАКЪ ОСНОВНЫЯ СИЛЫ ФИЗИЧЕСКАГО МІРА.

Физическій міръ, какъ неизмѣримая сцена непрерывныхъ явленій, внушаетъ наблюдателю мысль о повсюдной и вмѣстѣ неиспощимой дѣятельности природы. Образы ея дѣйствій, явленія—поражаютъ всякаго. Но что въ сихъ образахъ проявляется? Какими силами обуславливается и поддерживается дѣятельность природы? Причины многихъ явленій открыты: въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимо дѣйствуетъ свѣтъ, въ другихъ—тяжесть; имѣетъ цѣлый рядъ явленій зависить отъ электричества, здѣсь — отъ магнитной силы. Иногда дѣйствующими оказываются земныя силы, или каждая порознь, или всѣ въ совокупности; часто, какъ причина дѣйствія,

Телеск. Ч. I.

20

изумляеть своимъ могущесствомъ теплою;
а нерѣдко и холодъ.

При такомъ многообразіи и видимой раз-
нородности дѣятелей природы, казалось бы,
надобно ожидать всѣхъ ужасовъ хаоса. Но
въ самой вещи вселенная представляеть со-
бою образецъ стройности. Классическая древ-
ность, удивленная спрогнозію порядка въ
явленіяхъ естественныхъ, міръ физическій
назвала ионичнымъ — хаосомъ. Эта связь явле-
ній, до безконечности различныхъ, ихъ опи-
ношеніе къ гармоніи цѣлаго, это единство
цѣли при всемъ разнообразіи дѣйствій — въ
глазахъ мыслящаго наблюдателя обличаетъ
природу въ единствѣ и самыхъ средствъ ея,
хотя повидимому разнообразныхъ и даже раз-
нородныхъ. Въ міръ физическомъ, говорю, об-
щая гармонія дѣйствій, при безчисленности
онихъ, предполагаетъ неминуемо единство
основныхъ силъ, дѣйствующихъ по однимъ и
тѣмъ же законамъ; многообразные повиди-
мому дѣятели должны быть только видоиз-
мѣненіями силъ основныхъ, преобразующихся
на каждой ступени дальнѣйшаго развитія, съ
удержаніемъ существенныхъ качествъ перво-
образа. Поводъ къ сему предположенію очеви-
денъ; и нѣтъ недоспапка въ доказатель-
ствахъ для убѣжденія: спойти только обра-
щеніе должное вниманіе на природу.

Постоянное изчезаніе явленій однихъ и возникновеніе другихъ—первое, какъ спремленіе слипсья съ общимъ (*universalisatio*), впорое, какъ усиліе опдѣлипсья опъ общаго, сдѣлапсья особымъ (*individualisatio*)—обнаруживаепсь двоякое направленіе дѣятельности природы, къ *разширенію* (*expansio*) и *сжатію* (*contractio*). Сіе общее направленіе дѣятельности природы опражаепсь и во всѣхъ частпныхъ явленіяхъ, такъ что разширеніе и сжатіе, какъ бы знаменуя дыханіе вселенной, или біеніе ея пульса, оказываюпсь дѣйствіями повсюдными. А поелику дѣйствія безъ причины, или безъ дѣйствующей силы, не бываепть; то и необходимо допуспипсь слѣдуепть двѣ всеобщія силы, какъ причины упомянутыхъ двухъ всеобщихъ дѣйствій, изъ коихъ, первую по качеству дѣйствія можно назвапть силою *разширительною* (*vis expansiva*), другую—силою *сжимательною* (*vis contractiva*). Существованіе силъ оныхъ несомнѣнно; начало доспапшочной причины удаляетъ всякое о помѣ сомнѣніе. Но гдѣ предспапимъ ихъ пребываніе?

То, въ чемъ дѣйствія силы обнаруживаюпсь, еспь *вещество*; оно служипть основою явленій, въ то же время замѣчаепсь и само дѣятельнымъ. Что жъ? Силы, приводящія въ движеніе міръ вещеспвенный, находяпсь ли

внѣ *вещества*, подобно въпрамъ, волнуящимъ воды, или нѣдряпся въ *вещество*, какъ нѣчто ему чуждое, или наконецъ *вещество* само есть сила, оптвердѣвшая въ пространствѣ?

Вещественнымъ или *веществомъ* мы называемъ то, что, являясь въ пространство, наполняетъ оное, какъ на пр. земля, вода, воздухъ. И напрошивъ, то считаемъ *невещественнымъ*, что являясь въ пространство, не наполняетъ онаго, на пр. оппическіе призраки, тѣнь. То, что являясь въ пространство, наполняетъ оное, называется непроницаемымъ. Слѣдовательно *вещество*, по указанію опытноспи, есть нѣчто *непроницаемое* въ пространство.

Бышь *непроницаемымъ* значитъ отражать все поспороннее изъ заняпаго пространства, усиливаясь въ ономъ разширяться, исключительно; словомъ: *непроницаемость*, другое названіе *вещественности*, оказывающа слѣдспвіемъ *разширенія*. Сіе, какъ дѣйспвіе, предполагаетъ неминуемо причину, или дѣйспвующую силу, копорую по качеству дѣйспвія должно назвать силою *разширительною* или *отторгательною* (*vis expansiva s. repulsiva*).

И пакъ, изслѣдывая *вещество*, какъ нѣчто *непроницаемое* въ пространство, мы открываемъ въ немъ, п. е. созерцаемъ умомъ, силу

разширительную; болѣе, *вещество*, или еще какъ нѣчто непроницаемое, слѣдовательно при разширеніи своемъ оппоргающее, исключющее все поспорнее изъ того мѣста, копорое занимаешь, оказываешь силою *разширительною*.

Если бы *вещество* дѣйствительно было только одна *разширительная* сила; тогда бы оно разсѣялось въ пространствѣ до проницаемости, и не было бы шѣмъ, чѣмъ естъ. Дѣйствительное состояніе *вещества*, какъ мы видимъ оное въ шѣлахъ, ш. е. удерживающимся въ пространствѣ и наполняющимъ оное, предполагаетъ силу, противоположную *разширительной*, копорою послѣдняя должна бытъ ограничиваема; въ слѣдствіе чего *вещество* въ пространствѣ сжато, сгущено и удерживаешь, какъ естъ. Эту силу, копорою приуспствіе въ *веществѣ* допускаемъ по тому же началу доспапочнои причины, руководствуясь качествомъ ея дѣйствія, должно называть силою *сжимательною* или *притягательною* (*vis contractiva s. attractiva*).

Само собою разумѣешь, что *сжимательная* сила одна шакже не въ состояніи соспавить *вещества*. Предоспавленная самой себѣ, она бы сжалась до безконечности; но въ *веществѣ* сжатіе имѣетъ предѣлы: слѣдовательно и *сжимательная* сила въ свою очередь огра-

ничена, безъ всякаго сомнѣнія силою, ей противополжною, а именно—*разширительную*.

И пакъ, если сила *разширительная*, условливающая непроницаемость, являея намъ *веществомъ*; то не иначе, какъ будучи ограничена силою *сжимательною*. Сія послѣдняя въ свою очередь ограничивается первою: посему—*вещество не другое что есть, по указанію опытности, какъ сила разширительная и сжимательная, ограниченныя взаимно*.

Ограниченіе силъ естъ вмѣстѣ условіе ихъ оптвердѣнія въ пространствѣ: ибо, ограничиваясь, силы неминуемо занимають определенное пространство, наполняють оное и дѣлають его непроницаемымъ. Непроницаемое пространство и естъ посему основа, птвердѣ физическаго міра.

Сила *сжимательная* и *разширительная* въ *веществахъ* находящяся въ состояніи принужденномъ. Представимъ ихъ въ состояніи свободы, въ какомъ внѣ вещества онѣ бытъ должны,—и вопервыхъ вообразимъ, что сила *сжимательная* на всемъ пространствѣ физическаго міра дѣйствуетъ свободно, не будучи заключена въ определенномъ пространствѣ: что произведетъ она соотвѣстственно своему стремленію къ сжатію? Всеобщее тяготѣніе, стремленіе къ центру, единству, безразличію, косности, словомъ: это будетъ *тяжесть*,

сила всеобщая, міровая, средоспиремишельная (*vis centripeta*).

Теперь представимъ и силу *разширительную* удаленною отъ господства силы непріязненной; вообразимъ, что она въ цѣлой вселенной дѣйствуетъ свободно, неограниченно въ отношеніи къ пространству : что произведетъ она соотвѣстственно своему стремленію къ разширенію? Всеобщее развитіе (*evolutio*), стремленіе къ окружности, много-различію, дѣятельности, словомъ: это будетъ *свѣтъ*, сила всеобщая, міровая, средобѣжная (*vis centrifuga*). *Свѣтъ* въ теплотѣ своей видимо, осязательно является силою разширительною, и припомъ единственною, исключительною во всей вселенной. Что, кромѣ теплоты, производитъ разширеніе вещества, и что, кромѣ *свѣта*, порождаетъ теплоту, копорою живоизворится цѣлая природа? Теплота пошъ же *свѣтъ*, въ кубичномъ измѣреніи дѣйствующій. Сила *разширительная*, говорю, копорою дѣйствія такъ разшельны въ природѣ, являясь свободно, есть то, что мы привыкли называть *свѣтомъ*, а въ *веществе* эта самая сила порабощена силою *сжимающей*. Чпожъ послѣ сего самое *вещество*? *Свѣтъ*, померкийй подъ законами *тяготнія*, *разширительная сила*, окованная *узами силы непріязненной, тьмы, тяжести!*

Уничтожимъ мысленно силу *сжимательную* совершенно, пакъ чѣпобъ сила *разширительная*, пеперь ея обузданная, опягощенная, оспалась одна свободною въ свойспвенномъ ей видѣ: чѣпо предспавицѣя умспвенному взгляду нашему на всемъ проспранспвѣ шеперешняго вещеспвеннаго міра? Величеспвенная пишина въ безконечной пучинѣ проспранспва, объяпаго чиспымъ, невозмущеннымъ и до цѣпшносѣи, не полько до вещеспва, непошемненнымъ свѣпомъ.

Свѣтъ, какъ дѣяпельность развивающаяся, еспъ начало жизни; *тѣжестъ*, какъ дѣяпельность коснѣющая, сспъ начало смерти: шамъ—избыпокъ, разширеніе, радоспъ; здѣсь оскудѣніе, сжашіе, уныніе. Если міръ вещеспвенный—спрана оскудѣнія и носипъ на себѣ—признаки жизни: по эпо жизнь случайная, условная. Пуспъ солнце навсегда оппврашипъ лице свое опъ земнаго шара; на немъ воцарипся повсюдный мракъ со всѣми своими ужасами: хладомъ, косноспью, смерпью. Самъ по себѣ шаръ земной еспъ обласпъ, *тѣжестъ*, слѣдовапельно спрана мрака, оскудѣнія, унынія, равно какъ и весь міръ вещеспвенный, словомъ: спрана смерти, но изъ челюспей ея изѣмлемая милоспкію неба—*свѣтомъ*.

Свѣтъ, какъ свободная сила *разширительная*,

дѣйствующая на *вещество*, обуздываетъ въ немъ силу *сжимательную*, и такимъ образомъ частіи лучей своихъ, померкшихъ подъ господствомъ *тяжести*, освобождая, возвращаетъ собственнымъ законамъ. Опшпуда—борьба *свѣта* и *вещества* оканчивается развиіемъ свѣта, теплотой, а иногда и явленіемъ огня. Пламя разрушающагося пѣла указываетъ мѣсту, куда все спремится—къ *свѣту*. Мракъ *вещества* есть временное оплученіе и для самаго *свѣта*.

Если *вещество*, эта основа физическаго міра, есть сила *разширительная* и *сжима- тельная*, ограниченные взаимно, и если *свѣтъ* и *тяжесть* суть пѣже самыя силы, являющіеся свободно, *разширительная* — *свѣтомъ*, *сжима- тельная* — *тяжестью*; по изъ сего само собою слѣдуетъ, что *свѣтъ* и *тяжесть* суть силы природы основныя, коренныя; всѣ же прочія производныя.

Кромѣ *свѣта*, *тяжести* и *вещества* вообще, дѣятели природы раздѣляются на два рода : 1) вещеспвенные, какъ на пр. воздухъ, земля, вода, и 2) невещеспвенные каковы: элек- причество, магнитизмъ, химизмъ. Послѣдніе опѣ вещеспва не опдѣльны : ихъ нѣтъ въ природѣ свободными подобно *свѣту* и *тяже- сти*. А поелику самое *вещество* есть *свѣтъ* и *тяжесть*, взаимно ограниченные; по силы,

опъ *вещества* неопдѣльныя, какъ производныя, должны бытъ только видоизмѣненіями *свѣта* же и *тяжести*. Кпо въ электрическѣ не узнаешъ *свѣта*, а въ магнитизмѣ *тяжести*, измѣненныхъ при дальнѣйшемъ развитіи физическаго міра?

Съ точностію опредѣлить всѣ виды дѣятелей природы, показавъ взаимную ихъ зависимость, переходъ изъ простыхъ силъ въ процессы, раскрывъ законы, по коимъ дѣйствуютъ тѣ и другіе; словомъ: составить полную теорію дѣятельности природы—вопъ назначеніе физики въ наше время!

М. Павловъ.

II.

къ дѣвѣ, подательницѣ сновидѣній.

Упѣха пламенныхъ очей,
О, радость—дѣва молодая!
Явися мнѣ, въ тиши ночей,
Когда, безсоніемъ спрадалъ,
Я мучусь въ пламенной тоскѣ;
Явись, какъ ты являлась прежде,
Въ воздушной, розовой одеждѣ,
Съ букетомъ, въ ласковой рукѣ,
Свѣжющихъ, ночныхъ фюлей!
Веди меня съ собою въ поле
И въ шелковистые луга,
Гдѣ все свободно и привольно,

Гдѣ небо гнется какъ дуга,
Ласкаясь къ землѣ довольной!..
Но я вопще тебя зову,
Тоскливымъ голосомъ помненья:
Иныя, грѣзныя видѣнья,
Смущающъ помную главу.
Распущъ, кипящъ, я вижу, воды
И нагло рвутся изъ береговъ,
И грудь земли полна громовъ
И не шаковъ ужъ чинъ природы!...

.
.
.
.

Ө. Глинка.

III.

ВАСИЛЬЕВЪ ВЕЧЕРЪ

ПОВѢСТЬ

(продолженіе)

Нѣсколько минутъ лихая шройка неслась во весь опоръ. Спой, закричалъ наконецъ молодой. Ямщикъ осадилъ приученныхъ лошадей, и онѣ на всемъ скаку оспановились, какъ вкопанныя, фыркая и роя копытами землю. Баринъ и прикащикъ мигомъ выскочили изъ кибитки, подхватили подъ руки изумленную женщину, кошорая, внѣ себя опъ

спраха, не знала, что съ нею дѣлается; и по-
тащили по длинной узкой гапѣ, заваленной
съ передняго конца валежникомъ и хвороспомъ.
Съ половины опкрылся предъ ними на при-
горкѣ деревянный домъ, окруженный со всѣхъ
сторонъ каменной оградой, съ желѣзными
ворошами по срединѣ... Онъ уже опворялись, и со
двора высыпало множество народа съ веселымъ
крикомъ и шумомъ на встрѣчу вѣрно-ожидан-
нымъ госпямъ.—Все мущины, высокіе, пол-
спые, пухлые, въ лаптяхъ, сапогахъ, босикомъ,
кто въ кафтанъ, кто въ рясу, кто въ красной
рубашкѣ, кто подпоясанъ, кто на распахку,
съ синими пятнами и рубцами на лицахъ, съ
бородами и безъ бородъ, осприженные и длин-
новолосые. »Гей! сюда! ура! Скорѣй! Давай ее—
змѣю подколодную!« гамъли они издали, свер-
кая глазами, размахивая кулаками, засучивая
рукава. »Вопъ вамъ она,« закричалъ запыхав-
шійся молодой, перебѣжавъ съ своимъ повари-
щемъ во весь духъ оспальную половину до-
роги, »вонъ вамъ она!« и бросилъ полумертвую
въ средину разъяренной толпы. »Ай ашаманъ!
Спасибо! исполашъ! Сослужилъ намъ службу!
чиспо сдѣлалъ!« раздалось со всѣхъ сторонъ,
и разбойники, кажешся, шупъ же разперзали бѣ
на часпи ненависпную имъ женщину, попав-
шуюся въ ихъ когти, еслибъ одинъ изъ нихъ,
съ подвязанною рукою, не оспановилъ своихъ

поварищей. »Ребяпа! поспойте, выслушайте меня: одной смерпи мало эпой злодѣйкъ; ее надо измучить пакъ, чпобъ черпи расплакались — за нашихъ двухъ молодцевъ — царство имъ небесное! — чпо по ея милоспи издохли не въ чистомъ полѣ, не въ шемномъ лѣсѣ, не красною смерпью, а подъ поломъ, какъ мокрая мыши опъ кошечей лапки. Ребяпа! опдайше ее мнѣ въ волю — за эту руку, копорая двадцать лѣтъ служила вамъ вѣрой и правдой, а пеперь мошася безъ пальцевъ, — ужъ я васъ разпопѣшу!« »Дѣло! дѣло! бышь по пвоему! Лишь поскорѣ! Дай полюбовашся. — Ашаманъ! пы чпо скажешь на эню?« »Вина, вина,« закричалъ онъ, переведя дыханіе, и поднявшись съ земли, на копорую повалился опъ успалоспи, »вина! не бышь было мнѣ вашимъ ашаманомъ. . обольспила меня Евва. . и еслибъ не побожился я шебъ, Иванъ Аршамоновичъ, привезши ее живую или мерпвую, еслибъ не привидѣлся еще мнѣ ночью удалый нашъ Спепка, не погрозилъ мнѣ окровавленнымъ пальцемъ и не указалъ мнѣ на разсѣченное шема, брапцы измѣнилъ бы я вамъ, — да опкиньте ее съ глазъ моихъ подалыше, пролеспницу. . . Видите, какъ она смотрипъ на меня умильно! вина! вина!« »Ахъ она злодѣйка! ахъ она змѣя! — Да она колдунья! чернокнижница! нашего Грозу опва-

дипть хоптъла ! Воптъ мы ес ! воптъ мы ес.«

А между тѣмъ принесено было горячее вино, и жадные разбойники, какъ пчелы улей, обляпили глубокую ендѡву. Атаманъ однимъ духомъ выпилъ ковшикъ, за нимъ всѣ поварищи и началось разгульное похмѣлье.

Передъ нашими воропы,
Передъ нашими широки,
Передъ нашими широки,
Разыгралися ребяша,
Всѣ ребяша молодые,
Молодые, холоспые:
Они шуточку сипушили,
Въ новы сѣни подскочили,
Новы сѣни подломили,
Красну дѣвку подманили,
Въ новы сани посадили.

—»Гей! еще вина! заповѣднаго! опрывайте ледникъ, выкапывайте бочку, починайте Маршовское пиво? Живѣй! удалѣй?«—Такъ буйспивовала радоспная шайка, пылая мщеніемъ за погибшихъ поварищей, а несчастная жертва, обреченная на погибель, спояла одадь, пошупивъ глаза, блѣдная и безмолвная, и ожидала съ неперпѣніемъ конца своимъ мученіямъ. Воптъ кпо былъ ся мужъ! воптъ за чѣмъ онъ женился на ней. . . Но чувство любви къ злодѣю еще не оспыло въ ней: она какъ будто не вѣришь самой себѣ, и съ ужасомъ спараеися опклонишь мысли опъ этого гореспнаго пред-

меша. . Что будетъ съ опцемъ моимъ, дума-
етъ она, когда онъ услышавъ , въ какой
обманъ онъ попался , въ чьи руки предаль
единственную любимую дочь свою, и какія
мученія должна переносить она по его не-
осторожности,—и залилась горячими слезами.
Между тѣмъ ковши по нѣскольку разъ обо-
шли опьянѣлую шайку. . »Чего же дожидаетесь
вы, брашцы,« закричалъ одинъ, »или за попомъ
посылашь хотипе? Эй, разприга дьячекъ, бла-
гослови!« — »Вопъ я благословлю,« загремѣлъ
косматый полесый мужикъ съ длинной бо-
родой и заплепенною позади косою , подско-
чилъ къ ней и со всего размаху хватилъ ее
по щекѣ, такъ что она зашаталась и упала.
»Цыцъ волосапикъ,« закричали прочіе, грозя
ему кулаками, »пы пой, а рукавъ воли не да-
вай.« — »Ребяпа! да въ самомъ дѣлѣ зѣвать не-
чего, говорише-ка вы прежде, что дѣлать съ
нею: какъ кпо хочешь,« закричалъ Иванъ Ар-
шамовичъ. »Сжечь ее на маломъ огнѣ? «мало!«
»Колесовать?«мало!«»Повѣсиль за ногу на суку!«
»запечешь какъ разъ!« »Разорвать по кускамъ?«
»скоро издохнетъ!« — »Такъ что же?« »Сварить
въ кипячкѣ,« закричалъ смѣющійся извергъ;
ха! ха! ха!—Варить ее! варить! Скорѣ дровъ,
воды, копель!« — »Брашцы! пусть сама она но-
ситъ на себѣ и воду и дрова.« — Носи же бѣсова
дочь, закричали всѣ, и ближніе толкнули ее-

къ полѣнницѣ , а другіе припанили изъ подвала огромной мѣдной кошель. »А намъ пока мѣспъ закусипъ давайше! Кашеваръ! Чпо еспъ въ печи, все на сполъ мечи!« И разбойники на широкомъ дворѣ, поросшемъ правою, расположились поддичашъ; несчастная женица подъ надзоромъ проихъ спорожей, согнувшись ходила взадъ и впередъ, подъ тяжелыми ношами, — а разбойники посмапривали на нее съ злобнымъ удовольствіемъ, ругали и швыряли оглоданными мосолыгами. Апаманъ сидѣлъ задумавшись, опшворопся опъ нея въ другую спорону. Одинъ молодой парень подвернулся къ нему и хопѣлъ развеселишь. »Объ чемъ ты, другъ нашъ, призадумался? За чпо про чпо ты повѣсилъ свою буйную головушкѣ? Послушайка меня, слуги своего вѣрнаго, какъ я спюю тебѣ пѣсенку, пѣсенку вѣщую, справедливую.«

Спругалъ спружки доброй молодецъ,
 Брала спружки красна дѣвица,
 Бравши спружки на огонь клала,
 Все змѣй пекла, земѣ дѣлала.
 Сеспра брапа извеспи хочепъ:
 Вспрѣчала брапа среди двора,
 Наливала чашу прежде времени,
 Подносила ее брату милому.
 Ты пей, сеспра, напередъ меня.
 Пила, брашецъ, наливаючи,

Тебя, братецъ, поздравляючи.
 Какъ канула капля коню на гриву,
 У добра коня грива загорается,
 Молодецъ на конѣ разнемогается.
 Сходилъ молодецъ съ добра коня,
 Вынималъ изъ ноженъ саблю оспрую,
 Сымалъ съ сесстры буйную голову:
 Не сестра ты мнѣ родимая,
 Чпо змѣя ты подкодная. . .»

»Не сестра ты намъ родимая,
 Чпо змѣя ты подкодная!«

подхвапили другіе разбойники, »вода налиша, дрова накладены, зажигайте косперъ! огневщикъ, чего ты зѣваешь?« »Вина, вина! кричалъ апаманъ, въ копоромъ шлилась искра соспрананія къ молодой женѣ. Топчасъ разбойникъ высъкъ огню, другіе надрали береспы, зажгли подтопку, и черный дымъ густыми облаками поднялся къ верху... какъ вдругъ благимъ мапомъ прискакиваетъ къ нимъ въсповой на замученной лошади. »Ребяпа! скорѣе на коней! обозъ ѣдетъ« — »Гдѣ?« »Въ вечерни пошелъ опъ Полусмирнаго, пеперь долженъ быть близко Волчьяго врагу.« »Великъ ли?« »Большуцій.« »Съ чѣмъ?« »Съ овощнымъ поваромъ: сахаръ, чай, кизлярская водка, сласпи, чего хочешь, шого просишь. Добыча - разлюли. Трошка подпойлъ почпи всѣхъ извошниковъ на поспояломъ дворѣ. У всѣхъ въ головѣ шумитъ, и они ѣдутъ спу-

спя рукава. Всѣхъ руками бери, и дѣлай, что хочешь. Только не мѣшайте! Скорѣе. —
»Не лѣзя ли подождешь. « — »Ни-ни! какъ они выйдутъ на чистое мѣсто, да пропрѣзвянся, шакъ взяпки съ нихъ будутъ гладки. Еще по-пупчики, можетъ быть, подвернутся. Команда, слышно, изъ Муромѣ идетъ за чѣмъ-то въ уѣздъ. Скорѣе. Да что вы тутъ развеселились, что вамъ не хочется съ печкой разспаться? « »Чего, братъ, госпью Богъ намъ послалъ, прошеную и званую — (ба, ба, ба, здорово краличка! да какая же красивенькая, смазливенькая!) шакъ мы угостимъ ее хопимъ... шепленькой водицей. « — »Эва? Что вамъ мѣшаетъ! Успѣемъ раздѣлаться съ нею воропясь; на долго ль намъ работы: окружимъ, наскочимъ, закричимъ, цапъ-царапъ, и дома. « »И по, « подхвапили другіе, »все равно здѣсь дожидаться: дрова не разгорѣлись еще, видится, и вода не закипаетъ. « »На коней — да поѣдемъ всѣ гурьбою, чтобъ скорѣе порѣшили намъ все, и назадъ, на пирушку. « — »А съ нею кого здѣсь ошавить? « »Гимоеея хромаго: пусть спережешъ ее, да огонь раздуваетъ. « Разбойники побѣжали подъ навѣсъ за лошадьми, копорыя спояли у нихъ гошовыя, осѣдланныя и взнузданныя. Иванъ Арпамоновичъ скрутилъ молодой женщинѣ руки назадъ, ударивъ раза три по

головѣ за то, что она ворошилась, наказаль строго-настрого оспавленному спорожу не спускаль съ нея глазь, заперель воропа и дожидалься ихъ возвращенія. Лошади были выведены, оружіе вынесено—киспени, сабли, ружья, рогапины; разбойники выбрали, кому что было надо, и, одѣвшись, оправясь, вооружась, сѣли на коней, свиснули, гаркнули и поскакали вапагами въ разныя спороны. Хромой заперъ за ними воропа, и сѣлъ къ огню, смопръ съ сожалѣніемъ на связанную женщину. Въ самомъ дѣлѣ красавица собою, въ цвѣтѣ лѣтъ, высокая, спройная,—и въ пакомъ гореспномъ положеніи, похищенная изъ спеческаго дома, ни мужняя жена, ни дѣвушка, во власпи неисповыхъ палачей, у коспра, на кошпоромъ должна чрезъ нѣсколько часовъ погибнуль въ ужасныхъ мученіяхъ, она могла возбудиль жалосль въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ, и полько месль ожеспочила сердца прочихъ разбойниковъ, связанныхъ узами условнаго родспва, до пакой спепени, что ни въ одномъ не раздался голосъ чедовѣческаго чувспва. Замѣпивъ дѣйствіе, производимое ею надъ своимъ молодымъ спорожемъ, она рѣшаелься просиль его . . . »Спаси меня...пы доброй чедовѣкъ.. Эпо видно по лицу пвоему..Заспавъ о себѣ вѣчно Бога моиль...Спаси.«—Изъ глазь ея лились сле-

зы ручьями, на лицѣ выражалось такое спрaданіе, въ голосѣ слышалось такое убѣжденіе...
»Что ты? Что ты? Мнѣ жаль тебя, правду сказаю, но видно такъ тебѣ на роду написано: за то Богъ наверсхася на помя свѣпѣ. Спаси я не въ силахъ; какъ я могу?«
»Убѣжимъ вмѣстѣ.« »Помилуй, я хромаю, у меня пуля въ ногѣ... двадцати шаговъ не пройду... силъ нѣтъ, куда мнѣ теперь бѣжать!«—»Опусти меня одну, развяжи только мои руки. Сжался надо мной, молюся тебѣ.«—»Но они убьютъ меня самаго на мѣстѣ, какъ увидятъ, что я измѣнилъ имъ и выпустилъ ихъ плѣнницу. И такъ меня не любятъ и безпрестанно подозрѣваютъ.«—»Развѣ ты здѣсь недавно?« »Недавно,—они меня сманили въ пракирѣ подѣ недоброй часѣ, когда мнѣ было дозла-горя, и вовсе невинный, шелъ я подѣ судѣ,—теперь я опомнился; мнѣ самому хочется оспавить эпопѣ вершпѣ, — но меня ранили въ первой схваткѣ, и я дожидаюсь, какъ излечится моя рана.« — »О будь моимъ ангеломъ хранишелемъ, ради Бога, прошу тебя.« »Радъ бы, да какъ же?«—»Послушай... вошѣ что. Самъ Богъ меня наоумилъ... перерѣжѣ мою веревку... лягѣ... я убѣгу... ты скажешь, что я освободила себѣ руки, толкнула тебя сзади... прибила...связала тебя, а сама убѣжала...они повѣрятъ...они знаютъ ме-

ня. «—» Да какъ? «. » Какъ нибудь! Сдѣлай милость, сдѣлай милость, они шебя не пронупь. Все эшо похоже на правду. « . . . » Но куда бѣжашь шебѣ? догоняють пошчасъ. « » Попышаюсь. . все равно. . вѣдь и безъ эшого умирашь мнѣ надо. Авось Богъ поможетъ. Христа ради. Христа ради. Господь наградить за доброе дѣло, можетъ бышь и я успѣю помочь шебѣ, другъ мой. . . . И молодой человекъ побѣжденъ; подвергая жизнь свою опасности, онъ рѣшается исполнить такую усиленную просьбу: молча беретъ попорь,—но перерубить узлы неловко, они плохо завязаны на пѣль. . надо развязывать. Женщина прелещетъ опъ радости и неперпѣнія, между пѣмъ какъ ея спасицель продвигаетъ изъ пеплей полетные концы. . вдругъ слышится шумъ... у него опустились руки. » Госноди, они возвращаются. « » Не можетъ бышь—эшо вѣрно упало дерево, слышишь какъ вѣтеръ шумитъ. « » И собаки бѣгутъ къ воронамъ. Все пропало. « » Нѣтъ—собаки играютъ, видишь—онѣ паскаютъ какую по ветошку. « » Ахъ! я слышу хохотъ. . . » Сѣвы хохочутъ въ лѣсу,—развязывай, оспался одинъ только узелъ, послѣдній! « » Свиспаятъ! «—» Эшо орелъ свиспипъ. Вошь и все. Ну слава Богу! благодарю, благодарю шебя. Теперь постой, сей часъ я свяжу шебѣ руки... хопъ слабо . . . будно послѣ ты ихъ разпуталъ . . вошь такъ . . прощай! Если Богъ

мнѣ поможешь, я тебя не забуду. Если нѣтъ— все таки не забуду на помѣть свѣтъ, предѣ Божіей Матерью . . . Ахъ, я не спросила еще о дорогѣ.» »Я не знаю, меня привезли съ завязанными глазами — и одинъ разъ только ночью я выѣзжалъ на разбой, гдѣ меня ранили.» »Боже мой! По крайней мѣрѣ . . . какъ ты думаешь: въ которой споронѣ городъ?»—»Кажется, въ этой» . . . »Прощай и молись обо мнѣ.... Дазайми ихъ здѣсь подольше... опорѣжся . . . лягъ къ забору—прощай! . . .

Рѣшительная женщина поцѣловала его и изо всей мочи побѣжала . . . »Ахъ! воропа заперпы. Тебѣ нельзя ихъ опперепеть.»—»Назадъ есль калипка, пройди черезъ нее, прощай.» Собаки съ лаемъ погнались было за нею, но оспановленные знакомымъ голосомъ оспавили ее въ покоѣ.

Между тѣмъ разбойники сдѣлали свое дѣло, хопя и не съ полнымъ успѣхомъ. Пріѣхавъ нѣсколько поздно, они захватили только половину многолюднаго обоза, изъ котораго многіе воза успѣли до ихъ появленія выбрапъся на безопасное мѣсто. Перевязавъ оспальныхъ ямщиковъ по рукамъ и ногамъ, и уложивъ ихъ въ рыпвину подлѣ дороги, они опвели подводы въ другую спорону, выбрали все, что было полегче и нужнѣе, навязали

на своихъ лошадей , и поведя за собою нѣсколько выпряженныхъ , пуспились разными дорогами къ своему припону.

Ужъ брежжилось упрѣ , какъ они спали подъѣзжая къ воропамъ. Подаюпъ условленный знакъ—ни опвѣшу , ни привѣшу. Спиу-чапся — по же молчаніе. Еще шибче, — и опяпъ напрасно. Кричапъ , кличупъ — все безъ успѣху. Наконецъ — нѣсколько чело-вѣкъ перелѣзаюпъ черезъ заборъ и оппираюпъ воропа. Неперпѣливые бросаюпся . . . на дворъ нѣпъ ни спорожа, ни плѣнницы. . . огонь подъ коплѣмъ чупъ свѣшипся . . оспы-лая вода не колыхнешся. . недоумѣніе. . вдругъ слышапъ спонъ. . идупъ , ищупъ , и находяпъ своего поварица подъ заборомъ , окровавлен-наго , охающаго опъ боли . . . »Чпѣ съ по-бою сдѣлалось? . . гдѣ она?«—»Ой, ой, ой! ес нѣпъ?« »Чего же пы смопрѣлъ, мошенникъ?«—»Чего я смопрѣлъ! я полько оборѣшилсѣ опъ нея и спалъ подгрѣбапъ уголья. . . ой, ой. . . мочи нѣпъ. . какъ она полкнула меня въ огонь, ударила по шеѣ. . . »Да вѣдъ она была связана.«—»А чорпъ ее знаспъ, какъ она раз-вязалась окалнная. Самъ бѣсъ ей видно по-могъ . . . да опнесипе меня на печь. Я про-зябъ «—»Кудажъ она бѣжала?«.. »Она побѣжала въ покой,« (нѣсколько чело-вѣкъ бросились поппчасъ въ домъ). »Но какъ попалъ пы подъ заборъ?«

»Опѣ удара лежалъ я безъ памяти . . . Она изъ дома опять прибѣжала комнѣ, . . . взяла, да связала . . . да за ноги и опшпанила къ забору, въ крапиву. «—»А послѣ чпо? «—»Въ покояхъ нѣтъ нигдѣ: мы перешарили всѣ мыши норки» прибѣжали сказаѣ разбойники. »А послѣ чпо она сдѣлала, шебѣ-говоряѣ хромой чорпѣ? «—»А какѣ мнѣ было видѣѣ. . . Я слышалѣ шолько, собаки лаяли вопѣ памѣ. . . къ калипкѣ. «—»Да чпо же, дьяволѣ, пы не сказалѣ эпого прежде. «—»Брашцы! опять на коней! »закричалѣ въ быпенспѣ Иванѣ Аршамоновичѣ.»Вѣ рассыпную! И кпо привезспѣ ее сюда живую, пому вся моя доля, и пому я слуга до впораго пришествіа; смотрипсѣѣ, чпобы не посмѣялася баба надѣ молодецкою шайкою!» Человѣкѣ восемь разбойниковѣ помччасѣ поскакали изъ воропѣ во всѣ спороны, ругая и спрашно проклиная нашу героиню, копорая въ другой разѣ нанесла имѣ шакое оскорбленіе. Оспальные, уложивѣ привезенную добычу въ подвалахѣ, пуспилися въ слѣдѣ за ними. Дома оспались человѣкѣ пияѣ особенно успавшихѣ и Иванѣ Аршамоновичѣ, копорой внѣ себя опѣ яроспи, по подкладывалѣ дрова, по подходилѣ къ воропамѣ смонпрѣпѣ, не везущѣ ли бѣглянку, по раздувалѣ огонь, по разжигалѣ клещи.

Избѣгнѣѣ ли несчастная женщина пригопшвенныхѣ мученій? Получаса еще не прош-

ло, какъ она оспавила адское жилище. Далеко-ли могла она удалиться! Одна, не зная дороги, въ дремучемъ лѣсу, въ копоромъ среди бѣлаго дня заблуждающся, можешъ ли она укрыться опъ своихъ преслѣдователей? Они знаютъ всѣ заячьи пропинки! Они не оспавяшъ ни одного куспика безъ осмотра. И сколько пуспилося ихъ за нею въ погоню? Двадцать. Всѣ они раздражены на нее за смерть двухъ главныхъ своихъ поварищѣй. Ихъ злоба шеперь получила новую пищу, имъ спыдно упустишь жерпву, съ шакимъ шрудомъ пріобрѣщенную . . Припомъ спасшисъ, она можешъ служишь къ ихъ погибели . . . Несчастная! Для чего же она повѣрила оболъспительной надеждѣ, для чего за сомништельную минушу опважилась на лишнія мученія?

Впрочемъ, любезные мои чипашѣли, я не скажу вамъ шеперь, хорошо ли, или дурно она эшо сдѣлада; я скажу вамъ шолько, чшо много обспояшельствъ можешъ шпрѣшпшсь въ шя пользу, шакже какъ и во вредъ ея; а какія изъ нихъ случились именно, шю еспъ—погибла ли она, или спаслась; о шомъ вы узнаешевъ чешвершой, а, можешъ бышь, и пяшой книжкѣ Телескопа.

(И такъ до слѣдующей книжки.)

IV.

ИЗОЛА БЕЛЛА а.)

Красавецъ островъ! предо мною
 Восходишь гордо ты въ водахъ,
 Поспавленъ смертнаго рукою
 На дикихъ, мраморныхъ скалахъ,
 Роскошнымъ садомъ осыенный,
 Облипый влагой голубой:
 И мнялся, изумрудъ зеленый
 Обхваченъ чистой бирюзой.
 Меня манишь пивой брегъ счастливый;
 Опъ сладкихъ думъ, онъ нѣги полнъ.
 Спиши, спиши, пловецъ лѣнливый!
 Леши въ зыбяхъ, мой легкій чолнъ!
 Тамъ, межъ вышвей полу-сокрыты,
 Лимоны золопомъ горятъ;
 Какъ дѣвъ полуденныхъ ланиты,
 Блится пурпурный гранатъ;
 Тамъ свѣжихъ розъ благоуханье,
 Тамъ гордый лавръ плѣняетъ взоръ,
 И липшевъ мирпа препешанье,
 Какъ двухъ влюбленныхъ разговоръ.
 Прелестный край! все дышетъ югомъ:
 И пѣнь садовъ и лоно водъ;
 И Альповъ цѣпь могущимъ кругомъ
 Его опъ хлада спережешь,
 И ярко въ небъ блещутъ льдины,
 И выше сизыхъ облаковъ
 Восходятъ горы—исполины
 Подъ шлемомъ дѣвственныхъ снѣговъ.

а) Isola Bella, (*прекрасный островъ*), при берегахъ
 Италіи.

Не такъ ли въ повѣстяхъ Воспока
Ирана юная краса
Сокрыта за моремъ, далеко,
Гдѣ чисто свѣпяпъ небеса,
Гдѣ сонъ ея лелѣюпъ Пери
И духи водъ ей пѣснь поюпъ;
Но мрачный Днѣ спойпъ у двери,
Храня волшебный сѣй пріюпъ.

Хомяковъ.

V.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ, ВОЗРАСТАНІЕ И УПАДОКЪ
ГОЛЛАНДСКОЙ ТОРГОВЛИ.

(окончаніе)

Говоря объ успѣхахъ Голландской торговли, мы упомянули вкратцѣ о нѣкопрыхъ обстоятельстввахъ, имъ споспѣшествовавшихъ. Но прежде нежели приведемъ другія, представимъ вниманію чипашелей докуменпъ, весьма важный, и, къ несчастію, мало извѣспный.

Послѣ войны, окончанной Ахенскимъ Трактапомъ, вниманіе Голландскаго Правительсва обращено было на соспояніе купеческой морской силы и торговли съ иноспранными государствами. Онѣ безпреспанно клонились къ упадку; и всѣ граждане, пипавшіе любовь къ общеспвенному благу, изыскивали сред-

ства оспановишь сей упадокъ и возврапишь имъ прежнюю славу. Для приведенія въ исполненіе сихъ полезныхъ намѣреній, Шпашгальперъ, Вильгельмъ IV, предложилъ слѣдующіе вопросы негоціантамъ, наиболѣе просвѣщеннымъ и дѣятельнымъ : 1) въ какомъ состояніи находится настоящее поргъовля? и 2) если она дѣйствительно въ упадкѣ, по какія средства употребить должно для возвращенія ей прежней славы?»

Разрѣшая вопросы сіи, негоціанты должны были вникнуть въ причины, возвысившія некогда поргъовлю *Голландіи* на высшую степень благоденствія, также и тѣ, кои склонили ее къ упадку. Ошвѣты были почти сходны между собою въ важнѣйшихъ пунктахъ. Шпашгальперъ заставилъ подвесити ихъ подъ общій взглядъ. Хотя нѣкоторые изъ началъ, выведенныхъ въ семь взглядъ, относятся собственно къ *Голландіи*; но большая часть изъ нихъ можетъ быть примѣнена ко всѣмъ государствамъ, и опличается вѣрностью и глубиною. Любопытно видѣть, какъ *Голландія*, руководствуемая однимъ здравымъ смысломъ и практикой, опередила нѣкоторымъ образомъ теоріи политической экономіи. Нигдѣ лучше не оцѣнены послѣдствія религіознаго и политическаго благоустройства для промышленности, какъ въ семь разсужденіи, которое

пѣмъ важнѣе, что основано не на предположеніяхъ и теоріяхъ. Всѣ пѣ, коихъ сужденія приняты въ соображеніе, были люди опытные, положишельные, заимспвовавшіе свои мнѣнія не изъ книгъ, а изъ событій. Ихъ опыты на сіи важные экономическіе вопросы были плодомъ опытности и личныхъ наблюденій: и между пѣмъ самъ *Адамъ Смитъ* не сильнѣе возспаеетъ прошивъ препонъ, кои поставляюся шорговлѣ, часпо изъ несмысленнаго желанія споспѣшествовать ей.

Разсужденіе сіе начинаешся изложеніемъ различныхъ причинъ, споспѣшествовавшихъ благоденствію *Голландіи*. Причины сіи раздѣлены на три рода. Первыя, слѣдуя авторамъ разсужденія, суть причины еспешивенныя и физическія; вторыя — причины нравшвенныя; третьи — благопріятныя и случайныя. Вотъ главные замѣчанія, опносительно каждаго изъ сихъ пункшовъ.

»I. Причины физическія и еспешивенныя суть положеніе земли на морскомъ берегу и при успѣ большихъ рѣкъ; и въ особенноти положеніе ея между сѣверными и южными шпранами Европы, содѣлывающее *Голландію* главнымъ шоржищемъ, куда негоціанты сѣвера и юга привозятъ свои избытки и промѣниваютъ на пѣ вещи, въ коихъ сами имѣютъ нужду.

»Бесплодность почвы и происходящая отсюда нужды для жителей, были также одною изъ причинъ ихъ благоденствія; онѣ понудили ихъ употребить всѣ усилія ума и мужескаго шертвѣнія, для пріобрѣтенія торговаго пою, въ чемъ отказывала имъ природа.

»Рыбы, изобилующей въ сосѣдственныхъ моряхъ, доставало имъ не только для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, но и для выгодной торговли, такъ, что ловля и изобиліе ея вознаграждали для нихъ бесплодность почвы и тѣсному опеческву.

»II. Въ числѣ нравственныхъ и политическихъ причинъ должны занимать первое мѣсто ненарушимыя правила шертимости, которую Союзъ поставилъ себѣ закономъ; ибо сія-то шертимость привлекла въ ея нѣдра, изъ всѣхъ странъ Европы, капиталы и промышленность смышленныхъ иностранцевъ, способшествовавшихъ вмѣстѣ и народонаселенію ея провинцій. Никакой шракташъ, никакой союзъ, никакія убѣжденія иностранныхъ Правительствъ не могли принудить *Голландію* нарушить законъ, дарующій безопасное убѣжище всѣмъ тѣмъ, кои вѣряли себя ея покровительству. Такимъ образомъ, пользуясь политическими и религіозными гоненіями, происходившими въ другихъ государствахъ,

она привлекала късебѣ капиталы, художества и ремесла, ей неизвѣстныя.

»Спараніе правительства и свобода, обезпеченная гражданину, была другими причинами распространенія торговли. Мудрые законы охраняють имѣніе, жизнь и безопасность самаго бѣднаго и проспаго гражданина пропивъ припязаній богашыхъ и сильныхъ. Чужеземецъ, ищущій правосудія въ судилищахъ, получаетъ его, если дѣло его справедливо, подобно туземцу; всего же важнѣе то, что приговоры ихъ также поспѣшны въ исполненіи, какъ и справедливы.

»Къ симъ преимуществамъ, споль сильно поощравшимъ торговлю, надобно прибавить еще мудрость и осторожность правительства; твердость въ совѣсахъ, честность и вѣрность въ исполненіи своихъ обязательствъ, какъ внутри, такъ и вне опечесства, заботливостъ о сохраненіи спокойствія и избѣжаніи войнъ изъ честолюбія и охоты къ завоеваніямъ. Сей мудрый образъ правленія приобрѣлъ довѣренность издавна, ввелъ *Голландское* прямодушіе въ общую пословицу и способствовалъ къ спеченію въ предѣлы иностранцевъ, кои охотно привозили съ собой плоды своей промышленности.

»III. Между благопріятными и случайными причинами, въ особенності замѣшаны должно

по обстоятельству, что в то время, когда *Голландія* руководствовалась самыми мудрыми правилами торговли, сии правила были оспариваемы безъ вниманія въ другихъ государствахъ. Сюда также должно присоединить гоненія за Вѣру въ Испаніи и Брабантѣ, гражданскія войны во Франціи и Англіи, копорыя, лишая благосостоянія и безопасности гражданъ, привлекали къ нее всѣхъ, кои желали безопасно наслаждаться плодами трудовъ своихъ.

»Еще прибавить должно, что во время обременительныхъ войнъ *Голландіи* съ Испаніей и Португаліей, государства сии совершенно нерадѣли о флотѣ, между тѣмъ какъ она, не смотря на слабость ихъ, привела свой флотъ въ цвѣтущее состояніе, такъ, что онъ не только покровительствовалъ торговлѣ, но и способствовалъ къ нападенію на непріятелей во всѣхъ частяхъ свѣта.»

Читатели безъ сомнѣнія согласятся, что сии замѣчанія приносятъ большую честь негоціантамъ *Голландскимъ*. Ничто такъ не справедливо, какъ изчисленіе причинъ древняго благоденствія ихъ торговли. Центральное положеніе земли и самая безплодность ея, безъ всякаго сомнѣнія, способствовали симъ удивительнымъ послѣдствіямъ. Не смотря на то, причины сии покажутся побочными, и глав-

ная честь неоспоримо принадлежишь свободнымъ постановленіямъ, кои процвѣтали равнымъ образомъ въ Голландіи, какъ и въ Финикіи, Греціи, Англіи и Америкѣ.

Множество изслѣдованій обнародовано было о причинахъ упадка *Голландской* торговли. Причины сіи должны быть двухъ родовъ: первая—естественное увеличеніе торговли и флота другихъ народовъ; а вторая—тягостные налоги внутри государства. Во время величайшей славы *Голландіи*, Англія, Франція и Испанія, истощаемыя гражданскими и религиозными раздорами, или спрасію къ завоеваніямъ, не могли заниматься дѣятельно торговлею и выдерживать соперничество съ трудолюбивыми *Голландцами*. Такимъ образомъ сіи государства принуждены были допустить, что заграничная торговля ихъ, и частію береговая, производилась на Голландскихъ корабляхъ и подъ надзоромъ Голландскихъ комиссіонеровъ. Во время совершеннолѣтія Людовика XIV, когда усилилась власть Кромвеля и окончились внутренніе раздоры во Франціи и Англіи, сіи двѣ великія націи обратили все свои силы на торговлю, которая до тѣхъ поръ находилась въ рукахъ одной *Голландіи*. Правительсва ихъ, ревнуя богатству и силѣ, пріобрѣтениемъ сею послѣднею чрезъ торговлю и мореплаваніе, старались подкрѣплять усилія своихъ

подданныхъ. На сей конецъ Англіійскій Парламентъ издалъ въ 1651 славный актъ мореплаванія, запрещающій Голландцамъ отправлять транспортную торговлю въ предѣлахъ Англіи; а въ 1664 появился большой Французскій тарифъ, составленный *Кольбертомъ*, для усиленія торговли и морской силы во Франціи, на счетъ *Голландіи*. Не смотря на то, акты сіи не имѣли вліянія, какое вообще имъ приписываются. Уже по самому ходу дѣлъ и духу времени, сіи народы должны были обратиться къ торговлѣ, если бы и не поддерживали ихъ сіи акты. *Голландцы* перестали быть всемірными комиссіонерами, по естественному порядку вещей, безъ всякой вины со стороны ихъ. Это должно было непременно случиться, какъ скоро прочие народы завели купеческую морскую силу, позволявшую имъ самимъ отправлять то, что нѣкогда производили они чрезъ посредничество своихъ сосѣдей.

Такимъ образомъ успѣхи другихъ народовъ должны были непременно лишить *Голландію* большей части выгодъ, коими она пользовалась; тягостные налоги ускорили сей упадокъ. Надобно однако замѣтить, что сіи оппгостительные налоги дѣланы были не по прихотямъ правителей; ибо расходы Республики подчинялись всегда самой строгой экономіи: но издержки ея въ войнахъ съ Испаніей, Франціей

и Англіей были чрезвычайно велики, такъ что она не могла соблюдать въ нихъ умеренности. Государственные нужды заставили правительство наложить пошлину на молочный хлѣбъ, попомъ на муку, когда она выходила изъ рукъ мѣльника, наконецъ на печеный хлѣбъ, такъ что за одну и ту же вещь плащились при различныхъ пошлинахъ. Также наложены были пошлины на доходы, на завѣщаніа на продажу полей, домовъ; однимъ словомъ: на всѣ предметы роскоши и удобности. *Сиръ Виллиамъ Темплъ* говоритъ, что въ его время, послѣ копорого налоги получили новыя значительныя приращенія, за блюдо рыбы, приготовленное по-Голландски, плащилось не менѣе тридцати различныхъ пошлинъ; и посему вездѣ ходила тогда пословица, что за каждое подобное блюдо, являвшееся на столъ, плащилось одинъ разъ рыбаку и шестъ разъ государственной казнѣ.

Пагубное вліяніе опьягопительныхъ пошлинъ преимущественно обозначено было въ доношеніи, о копоромъ выше упомянуто. «Опьягопительныя пошлины—» сказано въ немъ—«должны сподать первыми въ ряду причинъ, содѣйствовавшихъ ослабленію и упадку торговли. Они подорвали самыя выгоднѣйшія ея отрасли, копорыя, къ ущербу *Голландіи*, перешли въ руки иностранцевъ. Единственный способъ

для воспрепятствования сему пагубному направлению есть уменьшение пошлинъ.

»*Голландія* была некогда единственнымъ торговымъ государствомъ въ Европѣ. Въ то время иностранцы плащили пошлины за товары, привозимые ими на *Голландскія* порожнища, равно какъ и за тѣ, кои они опшуда сами вывозили, не разсуждая о томъ, могли ль они избѣжать ихъ, привозя первые на мѣсто самаго пошребленія и покупая послѣдніе на мѣстѣ произведенія. Но въ исходѣ послѣдняго столѣтія порожняя система измѣнилась во всей Европѣ. Другіе народы, видя, на какую степень благоденствія возвысила *Голландію* торговля, обращали на нее вниманіе; и во избѣжаніе пошлинъ, съ одной стороны начали покупать изъ первыхъ рукъ, между тѣмъ какъ съ другой, уклоняясь равномерно въ сбытъ ихъ отъ обременительнаго посредничества, спали сносіться прямо съ потребищелами.»

Не смотря на сіи справедливыя замѣчанія о непотѣрности пошлинъ, онѣ получили весьма незначительное уменьшеніе, по причинѣ необходимыхъ государственныхъ издержекъ. Исключая транзитную торговлю, производимую по Рейну и Маасу, которую самое существо ея предохраняло отъ всякаго посторонняго совмѣстничества и преимущественно отъ Американской торговли, всѣ прочія опрали

ея, сохраняя свою значительность и обширность, оставались въ изнеможеніи и слабости.

Въ слѣдствіе опягощенности налоговъ и вмѣстѣ чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ, образовавшихся въ то время, когда *Голландцы* имѣли, нѣкопорымъ образомъ, въ своихъ рукахъ монополію Европейской торговли, интересъ прибылей началъ понижаться съ половины XVII столѣтія; и пониженіе сіе, въ теченіе времени, увеличилось еще болѣе. Этого одного обстоятельства уже достаточно было для подорванія основаній ея торговаго величія. Капиталисты, съ трудомъ получавшіе отъ 2 до 3% чистаго барыша съ капиталовъ, лежавшихъ внутри отечества, покушались произвестъ ихъ внѣ, отдавая въ заемъ иностраннымъ правительствамъ. Не возможно опредѣлить съ точностію сумму всѣхъ долговъ, кои они имѣли на различныхъ Европейскихъ государствахъ до Французской революціи; но сумма сія была очень велика и теперь еще должна быть довольно значительна. Увѣряющъ, что капиталы, занятые изъ сей небольшой страны чуждыми правительствами, не считая ссудъ, сдѣланныхъ Франціи, во время войны за независимость Америки, проспирались до 73 милліоновъ фунт. стерл. (1,825,000,000 фр.). По свидѣтельству сочинителя книги о *Богатствѣ Голландіи*, однѣ суммы, данныя въ заемъ

Франціи и Англіи, до 1778 года, составляли 60 милл. фунт. стерл. (1,500,000,000 франк.). Кромѣ ссудъ, дѣлаемыхъ правительствомъ, Голландцы ссужали также и частныхъ особъ, иногда подъ векселя съ процентами, а иногда подъ товары, за которые платежъ оплагался на продолжительные сроки. Затрудненіе найти выгодные проценты въ самой Голландіи было такъ велико, что, по свидѣтельству *Сира Вилліама Темпла*, возвращеніе части капиталовъ, данного въ заемъ, почислалось общественнымъ бѣдствіемъ. »Голландцы« — говорили онъ—принимали сии мѣры всегда со слезами, не зная, гдѣ приспособить и обезопасить свои капиталы.»

Одной изъ побочныхъ причинъ упадка торговли *Соединенныхъ Провинцій* была безъ сомнѣнія монополія Ост-Индской торговли. *Девитъ* утверждаетъ положительно, что уничтоженіе сей монополіи весьма бы увеличило важность торговли съ Южной Азіей. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль Директоровъ Компаніи состояла не въ томъ, чтобы производить большую торговлю съ ограниченнымъ барышомъ, а малую, но съ большими барышами. На сей конецъ, они предлагали всѣ старанія для поддержанія и сохраненія исключительной торговли пряными кореньями; и ея существованіе означено было безпримѣрными дѣйствіями

хищничества и жестокости. »Чтобы дать гвоздикъ цѣну, какую имъ хотѣлось, «—говоритъ Г. Крауфордъ, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о *Восточномъ Архипелагѣ* — »они испребляли ее вездѣ, кромѣ Амбойны, столицы ихъ владѣній; и даже подкупали подарками и деньгами сосѣднихъ Владѣтелей къ испребленію сего расптнія на земляхъ ихъ подданныхъ. Эта испребительная система началась съ 1634 г. Договоры, заключенные *Голландцами* съ Владѣтелями Восточнаго Архипелага, постоянно поддерживаются; и каждый годъ, при наступленіи весны, Голландскій флотъ посѣщаетъ сосѣдственные острова и, съ немолимостью испребляетъ гвоздичные куски, коими благодатная природа усиливаетъ ихъ въ безпримѣрномъ изобиліи. Раздраженные жипели часто вооружаются противъ сихъ губителей даровъ, посылаемыхъ имъ Провидѣніемъ; и почти каждый годъ проливается кровь въ сихъ, оправдываемыхъ природою распряхъ. Въ слѣдствіе сихъ постыдныхъ видовъ, страна, изобилующая пряными кореньями, должна бываетъ обратиться въ ферму, коея законные владѣльцы низводятся на степень невольниковъ самымъ правительствомъ, долженствовавшимъ бы имъ покровительствовать. Никогда злосць человеческая не изобрѣтала кова болѣе враждебнаго промышленности, болѣе не-

пріязненнаго общему благу, болѣе противнаго нравственности, какъ сей, вымышленный во времена варварства; и для народа образованнаго стыдно и безчестно, что онъ по сѣ пору еще продолжаетъ вести его.»

Та же самая система наблюдалась въ отношеніи къ пріаносіямъ, идущимъ исключительно изъ Молуккскихъ острововъ. Это причиною, что торговля сѣ доставляетъ и понынѣ производствѣ капиталамъ какой-нибудь развѣ полдюжины богатыхъ негоціантовъ. Отсюда не удивительно, что хищность *Голландскихъ* монополистовъ обезславилъ характеръ сѣ націи во всей Азіи. Капиталъ *Голландской Ост-Индской Компаніи* росъ до 542,000 фунт. стерл. (13,550,000 фр.), кои раздѣлялись на подвижныя акціи, каждая въ 3,000 фл. Перевѣсь, пріобрѣтенный ею весьма рано надъ Португальцами, богатая добыча у нихъ завоеванныя и преимущественно монополія пріаныхъ кореньевъ способствовали ей, не смотря на продолжительныя войны, кораблекрушенія и аварии товаровъ, къ пріобрѣтенію огромныхъ сокровищъ. Ежегодный барышъ, получаемый съ акцій, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, окончившихся въ 1640 г., былъ не менѣе 36%. Въ сѣ время, онъ возвысился до 75%, и въ 1616 имѣли еще 62½%. Справочная цѣна акцій Компаніи составляла тогда 26,000 флор., сумму,

превышавшую въ восемь разъ свою первоначальную цѣну. Сія прибыль поспешенно спала уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ Англичане и прочіе народы начали разпространять торговлю свою въ Индіи. За нѣсколько лѣтъ до разрушенія Компаніи, въ 1796, акціи приносили еще $42 \frac{0}{100}$; но въ сущности онѣ были уже очень низки.

Вопреки примѣру, подаваемому тѣми изъ ихъ согражданъ, кои занимались другими опраслями торговли, члены Ост-Индской Компаніи не заботились ни сколько о распоряженіи своихъ дѣйствій по истиннымъ началамъ. Ихъ главною мыслію было — не имѣть никакихъ соперниковъ, прибравъ себѣ монополію извѣстныхъ продуктовъ и, по достиженіи сего, ограничить производство ихъ, дабы возвысить до неизмѣрно чрезмѣрной прибыли цѣну ихъ съ пошлинами. Черезъ нѣсколько лѣтъ они достигли исключительной торговли перцемъ, и, въ продолженіе сего времени, продавали его 100% дороже, чѣмъ Португальцы. Торговля однимъ симъ продуктомъ была для нихъ источникомъ безчисленныхъ выгодъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ сей системы было, что количество Ост-Индскихъ произведеній, кои вывозила Компанія, было весьма незначительно. Вычислено, что если бъ сія торговля производилась съ болѣе обширными

видами , по вмѣсто капиталла 542,000 фунт. стерлинг. (13,550,000 фр.), она могла бы доставить употребленіе по крайней мѣрѣ десяти милліонамъ (250,000,000 фр.). Высокое мнѣніе, которое имѣли о торговлѣ Ост-Индской Компаніи, было несправедливо , такъ точно какъ подобное мнѣніе о выгодахъ нынѣшнихъ спекулянтовъ Лиденгаль-Сприпа (*). Мы уже видѣли, что въ то время, когда *Іоаннъ Де-Виттъ* издалъ сочиненіе свое о настоящихъ выгодахъ *Голландіи*, купеческая морская сила республики проспиралась до 10,000 кораблей. Не смотря на сіе огромное число , Ост-Индская Компанія употребляла только опгъ десяти до шестнадцати кораблей. Съ 1644 по 1730, въ эпоху величайшей ея славы , она вывела изъ Индіи 1624 корабль, что составляло на годъ, среднимъ числомъ, по четырнадцать кораблей. Если бѣ захопѣлось имѣть еще сильнѣйшее доказательство пагубнаго вліянія монополіи, то его легко найсти , обративъ вниманіе на то , что Американскіе негоціанты, торгующіе нынѣ свободно съ Нидерландскими владѣніями въ Воспочномъ Архипелагѣ , употребляютъ гораздо болѣе кораблей , нежели сколько употребляли Голландскіе монополисты.

(*) Улица въ Лондонѣ , гдѣ находился домъ Ост-Индской Компаніи.

Спранно конечно видѣть, что народъ столь благоразумный и столь проницательный въ дѣлахъ и торговли, могъ допускать такое чудовищное злоупотребленіе; и, несмотря на то, Ост - Индская Компанія почиталась пвердѣщею опорою республики. Правду сказать, она оказала государству нѣкопорыя услуги; и, вопреки почти посполнному обыкновенію исключительныхъ Компаній, всегда поддерживала сама себя, не требуя помощи изъ государственной казны. Но сіи выгоды дорого стоили, и особенно были вредны тѣмъ, что ослѣпляли купечество на счетъ пагубныхъ и неминуемыхъ слѣдствій монополіи. Между, тѣмъ весьма вѣроятно, что особенное успроеніе Компаніи содѣйствовало наиболѣе продолженію ея существованія. Еслибъ управленіе ея дѣлами было совершенно предоставлено Амстердамскимъ негоціантамъ, то всѣ, успрашенные о тѣхъ участіяхъ въ нихъ, сдѣлались бы имъ непріязненными. Но вещи были успроены совершенно иначе. Капитальъ Компаніи раздѣленъ былъ между шестью главными городами; и каждый изъ нихъ имѣлъ отдѣльную Камеру или Контору Управленія, состоящую изъ шестидесяти членовъ. Назначеніе должностей распределено было между сими Камерами, сообразно цѣнности интереса каждой изъ нихъ въ Обществѣ, и всѣ Директоры получа-

ли значительное жалованье. Контора, составленная изъ семнадцати членовъ , избираемыхъ въ разныхъ Камерахъ , облечена была высшею властію. Сія Контора собиралась попеременно въ Амстердамъ и Миддельбургъ: шесть лѣтъ въ первомъ , и два года во послѣднемъ городѣ. Слѣдствіемъ сего порядка вещей было то, что самыя главные и самыя богатые капиталлисты Республики были непосредственно интересованы заниматься дѣлами Компаніи ; они поочередно мѣнялись получаемыми отъ ней выгодами. Такимъ образомъ тѣ, кои, безъ сего распоряженія, были бы враждебны ея монополіи, находили въ ней свои выгоды; и поддерживали всею важностію своей личности учрежденіе , наиболѣе предосудительное торговлѣ и судоходству *Соединенныхъ Провинцій*.

Должно однако замѣтить , что Ост - Индская Компанія не имѣла исключительнаго права снабжать всѣ портища *Голландіи*. Хотя члены ея были единственные Голландцы, кои могли имѣть непосредственное сношеніе съ Индіею; имѣть не менѣе однако каждый негоціантъ *Соединенныхъ Провинцій* имѣлъ право ввозить Ост-Индскіе товары, если они приходили изъ гаваней Франціи , Англіи или всякаго другаго Европейскаго государства. Компанія могла только пользоваться монополіею товаровъ , кои покупала исключительно въ Индіи ; отсюда

настойчивость и усилія для исключительнаго овладѣнія пряными кореньями въ мѣспахъ, на копорыхъ роспушъ они. Въ семъ отношеніи, поспановленія Голландской Компаніи совершенно опличны опъ Англійской. Еслибъ чай былъ въ шо время во всеобщемъ употребленіи у Голландцовъ, какъ у Англичанъ, шо Компанія, для пріобрѣшенія монополіи, должнабъ была спараться о завладѣніи Небесной Имперіей, или по крайней мѣрѣ о прегражденіи пупи къ ней всѣмъ другимъ Европейскимъ и Американскимъ государспвамъ. Напропивъ шого Англійская Компанія безопасна совершенно опъ совмѣспничества. Она не шолько производитъ одна порговлю съ Кипаемъ, но никакой Англійскій негоціантъ не можетъ ввозитъ чаю ни изъ какихъ гаваней Европы и Америки, хошя бы онъ соглапался продаватъ его за половинную цѣну противъ Компаніи. Такимъ образомъ, въ послѣднее время сущесшвованія Голландской Компаніи, чай былъ шакже дешевъ, и даже еще дешевле, нежели въ другихъ государспвахъ; никогда и не приходило въ умъ государспвеннымъ людямъ *Соединенныхъ Провинцій* обрашитъ сію спашьювъ монополію внутрешней порговли. Если Англійская Компанія можетъ еще сколько-нибудь примиритъ съ собой общее мнѣніе, шо развъ шогда, когда послѣдуетъ примѣрамъ Голландской, и разрѣшитъ свободный

привозъ чаевъ , покупаемыхъ въ Гамбургъ , Нью-Йоркъ и другихъ гаваняхъ Европы и Америки. Да и чего бы ей бояться опъ совмѣстничества, когда она, по увѣреніямъ ея апологистовъ , можетъ продавать чай по любымъ цѣнамъ, безъ убытку?

Въ Англіи торговля сія уже пользовалась нѣсколько времени совершенногою свободою, до возобновленія Хартии при Кромвелѣ , въ 1657. Частные негоціанты производили ее, какъ легко можно было предвидѣть, съ дѣятельностію, экономіею и успѣхами, какихъ монополія никогда не можетъ доставить. Въ небольшомъ *Трактатѣ о Торговлѣ*, изданномъ въ 1680 и посвященномъ Автора весьма умнаго и образованнаго , говорится , что во все продолженіе свободной торговли, Ост-Индскія произведенія были привозимы въ Англію въ такомъ большомъ количествѣ и продаваемы по такимъ умѣреннымъ цѣнамъ , что не только снабжали ее , но и вывозились еще въ Амстердамъ , гдѣ понижали цѣну акцій Голландской Компаніи , принуждая ее продавать свои товары по умѣреннѣйшей цѣнѣ.

Слухъ о намѣреніи Кромвеля разрушить Англійскую Компанію , произвелъ величайшее волненіе между акціонерами Голландской Компаніи , которая ясно предвидѣла уменьшеніе своихъ безумныхъ барышей , если должна бу-

дѣтъ выдерживать соперничество Англійскихъ негоціантовъ. Министръ Кромвеля въ Гагѣ писалъ, въ 1654: »Амстердамскіе негоціанты думаютъ, что Лордъ Протекторъ хочетъ разрушить въ Лондонѣ Ост-Индскую Компанію и объявить Ост-Индскую торговлю свободною; это производить большое безпокойство въ Амстердамѣ, по причинѣ вреда, который должно принести Голландской Компаніи.« Символично рѣшительно подтверждается мнѣніе, которое благоразумные Голландцы имѣли о компанейской монополіи.

Между тѣмъ въ *Голландіи*, по несчастію, всякой разъ, какъ правительство покушалось употреблять власть свою для исправленія какой-либо вѣтви промышленности или торговли, сіе покушеніе было пагубно. Такъ на примѣръ все, что ни относилось до ловли сельдей, состояло подъ распоряженіемъ правительства, и агенты, имъ избираемые, наблюдали за исполненіемъ его постановленій. Нѣкоторые изъ сихъ постановленій были очень опіягопительны. На примѣръ, открытіе ловли было назначено въ пять минутъ по полуночи 24 Іюня; и каждый Капитанъ корабля, выходившій изъ Голландской гавани для рыбной ловли, долженъ былъ давать кляшвенное обѣщаніе, что онъ въ почтости будетъ соблюдать сіе правило. Законъ опредѣлялъ также родъ

соли, кошую должно было употреблять для соленія сельдей. Кромѣ того, было множесство другихъ постановленій, ошносительно мѣры боченковъ, пяжеспи и матеріаловъ, изъ коихъ должно ихъ дѣлать, способа набивать ихъ, и пр. Постановленія сіи изданы были для шойцѣли, чптобы обезпечить за рыбной ловлей превосходство, ею пріобрѣтенное, и охранить репутацию добычь ея, сосставляющихъ важнѣйшую отрасль государственнѣйшей торговли, отъ подлога и невѣрности частныхъ лицъ. Но онѣ произвели совершенно прошивное дѣйствіе. Система сія, съ одной стороны связывая промышленниковъ, воспрепятствовала имъ улучшать средства своей промышленности; тогда какъ, съ другой стороны, въ тоже самое время, удобство поддѣлываться подъ общее государственное клеймо, представляло обширнѣйшее поле обманамъ.

Не смопря на сіи недостатки въ млочныхъ частностяхъ, *Голландское* правительсство отличалось всегда свободою и благоразумною политикою предъ прочими Европейскими государствами. Такимъ образомъ страна сія, не превосходящая пространствомъ Княжесства Валлійскаго и уступающая ему въ плодородіи, могла питать болѣе двухъ милліоновъ народа; вела съ успѣхомъ чрезвычайно продолжительныя войны съ сильными державами;

и истрачивала величайшія суммы для общественной пользы и удовольствія ссужать иносстраннымъ государствамъ больше ста милліоновъ фунт. стерл. (2,500,000,000 фр.). Въ *Голландіи* мало родится хлѣба, но, благодаря своей торговлѣ, она всегда пакъ имъ изобильна, что не только довольствуется собственными нуждами, но еще можетъ снабжать своихъ сосѣдей. Природа отказала ей въ желѣзѣ и значеномъ лѣсѣ, но нигдѣ столько нѣтъ, какъ въ ней, матеріаловъ, нужныхъ для постройкы кораблей. Она не имѣетъ льну и не распочаеетъ премій для поощренія къ производству шерсти; но это не мѣшаеетъ ей имѣть значительныя фабрики, гдѣ обрабатываются и шерсть и другая. Хотя вино привозится въ нее изъ-за границы, но употребленіе его не подвержено никакимъ опягощеніельнымъ постановленіямъ, какъ въ земляхъ, изобилующихъ виноградомъ. Города ея производятъ большой торгъ пряными кореньями и левантскимъ кофе. Она загрожена произведеніями всего свѣта. Такимъ образомъ вездѣ, гдѣ царствуютъ трудолюбіе и промышленность,

omnis fert omnia tellus.

Даже въ нынѣшнее время, не смотря на упадокъ торговли, *Голландія* почитается еще

Телеск. Ч. I.

богатѣйшею странною Европы. Настоящее
ея положеніе, такъ какъ и прошедшее, пока-
зываетъ, что свободная система торговли и
отсутствіе всякаго ограниченія могутъ раз-
рушить всѣ препоны, и, какъ говоритъ одинъ
славный Экономистъ, »превративъ глухнущія
воды въ пучныя пастбища, покрыть зеленою
безплодныя скалы и украсить степи прекрас-
нѣйшими цвѣтами.«

VI.

НЮБА ,

изъ ОВИДІЕВЫХЪ ПРЕВРАЩЕНІЙ.

(кн. VI. с 150—312)

Посвящается А. П. Е.

Казню бѣдной Арахны не убѣдился Нюба
Покориться Богамъ, высокія рѣчи понизить.
Многое гордосць въ ней возбуждало : искусство су-
пруга ,
Родъ знаменитый обоихъ , могуществу славнаго Цар-
ства,—
Но ничего не любила она съ такимъ наслажденіемъ,
Съ жаромъ такимъ, какъ собственныхъ чадъ. Счаст-
ливая маперъ,
Если бы только сама себя не казалась счастливой!

Мапто, Тирезія дщерь, вдохновенная вышней силой,
 Онвскіе грады и веси проходишь, вѣщая народу:
 Псмениды! собирайтесь молитесь Лапонтъ и чадамъ,
 Благовонныя жертвы несите, главы увѣчайте
 Лавромъ! Лапона речетъ устами моими.— Онвяне,
 Слыша вельѣнье, чело украшаютъ завѣтною вѣшвей;
 Пламя святое возносится къ небу въ куреньяхъ, съ
 мольбами;

Смотрятъ—Ніоба спѣвши окруженная сонмомъ бле-
 спящимъ;

Златомъ сіяетъ одежда ея изъ тканей Фригійскихъ;
 Образъ прекрасенъ, сколь гнѣвъ позволяетъ; главой
 величавой

Пряди власовъ, по обоимъ плечамъ распушенные
 движетъ.

Спала,—и, взоромъ надменнымъ окинувши всѣхъ пред-
 стоявшихъ,

«Спыдь и безумье, »сказала,» небесныхъ, по слуху, чѣмъ
 выше,

Чѣмъ земнородныхъ? — За что обожаютъ вы хопише
 Лапону?

Мнѣжъ онѣмъ досель не курится. Родитель мой
 Танталъ,

Смертный единый, къ прапезѣ священной Боговъ
 былъ допущенъ.

Звѣзднымъ Плеядамъ сеспра моя маперъ. Аплантъ зна-
 менимый,

Что на могучихъ плечахъ своихъ ось небесную дер-
 житъ,

Дѣдъ мой; другой дѣдъ Юпиперъ; его же я сына су-
 пруга.

Передо мною трепещетъ Фригійское племя. Чер-
 тоги

Кадма во власти моей. Высокія Оувскія стѣны ,
Пѣсней супруга созданныя , правялся намъ съ наро-
домъ.

Въ нашемъ жилищѣ обиліе , богатство , повсюду
встрѣчается

Взоръ мой несмыслимое. — И собой я подобна богинѣ.
Семь сыновей я имѣю , и столько же дочерей , и столько
кожъ

Вскорѣ буду имѣть злѣево и невѣстоко. — Ктожъ
спроситъ ,

Гордости нашей какая причина? — И вы Типаниду ,
Цееву дочь , мнѣ предпочесть , слѣпые , дерзнули.
Мѣста рождавшей ей не давала обширная суша.

Небо , земля и вода опвергали вашу богиню.

Міра изгнанной была. Ужъ Делось , островъ плывучій ,
Сжался надъ сиротой. » По землѣ ты блуждаешь ,
чужая ,

Я по водамъ , онъ сказалъ ей и принялъ на зыбкое
лоно.

Тамъ на горѣ близнецовъ своихъ матерью спала Ла-
пона.

Каждые двое изъ чадъ моихъ многихъ равняются съ
ними.

Счастлива я! кто смѣетъ опвергнуть? пребуду сча-
сливой!

Кто усомнится? Я силой своею всегда безопасна.

Слишкомъ высоко спую , и фортуна меня не доста-
нетъ.

Пусть похищаетъ много , все мнѣ останется больше.
Блага мои превышаютъ боязнь. Хотябъ уменьшился
Милый сей мною рожденный народъ , и лишенная буду
Больше имѣть , чѣмъ Лапона , дѣтей ; оставьте жъ
куренья ,

Лавры снімайце, мольбы прекрашце, въ дома разої-
дипесь.

Огнь погашень. Оскверненное тапиство чернь поки-
даепь,

Тихимъ, неслышнымъ лишъ шопопомъ въ ужась слава
Богию.

Въ гцѣвъ Лапона, и на вершинѣ лѣсиспаго Цинпа
Къ чадамъ своимъ, къ Аполлону, къ Діанѣ, такъ во-
склпцаепь:

Ваша ль я маперь? Могу ли гордипсь я вашимъ рож-
денемъ?

Та ль я богиня, что уступала единой Юнонѣ?

Такъ—не надѣюсь я почесни должной въ грядущіе
вѣки,

Если шеперь не дадите мнѣ помощь, о милыя чада!

Гореспь не вся здѣсь моя: Тапшамда, свершивъ свя-
попашпство,

Мною ругапсь дерзнула, и васъ дерзнула унизипь
Передъ своимъ дѣпми,—назвала меня маперью нищей..

Еслибъ надъ нею обрушилось это погибели слово!

Рѣчь свою кончивъ Лапона просипь дѣпей пачи-
наепь.

Полно, сказалъ Аполмонъ, замедляешъ ны жалобой
мщенье.

Тожъ подтвердила Діана, и облакомъ легкимъ закрыв-
пясь,

Быстро по воздуху къ Кадмовымъ Оивамъ чепя поне-
слася.

Тамъ, у спѣвъ, проспиралось обширное, ровное поле,

Гдѣ колесницы и кони могучимъ копышомъ топтали
Рыхлую землю.—Сыны Амфіона спѣшавъ на rispанье.

Тирскимъ багрянцемъ блистаюпъ покровы, бразды
золотыя.

Первый Исментъ, чпо Нюба грудью всѣхъ прежде
пишала,

Бѣгъ направляетъ по вѣрному кругу, смирятъ свирѣ-
пость

Бурныхъ коней,—какъ вдругъ поражается въ перси
спрѣлою.

Горе! воскликнулъ, изъ рукъ омертвѣлыхъ бразды
выпуская,

И низринулся тихо къ плечу наклоняясь главою.

Сипилъ ближайшій, услышавъ полетъ стрѣлы смер-
тоносной,

Нудитъ коня,—такъ поропитъ кормчій, завидѣвши
пучу,

Бури предвѣстницу, и паруса убираетъ опъ въпрорѣ.
Тщесно. Спрѣла наспигаетъ, препенетъ вонзенная
въ черепъ.

Видно желѣзо въ горшани. Склоненный каппся чрезъ
гриву,

Конскую выю, на зсмлю и кровью свой слѣдъ оба-
грятъ.

Дѣдова имени Танпалъ наслѣдникъ съ несчастнымъ
Оедимомъ,

Кончивъ ристанье, къ веселой для юныхъ борьбъ при-
супають,—

Обиялъ другъ друга, широкія груди спираются тѣсно,—
Низлепаютъ стрѣла, и обоихъ пронзаютъ на вы-
летъ.

Спотъ услышанъ одинъ, и вмѣстѣ упали на зсмлю,
Вмѣстѣ погасиуль ихъ взоръ, и вмѣстѣ душа опле-
шѣла.

Видитъ ихъ смерть Алсеноръ, и къ пронзеннымъ
грудямъ припадаетъ,

Браппимъ дыханьемъ надѣясь согрѣть охладѣлыя члены

И умираетъ въ семь дѣлъ святомъ. Безжалостный
Делій

Въ самое сердце къ нему направилъ спрылу роковую.
Вынутъ желѣзо хопяпъ, но съ нимъ опрывается
сердце,

И выпекаетъ съ кровію жизнь молодая на воздухъ.
Раной чудесною, въ чашку, погибнуть власатый Дам-
зихпонъ,

Силился вырвать спрылу онъ рукою—другая влетѣла
Въ горло по самыя перья; кровь ее выгоняетъ,
Къ верху ударивъ ключемъ сквозь раздавшійся воз-
духъ. Последний

Иліоней къ небесамъ поднимаетъ молящія ддани.

Боги! воскликнулъ, не зная, что долженъ не всѣмъ
онъ молишься,

Сжалъсь! Спрелометашель былъ пронуть, — но
спущенной

Ужъ не возможно спрылы воропипъ—однакоже легкой
Раной погибнуть просившій, едва съ надколопымъ
сердцемъ.

Слухъ о несчастьѣ, народная горесъ, приближен-
ныхъ слезы

Матери люпую смертъ возвыщаютъ.—Дивился, какъ
боги

Это рѣшились свершипъ; негодуеъ, какъ смѣли,
какъ могутъ,

Право такое имѣть.. Супругъ ея оспрымъ желѣзомъ
Въ грудь себя поразилъ, чтообъ окончипъ и жизнь и
спраданье.

Сколько Нюба сія опличалась опъ прежней Нюбы,
Что, незадолго, разсѣявши сонмы честившихъ Лапону,
Съ гордо подъяшымъ челомъ проходила споврапшыя
Оивы.

Зависль свом къ ней пипали. Теперь и враги соспра-
дають.

Къ трупамъ холоднымъ припала, цѣлуешь ихъ всѣхъ
безъ разбору,

И къ небесамъ, поднятъ посинѣлыя длани, взываетъ:
Пресыщайся, жестокая, скорбью моею, веселися спе-
наньсмъ,

Злобную жажду свою уполяй; на семи я могилахъ,
Мстить не могу, и побѣда пвоя. Ликуй торжествую.
Но не ужели меня побѣдила ты? — Нѣтъ. — у несча-
стной

Больше осталось, чѣмъ у тебя, у счастливой. И
нынѣ,

Послѣ упрямъ побѣждаю..Рекла..Теплва зазвенѣла..
Въ воздухъ свисль... всѣ препенуть.—Нюба не чув-
ствуетъ страха,

Смѣлая горемъ —

Дщери, власы распустивши, въ одеждахъ
Черныхъ надъ трупами брагьсвъ спояли. Одна вы-
нимаетъ

Спаль изъ груди, наклонившись челою,—и пала безъ
чувства;

Маперь утѣшилъ другая спѣшилъ, — и внезапно у-
молкла,

Тайнымъ ударомъ повержена ницъ, но успа закры-
ваетъ

Только съ послѣднимъ дыханьемъ. — Бѣжатъ устрем-
ляется эша—

Тщению, упала; ша умираетъ надъ родственнымъ
шрупомъ;

Та укрывался, ша шрепеща череды ожидаетъ.

Шесль ужъ погибло разною смерью. Одна бспается..

Тѣломъ всѣмъ заслонилъ ее хочешь злосчастная ма-
 перь,
 Всею одеждой закрыла. . . Одну мнѣ, меньшую. . . мень-
 шую,
 О! . . . Оставь,—восклицаетъ; но та, за которую про-
 ситъ,
 Въ прахъ лежитъ ужъ убица. — Подсѣклись колѣна
 лишенной
 Между тѣлами бездушныхъ сыновъ, дочерей и супруга
 Горестъ ее каменитъ. Волоса не колышутся вып-
 ромъ,
 Крови не видно въ ланипахъ; усталились пускные
 взоры;
 Нѣтъ на лицѣ помертвѣломъ единого признака жизни.
 И внутри ошпыль языкъ къ горлани прилипнулъ.
 Въ жилахъ сгущенная кровь не печетъ, и сердце не
 бьется,
 Ноги спупилъ, и руки подняться, протунуться не
 могутъ.
 Внутренность вся опвердѣла, — но все еще плачетъ
 Ніоба.

Вдругъ поднимая порывистымъ вихремъ несетъ
 въ отчизну.
 Тамъ на горѣ и понынѣ виденъ сей образъ печальной.
 И понынѣ изъ жалкаго мрамора почался слезы.

М. Погодинъ.

VII.

УГО ФОСКОМО.

Vis consili expers, mole ruit sua.

Vim temperatam Di quoque provehunt

In majus; idem odere vires

Omne nefas animo moventes.

Horat.

Творческая сила генія , подобно всѣмъ опираясь на челоуѣческой дѣятельности, имѣетъ свои законы, вѣчные и непреложные. Она должна свѣдѣть чинить ихъ : или выспа , на которой она стоить , только что усугубить шумъ ея паденія. Въ законовъ нѣтъ порядка; въ порядка нѣтъ гармоніи; въ гармоніи нѣтъ изысканна. Спасительное самодержавіе вкуса одно только можетъ упрочить истинное величіе царству искусствъ: и свобода, составляющая ихъ душу, есть не что иное, какъ вольное самопокореніе творящаго духа подъ державную власть его. Всякое возмущеніе противъ сей власти, по мудрому устройству природы, казнитъ само себя гибелью.

Лѣтисписи искусствъ богаты примѣрами, подтверждающими сію непреложную истину.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, чрезвычайное напряженіе творческой дѣятельности оканчивалось уродливою напыщенностью, задушавшею истинное изящество. Особенно поэзія — чистѣйшій и свободнѣйшій органъ творящаго духа — весьма часто бывала жертвою и жертвенникомъ сей безразсудной необузданности. Въ новѣйшія времена эпо преумущественно ощущалась въ Италіи, коей Словесность отличалась особеннымъ расположеніемъ къ неумѣренности и изсупленію. Расположеніе сіе есть весьма естественное слѣдствіе ея нравственного состоянія. Въ странѣ, наслаждающейся здравіемъ и полною жизнью, подъ сѣнію мудрыхъ законовъ, сила души, умѣряемая и руководимая правилами проспыми, примѣрами родными, опытами вѣчными, легко и охотно навикаетъ сокращать свою стремительность въ должныя границы и бываетъ богата благопшорными дѣйствіями. Напыщенность въ рѣчахъ, почто также какъ и необузданность въ дѣйствованіяхъ, отвергаются шамъ съ презрѣніемъ. Мужъ истинно краснорѣчивый находитъ всегда слушателей; гражданинъ встрѣчаетъ вездѣ брапское сочувствіе; поэтъ пробуждаетъ въ своихъ сопечесшвенникахъ опшзывы привѣшные и звучные. Но не такова судьба Италіи. Сія прекрасная страна, являвшаяся дважды на

позорищѣ міра съ поolikoю славою, уже нѣ-
 сколько вѣковъ коснѣеть въ жалкомъ уничи-
 женіи. Священная земля, попираемая нѣкогда
 стопами побѣдителей вселенной, представ-
 ляетъ нынѣ жилище поспыднаго пунядспва,
 опврапипельной нищеты, безбоязненнаго
 злодѣйства: и опечесиво Камилловъ и Сципи-
 оновъ, Дандоль и Дорій, Скаль и Медичи, про-
 изводитъ лазарони и арлекиновъ. Мудрено ли,
 что, посреди сей презрѣнной толпы, души,
 опмѣченныя природой для высшаго назначенія,
 ощутивъ свое званіе, успрямляюща къ мѣстѣ,
 имъ поспижимой, съ силою, забрасывающего
 ихъ уже слишкомъ далеко? Не сръшая нигдѣ
 созвучія своимъ чувспвованіямъ, онѣ напря-
 гають ихъ выше мѣры, дабы обезпечить
 для себя ихъ сохраненіе; испощаються въ
 усиліяхъ для ихъ выраженія, дабы сдѣлавъ
 ихъ понятыми. Точно такъ дѣши возвыша-
 ютъ свой голосъ въ одиночествѣ или въ по-
 томкахъ. Но успавы вѣчнаго порядка вещей
 непреложны: и сін, необузданныя никакою мѣ-
 рою, усилія, оканчиваются погребеніемъ генія
 подъ собственными развалинами. *Верри а),*
Альфieri, Фосколо—величайшіе представи-
 тели современной Ипаліанской Словесности—испы-
 тали сію участь, общую ихъ соопечеспвен-

а) Творецъ извѣстныхъ *Notti Romani*.

никами. Ихъ творенія разрушаютъ часто сами себя излишнею напыщенностью. Не справедливо бѣ однако было винить ихъ въ намѣренномъ хвасловствѣ и умышленной на- надупости : истинные въ самомъ насиль- ственнѣйшемъ напряженіи, искренніе въ самыхъ необузданнѣйшихъ порывахъ энту- зиазма, они не вѣдали только мѣры, которая могла ввести въ должныя предѣлы сію слѣ- пую спремительность. *Уго Фосколо*, недав- но кончившій бурную жизнь свою, обращаетъ на себя особенное вниманіе. Великій поэтъ, ученый словесникъ, снабженный сильною чув- ствительностью, рѣдкимъ краснорѣчіемъ и глу- бокими свѣденіями въ тайнахъ опечесивеннаго языка, онъ заклеилъ свои знаменитыя тво- ренія дикою необузданностью, которая пред- ставляетъ чудное противорѣчіе сънаходящимъ состояніемъ просвѣщенія. Мятежная рьяность его спила легко можетъ быть сочтена за велерѣчіе безразсуднаго высокомерія. Но во глубинѣ сей души кипѣла пламенная и истин- ная любовь къ изящному и высокому. . . Чего не доспавало сочинителю писемъ *Ортиса*, что- бы занять мѣсто въ первомъ ряду гениевъ?.. Опечесива! . . .

Все было спранно, дико, необычайно въ су- ществованіи *Фосколо*. Никто болѣе не заслу- живалъ имѣть девизомъ сіи стихи *Петрарки*:

Irrequietus homo, perque omnes anxius annos,
Ad mortem festinat iter: mors, optima rerum! (a)

Горячка, помленье, борьба—вопль жизнь его! Съ испусленіемъ, котораго ничто не могло ни погасить, ни ослабить, принялъ онъ, съ самыхъ первыхъ дней юности, мѣнія, которыя испиранили его зрѣлый возрастъ, забросили самого безпомощнымъ на чужую землю, и обрекли прѣкрасный талантъ его въ жертву сарказмамъ Италіянскихъ Журналистовъ. Защищаемая съ непоколебимою настойчивостію, поддерживаемая съ упорствомъ, ожесоченіемъ, яростію—онъ приготовили ему подъ конецъ жизни скудость и одиночество, и не дозволили вполнѣ развиться гению, оппечатавшемуся яркими слѣдами въ твореніяхъ, имъ оставленныхъ.

Италія, опрѣсала съ своихъ вѣждъ лепаргическое усыпленіе, пятотѣвшее уже нѣсколько вѣковъ надъ ея гениемъ. *Альфieri* написалъ свои трагедіи; *Беккариа*, *Филанджіери* и *Вико* заняли мѣсто между виновниками новѣйшаго возрожденія. Дорога была пропущана; въ среднихъ просвѣщенныхъ сословіяхъ, глухое и неопредѣленное броженіе готовило одрахъ.

(a) »Мужъ, не знающій покоя, лѣтами мятежей порываемый ко гробу: смерть для него высочайшее благо!« *Africa*, с. 3.

лѣвшую жизнь къ обновленію. Народъ и высшее дворянство представляли, напропивъ, непреодолимые препоны. Нравы коснѣли въ нѣгѣ, безчувствіи и безпечности. Воспоминанія древняго Рима—мѣста общія ребяческой суеверности; вооружавшейся прошедшимъ для забвенія наспоящаго и воззывавшей пѣни минувшей славы для сокрытія несокрываемаго безславія—представляли поэзіи и краснорѣчію шему, которая сдѣлалась наконецъ пошлою, но общала всегда успѣхъ вѣрный. Сего неупомимаго досужества, сей почности нравовъ, сей мудрой дозорчивости и благоразумной стойкости правилъства, на которыхъ зиждется благоденствіе и величіе новѣйшихъ государствъ, споль различное опѣ древней ихъ жизни—не доставало Италіи. Души пылкія, фантазіи необузданныя, увлекаясь мечтами юношескихъ надеждъ и призраками классическихъ воспоминаній, слишкомъ легко повѣрили возможности нравственнаго перерожденія, которое, сгладивъ мгновенно девятнадцатъ вѣковъ съ рѣки временъ, должноствовало Италіи—развращенную и изможденную—возвратить къ суровому величію той древней Италіи, повелительницы вселенной, мапери Капоновъ и Гракховъ. Обольщеніе было слишкомъ велико; но за то и разочарованіе слишкомъ жестоко.

Войска новой Французской Республики, перешагнувъ чрезъ Альпы, разлились всенизлагающимъ попокомъ по прекраснымъ полямъ Авзоніи. Шпыки побѣдителей сверкали для побѣжденныхъ обольстительнымъ призракомъ ; и поэтическія головы *Парини*, *Альфieri*, *Фосколо*, копорый былъ тогда еще очень молодъ, добродушно предались химерическимъ надеждамъ. Между тѣмъ какъ народъ и духовенство, упоребляя хипрость и убійство противъ побѣдоносныхъ непріятелей, сокращали ихъ успѣхи и уничтожали побѣды : сіе новое поколѣніе людей, воспитавшихся при Іосифѣ II покушалось возбудить въ душахъ чувство древняго народнаго величія и древней народной славы. Но Италія не способна была держась себя на той высотѣ, на которой хотѣлось ушвердить ее мечшашелямъ. Не умѣя управлять сама собой, она имѣла нужду въ пѣсунѣ, копорый бы могъ беречь и покоить ея спарческое младенчество. Геній Наполеона принялъ на себя сію обязанность. Его мощная рука, привыкшая уже дѣлать государства и крошить ихъ, подобно ничтожному веществу, послушному перспамъ художника, образовала изъ Италіи область, подрученную созданной имъ Имперіи. Еще бъ могла она наслаждаться жизнью, еслибъ оспалась спокойною подъ сѣнію Императорской власпи.

Но, по несчастію, Австрія вздумала оспоривать ее у исполина, угрожавшаго поглотить всю Европу. Прекрасныя поля ея сдѣлались позорищемъ, на кошоромъ сила оружія должна спововала рѣшишь — не самобытность ея или зависимость, а только имя ея властелиновъ. И тогда-то вполнѣ обнаружилась ея нравственная бездушность и политическое недостоинство. Вмѣсто того, чтобы купить право на уваженіе, вѣрностью ко власпи, ее призрѣвшей, она запятнала свои лѣпописи постыднымъ вѣроломствомъ и низкою перемѣнчивостію. Безъ всякаго стыда, передавалась она по на шу, по на другую сторону, распочая благословенія и проклятія попеременно. Ея знаменитѣйшіе представители подавали примѣръ ей. *Монти* и *Чезаротти*, наемники, перемѣнявшіе кадило для всякаго приходящаго, безславили свои шланпы недстойною продажею. Они распочали свои лживыя, другъ другу пропивопрѣчація, ласкательства и Австріи, и Франціи, и Римскому Первосвященнику — коротко сказаъ, всякому, кому улыбалось счастье и власпъ доспавалась въ руки.

Но для другаго разряда людей, сіи произшествія имѣли другія слѣдствія. *Альфieri*, уже достигшій предѣла зрѣлости, чувствовалъ въ себѣ пробужденіе негодованія во

всей силѣ; *Парини*, знаменитый сапирическою ѣдкостью, началъ снова оспирить поэтическія свои снрѣлы; *Фосколо*, юный и пламенный, еще живѣе, предался всей грусти опчаянія. Воспитанникъ *Чезаротти*, современникъ *Пиндемонте*, другъ *Парини*, онъ отличался опъ всѣхъ ихъ силою скорби. Въ томъ возрастѣ, когда душа укладывается въ свой послѣдній сгибъ, когда разумъ выкрѣпляется и спраспи бушующъ, ему суждено было низпасъ изъ своихъ мечшашельныхъ призраковъ въ глубину безошпаднаго разочарованія. Сильная, неизгладимая, горькая мизаншпропія имъ овладѣла. Его нравъ одичалъ; и сія печальная перемѣна опсприлась мрачною шѣнью на его лшаланшѣ. Ненавистъ и спрошшивоспъ, дышущія въ его произведеніяхъ, не имѣютъ другаго испочника. Недосшашки, конечно, досшойные порицанія: но общеспво наказало ихъ съ излишнею спрогоспью.

Родившись въ Заншѣ, 1776 (а), опъ крови Венеціанской, *Фосколо* получилъ какъ бы въ наслѣдспво опъ своихъ предковъ сей духъ гордой надменности, коимъ одушевлялась вся жизнь его. Фамилія *Фосколо* считаешся одною

(а) Время рожденія *Фосколо* не достоверно извѣстпо. Самъ онъ попеременно указывалъ по на 1772-й, по на 1775, по на 1776 г.

изъ шѣхъ, кои, въ шестомъ вѣкѣ, убѣжали въ Адриатическія лагуны и zaloжили колыбель Республики С. Марка. Еще въ самой ранней молодости, обратилъ онъ на себя, неоспорожностію рѣчей, подозрительностію инквизиціи, копорая до послѣдняго издыханія Венеціи сохраняла свое спрашное могущество. Когда, позванный на судъ, онъ отпраплялся къ допросу, мать закричала ему съ порога: »спунай, сынъ мой. Но лучше умри, чѣмъ обезчесть себя!« Вся жизнь его была оглашеніемъ сего урока!..

Венеція, какъ извѣстно, подпала подъ влассть Австріи: юный *Фосколо* оспавилъ тогда свое опечество и удалился въ Миланъ, гдѣ познакомился съ любезнымъ *Парини*. Съ *Альфieri*, напрошивъ, онъ имѣлъ столько рѣзкаго сходства въ характерѣ, что между ими никогда не могло образоваться тѣснаго общенія: ибо не сходство характеровъ и умовъ, но ихъ противоположностъ раждаетъ и упрочиваетъ дружбу. Жесткостъ и спротивностъ, копорыя рано удалили *Фосколо* отъ современниковъ, нажили ему многество враговъ съ самаго начала поприща. Ласкашество, копорыя *Чезаротти* (а) раз-

(а) Въ небольшой посредственной поэмѣ, называющейся: *Pronea*.

почаль предъ Наполеономъ, внушили презрѣніе *Фосколо*: онъ поссорился съ своимъ наставникомъ. *Мацца* (б) и Графъ *Пеполі*, извѣстный чрезвычайною причудливостію своего характера, обраптили на себя нападенія молодого поэта. Съ тѣхъ поръ можно уже было предугадывать, каково будетъ его поприще и сколько шучь надъ нимъ сползится: онъ не выучился прощать никакой погрѣшности; не навѣкъ оказывающъ пощады ни одной слабости. Принятое однажды мнѣніе получало у него силу непреложнаго закона: онъ не умѣлъ опешупать ни на волосъ; и вызывалъ самъ на бой судьбу, вмѣсто того, чтобы предъ ней преклоняться.

Воспитаніе его, начавшее въ Венеціи, продолженное *Чезаротти* и покоренное вліянію *Парини*, окончилось въ Университетѣ Падуанскомъ, подъ руководствомъ знаменитыхъ *Стратико* и *Сибиліато*. Онъ поѣхалъ тогда погостишь на нѣсколько недѣль въ Венецію; и потомъ ѣздилъ по Тосканѣ и другимъ частямъ Италіи. Его либературный характеръ образовался изъ спранныго смѣшенія мизантропіи *Руссо* съ энергіею *Эсхила* и напряженною напыщенностію *Сенеки*. Обожающъ классическихъ формъ, увлеченный шай-

(б) Переводчикъ *Аксиды*.

нымъ предрасположеніемъ къ меланхолической глубинѣ Англійской прагедін, онъ покусился на сліяніе сихъ двухъ направленій — сліяніе, которое не совсѣмъ чуждо величія, но въ которомъ слишкомъ ощутилъ недоспашокъ первообразнаго единства. Все, что носило на себѣ печать силы, могло быть увѣрено въ его одобреніи: онъ удивлялся величественной простотѣ *Еврейской Поэзіи*, напыщенному велерѣчію *Лукана* и поучительной спрөгоспи *Альфieri*: почерпалъ изъ всѣхъ сихъ источниковъ; и не обращалъ вниманія на то, что плодъ столь разнообразныхъ и столь противорѣчащихъ изученій естественнo долженъ былъ исполненъ противорѣчій. Все, что есть недовершеннаго въ его талантѣ, здѣсь имѣетъ свое начало: его ошличительное свойство есть неутомная дѣятельность, коей сила пожираетъ своего обладателя и порываетъ саму себя во всѣ различныя направленія. То Испаніецъ *Ортісъ* высказываетъ, языкомъ доспойнымъ *Брута*, спраданія *Вертера*: то Омировскій *Аяксъ* заглядываетъ въ таинственные глубины души человѣческой пѣтъ же унылымъ взоромъ, коимъ *Гамлетъ Шакспировъ*, лице по преимуществу новѣйшее и христіанское, блуждаетъ надъ жизнію и смертію. *Альфieri*, подчиняя новѣйшіе предметы суровымъ формамъ Греческой прагс-

ди (а), впалъ именно въ ту же погрѣшность. Эпохамъ переходенія въ испоріи искусствъ принадлежишь общій недостатокъ — все смѣшиваешь и все подводишь подъ одинъ цѣль, подъ одинъ тонъ, подъ одну природу; не признаваешь законовъ того внушеннаго единства мысли, по которому извѣстной почвъ зрѣнія непременно опредѣляется извѣстный тонъ выраженія; коротко сказать — ослабляешь цѣльное впечатлѣніе произведенія, соединяя въ немъ полную враждебныхъ началъ и противорѣчащихъ направленій.

Оіестъ, написанный *Фосколомъ* на двадцатомъ году жизни—*Оіестъ*—первое его поэтическое и драматическое произведеніе, представляешь собой примѣръ высочайшей крайности, до какой только можетъ быть доведенъ сей недостатокъ. Излишество напряженности въ положеніяхъ, излишество сжадности въ разговорахъ, метафизическая темнота сплн, соединенная съ неумѣреннымъ подражаніемъ древности, опсушествіе новостн, никакихъ оппѣнковъ, никакой истинны въ характерахъ—это нлпна, слишкомъ очевидныя въ піесѣ. Но пылъ спрасп, согрѣвающийъ всѣ ея сцены, высота мыслей, одушевляющая ее по

(а) Въ *Rosmunda*, *la Congiura de' Pazzi* и другихъ своихъ произведеніяхъ.

часпямъ — доспавили юному поэпу успѣхъ шумный и непрерываемый. Его прагедія была предспавлена на одномъ изъ Венеціанскихъ шеапровъ, 4 Января 1797. Въ шопже вечеръ, на другихъ шеапрахъ Венеціи, появились въ первый разъ двѣ новыя прагедіи *Пепол* и *Пиндемонте*. *Оіестъ* одержалъ верхъ : неизвѣстный юноша помрачилъ собой двухъ поэповъ, уже спяжавшихъ славу. Десять разъ сряду играли *Оіеста*, и всѣ взоры успремлены были на преемника *Альфieri*. Осыпанный рукоплесканіями и похвалами, юный *Фосколо* имѣлъ скромность и чиспосердечіе сравнишь ихъ съ наспоющимъ доспониствомъ своего произведенія: и самъ, признавая недоспапки, коими оно обезображивалось, принялся крипиковать его безъ всякой мѣры. Публика защитила прагедію прошивъ шворца ея: и сіе новое упошребленіе крипики шолько что увеличило раждающуюся славу *Фосколо*.

Но вскорѣ, назначенный Секретаремъ Посольства, опправляемаго Республикою къ Наполеону, онъ имѣлъ горесъ видѣшь обольспительнѣйшія свои надежды разсыпавшимися и исчезнувшими, подобно воздушнымъ призракамъ. Въ его глазахъ Венеція продавалась и покуналась съ шоргу, какъ кипа шерспи. Съ шѣхъ поръ, удивленіе, коимъ онъ былъ исполненъ къ Франціи и Главѣ ея, превратилось

въ ненависть и презрѣніе. Сему славному началу, озаренному уже яркимъ—(можетъ быть, слишкомъ преждевременнымъ)—сіяніемъ, наслѣдовало печальное опшельничество. Дни и ночи пылкаго юноши поглощены были одною мыслію—преданы въ добычу одной мукѣ, коей спраданія увеличивались раздражительноспію, полученною имъ опъ природы. Онъ удалился изъ Венеціи и поселился въ шой часпш Ипаліи, кошорая называлась тогда Цизальпинской Республикой.

Здѣсь-шо, оспавленный на съѣденіе глубокому негодованію и безоспрадному опчаянію, сложилъ онъ *письма Ортиса*—сіе чудное смѣшеніе испины и напряженія, декламаторской напыщенности и искренняго краснорѣчія. Воспоминанія *Древней Трагедіи* сливаются въ нихъ съ подражаніемъ *Новой Элоизы* и *Вертеру*. Точно и вѣрно изобразилъ *Фосколо* насроящее состояніе Ипаліанской гражданспвенности—но съ непомѣрною воспорженностию языка, за кошорою не рѣдко распилается совершенная пустоша мыслей. Эпошъ шумный спиль, эпо злоуполребленіе меланхолическихъ идей и образовъ, заимспвуемыхъ у древнихъ, эша ярость скорби, кошорая, будучи сосредоточеннѣе, могла бѣ внушать сожалѣніе и уваженіе, оппичающъ слишкомъ рѣзко опчизну *Фосколо*. Въ ней ощутишельно усилие оку-

папсья мрачносью; и между тѣмъ, не смотря на сіе усиліе, пышность и гармонія языка обличають всегда народъ болѣе чувствительный, нежели чувствительный, легче доступный для искусственныхъ наслажденій, чѣмъ для философическихъ созерцаній. Въ отношеніи къ нравственной цѣли, сочиненіе сіе не заслуживаетъ большей похвалы: но оно горитъ яркими лучами таланта. По несчастію, чрезмѣрность слишкомъ часто зашлѣваетъ и разрушаетъ его дѣйствіе.

Письма Якопо Ортиса, хотя слишкомъ обрѣзанныя при ихъ появленіи, произвели необыкновенное впечатлѣніе. Эпопъ поэтъ одушевленія пламеннаго, возвышеннаго, почти гигантскаго, изумилъ всѣхъ; спранный спилъ мало имѣли вліянія на общее мнѣніе и ни сколько не повредили успѣху. Весьма не трудно было поднять аллегорическій покровъ, которымъ авторъ занавѣсилъ глубину своего творенія. Всѣ съ воспоргомъ приняли эпопъ болѣзненный вопль поэтической скорби, напоминающій гражданъ древняго Рима. Уже съ давнихъ лѣтъ стихотворенія Оссіана и Юнга, споль чуждыя Италіи, нашли къ ней доступъ и похищали удивленіе ея ученыхъ: новостъ придавала имъ могущественную очаровательность. *Пиндемонте, Парини, Монти*—любили перенимать погребальные напѣвы сѣверной

Музы. Въ свободныхъ играхъ воображенія, сіе подражаніе поэзіи, чуждой для понятій и нравовъ Италіи, еспешвенно не должно было имѣть испины: но *Фосколо*, давъ идеямъ полипическимъ шонъ спрашнаго одушевленія, нашель средство соединить въ одной и той же рамѣ рѣзкія мысли и меланхолическіе образы, коимъ новоспъ придавала занимательность, съ яркостью спила и гармоніей языка, коихъ прелестъ споль живо умѣють чувспвовать его соопечспвенники. Это счастливое соединеніе сообщило испинность заунывному и расплаканному шону, копорый во всякомъ другомъ случаѣ опзывался бы изысканностью и напьяжкой. Древній Римъ, съ своими суровыми добродѣтелями, видѣлся на послѣднемъ планѣ. Изящное и мелодическое нарѣчіе нынѣшней Тосканы соспавляло иншересное прошиворѣчіе съ лихорадочною дрожью, попрысавшею геній *Фосколо*. Трогательность положеній обличала въ немъ высокій драматическій талантъ: и краснорѣчивыя спраницы, въ коихъ видѣнь былъ вмѣспъ ревнипель Гёте и воспитанникъ випійспвенной Древности, поспавляли сочинипеля въ первомъ ряду между опечеспвенными прозаиками.

Желая служить родинѣ не однимъ словомъ, но и дѣломъ, *Фосколо* вспунилъ въ первый де-

гiонъ Ипалiянскiй, образовавшiйся подъ начальствомъ Французскихъ генераловъ. Поэтъ и воинъ, онъ принималъ участiе въ знаменитой защитѣ Генуи, котороспрославило сполько Массену.

Въ то же самое время его поэпическiй талантъ и ученость раскрывались, подъ огнемъ непрiятельскихъ батарей, среди шума осады. Его прекрасныя оды, посвященныя *Луизѣ Паллавикини*, написаны въ Генуѣ; и вскорѣ попомъ ученый комментарiй на поэму Капулла *de Coma Berenices* (о *Власахъ Вереники*) изданъ въ томъ же городѣ. Ипалiянская Словесность предспавляетъ не много элегическихъ пѣснопѣнiй, кои можно бъ было сравнить съ помянутыми одами: онѣ дышатъ прелестью испинно древнею. Чпо до комментарiя, то онъ, сколько по глубинѣ учености, сполько и по дѣльности примѣчанiй, выдерживаетъ достойное соперничество съ знаменитѣйшими трудами Гейне и его соопечественниковъ. Но не умѣя ни въ чемъ соблюсти умѣренности, *Фосколо* и въ сей послѣдней работѣ перешелъ всѣ предѣлы, которые вкусъ посспавляетъ учености.

Его возрасшающаяся знаменитость, при неукротимой раздражительности его характера, не могла обезпечить ему счастья. Зависть съ досадою видѣла его блестящiе успѣхи въ родахъ

споль различныхъ: и, съ его собственнѣйшѣй спон-
роны, гордоспъ, пишасмая шумнымъ шоржесп-
вомъ, не умѣя обуздыватъ себя никакими упон-
ченіями искусственнѣйшѣй скромности, навлекла
ему множесство неудовольствій. Безъ всякой по-
щады обнаруживалъ онъ свое презрѣніе къ
льспедамъ, пресмыкавшимся предъ Наполе-
ономъ: *Монти*, *Ламберти*, *Лампреди*, *Пеци*,
редакторы *Полиграфа*, *Журнала*, издаваемого
въ Миланѣ, были ему ненавистны. Онъ преслѣ-
довалъ ихъ безпрестанно ядовитыми эпиграм-
мами. Новая трагедія *Фосколо*, *Алкѣ*, пред-
ставленная 1812 на театръ Миланскомъ, до-
спавила имъ удобный случай къ мщенію: и
они не замедлили имъ воспользоваться.

Тотчасъ распущенъ былъ недѣльный слухъ,
что сія піеса, не смотря на имя и древность
лицъ, вызванныхъ ею на сцену, была въ самомъ
дѣлѣ не иное что, какъ аллегорія: *Алкѣ* оз-
началъ будишо *Моро*, *Агамемнонъ*—*Бонапарта*.
Полиція развозилась: и запрещеніе положено
было на трагедию. Не довольствуясь успѣхами
сей вѣроломной клеветы, писатели, преданные
Франціи, посвящали шесть страницъ издавае-
маго ими *Журнала* на доказательство — не
того, что *Алкѣ* былъ дурное произведение,
а—того, что *Фосколо*, по своимъ политиче-
скимъ мнѣніямъ, заслуживалъ всю спрососпъ
правительсства. Одно странное обстоятель-

ство, коего примѣры не рѣдки въ льпописяхъ театра, присоединилось къ драматическимъ несчастіямъ творца *Аякса*. Слово *salamini*, которое по Италіянски означаетъ жителей *Саламинны*, имѣетъ еще другое просипонародное значеніе: эпю—уменьшительное отъ слова *salame*, *сосисъка*. *Аяксъ*, который въ трагедіи, часто обращалъ рѣчь къ своимъ возлюбленнымъ *Саламинянкамъ*, долженъ былъ повторять много разъ эпюотъ смѣшный омонимъ: и пусть представлятъ теперь несчастное положеніе героя, который, предъ зрителями, расположенными придираются ко всякой бездѣлицѣ, осужденъ былъ шоржественно восклицать: »о мои возлюбленныя *сосисетки!* о *carissimi Salamini!*« Впрочемъ, должно признаться, что піеса въ существѣ своемъ была очень скучна: безмѣрная огромность пирадъ, пустоша дѣйствія, надупость сипия, оправдывали крипику. Она имѣла множество сильныхъ и прекрасныхъ сипховъ: но цѣлосъ ся была недостапочно, занимательность—ничпюжна. Неблагородное оружіе, употребленное врагами проптивъ *Фосколо*, раздражило его до высочайшей степени. Они отвѣчали на его бѣшенство эпиграммами. Слѣдующая изъ нихъ, которая принадлежитъ *Монти*, заслуживаетъ быть сохраненною:

Per porre in scena, il furibonde *Ajace*,
 Il fiero *Atride* e l' *Itaco* fallace,
 Gran fatica Ugo Foscolo non fe ;
 Copio sa stesso e si divise in tre ! (a)

Такимъ образомъ, съ двадцати двухъ лѣтъ своей жизни, *Фосколо* является окруженный врагами, разочарованный въ своихъ юношескихъ надеждахъ, перзаемый посреди блистательныхъ успѣховъ, изгнанный изъ опечеспеннаго города. Онъ посвящилъ весь оспапокъ своей жизни мщенію. Въ остроумномъ подражаніи чувствительному путешествію *Стерна*, изданномъ подъ спраннымъ заглавіемъ: *Didymi clerici, prophetae minimi, hypercaleipsos liber singularis*, онъ перебралъ всѣхъ своихъ пропивниковъ и распочилъ пропивъ своего опечесства, которое, по его мнѣнію, заслужило судьбу свою, всѣ спрѣлы насмѣшекъ и ожеспоченія. Сія горькая сашира споль же мало приближается къ оригинальной и меланхолической шупливоспи *Стерна*, какъ изспунленіе писемъ *Ортиса* къ унылой мечпапельноспи *Вертера*. Будучи написана латинью Вульгапы и усыпана яр-

а) «Вывестъ на сцену бышеннаго *Аякса*, надменнаго *Атрида* и въроломнаго *Улисса*—не споио большихъ шрудовъ для Уго Фосколо. Онъ скопировалъ полько самаго себя, раздѣливъ на трое!»

кими искрами остроумія, она болѣе ѣдка, чѣмъ шушлыва, болѣе напистана желчью, чѣмъ испинною веселостью. Авторъ преслѣдуетъ своихъ враговъ безъ всякаго милосердія: заславляя смѣяясь на ихъ счетъ, онъ дозволяетъ проникать во глубину своего огорченія и возбуждаетъ сожалѣніе о себѣ самомъ.

Опытъ перевода *Илиады* и прекрасная поэма: *Гробы (I Sepolcri)* слѣдовали за симъ порывомъ либерашурной мессы. Европѣ извѣстно сіе послѣднее произведеніе — краса новѣйшей словесности. Пошомъ занялся онъ изданіемъ *Монтекукулли*, кошпоре исправилъ и приумножилъ. Сія послѣдняя работа, не слишкомъ легкая и благодарная, имѣла цѣлю воззвать Италіянцевъ къ чувствованію древняго Римскаго достоинства и пробудить въ нихъ ревность къ воинской славѣ. Упрекающе издашея, что онъ позволялъ себѣ измѣнять текстъ и влагалъ *Монтекукулли* свои идеи и мнѣнія. Къ симъ произведеніямъ должно еще прибавить прекрасную рѣчь о *происхожденіи и нуждахъ Словесности* — рѣчь, произнесенную въ Миланѣ въ то время, какъ *Фосколо* послѣ *Монти* сдѣланъ былъ Профессоромъ Словесности въ Университетѣ Павійскомъ.

Блестящія свидѣтельства таланта ознаменовали юность *Фосколо*. Между тѣмъ ничего полнаго, ничего dokonчаннаго, ничего со-

вершенно чистаго не было создано его гениемъ. *Гробы*, его лучшая поэма, еспь подражаніе Англійскому. *Пророкъ Дидимъ* идетъ по слѣдамъ Свифта и Стерна. *Ортисъ* носить на себѣ печать сугубаго происхожденія: Классическаго и Нѣмецкаго. Коротко сказаць—вездѣ ошутпительно сіе смѣшеніе древнихъ и новыхъ идей и образовъ, заимствованныхъ изъ воспоминаній школьныхъ и у чужихъ народовъ — смѣшеніе, бросавшее на произведенія *Фосколо* нѣтъ часпо лживую и спрраную.

Австрійцы, овладѣвъ Италіей, принудили *Фосколо* оставить навсегда свое отечество. Онъ отправился въ Швейцарію, и опшуда въ Англію, гдѣ 1827 кончилъ жизнь свою. Въ сей послѣдней спранѣ, его умъ, очищенный и укрѣпленный, ознаменовалъ себя, не пвореніями обширными, но произведеніями, запечатлѣнными высшимъ совершенствомъ. Его *Опыты о Петраркѣ* и *Разсужденіе о текстѣ Данта* обличаютъ богашую ученость. *Гимны Кановъ* и поэма: *Граціи* — сіяютъ чистѣйшимъ изящствомъ. Въ *Трехмѣсячномъ Обзорѣннн* (Quarterly Review) и въ *Обзорѣннн Эдинбургскомъ*, помѣщалъ онъ спашьи испорическія, опличавшіяся почноспію изысканій, возвышенностью видовъ и изящною краткостью сшила. Никогда, прежде сей эпохи, *Фосколо* не возвышался до подобной степени. Въ спра-

нѣ, живущей опытностью и благоразуміемъ, онѣ совлекъ съ себя немедленно эпосъ классическій уборъ, эпу изысканность поперемѣнно бурную и гомерическую, мечпашельную и мятежную, принесенную имъ изъ подъ роднаго неба. Его палантъ нашель памъ живопворную атмосферу, въ коей могъ дышашъ, роспи и парипъ свободно. По несчастію, жизнь его слишкомъ уже созрѣла: и спропшивость крупаго нрава, ожесточеннаго постоянною борьбою съ враждебною судьбой, оправила горечью послѣднія его минушы, при двѣряхъ гроба. Покровиптсльство возмущало его надмѣнную душу; и пѣ, кои осыпали его милоспіями, были выведены изъ перпѣнія его дикою самонравностью. Одна изъ прекраснѣйшихъ испорическихъ спашей, написанныхъ имъ въ послѣднія времена, еспъ неоспоримо обзорнѣ *Венеціанскаго правленія*, помѣщенное въ *Edinburgh Review*. Обширность видовъ, спрогое и глубокое изслѣдованіе собыпій, сппиль яркій и рѣзкій—даютъ сей спашѣ право заняпъ мѣсто между отличными произведепіями.

Въ обращеніи *Фосколо* много было блестящаго; но спремипельность, часшо слишкомъ уже упомипельная, ослабляла его силу. Рѣчамъ его вообще не доспавало хорошаго тона: онѣ дышали всегда изспуиленіемъ спраспи.

О вещахъ и людяхъ выражался онъ безъ пощады. Снабженный опъ природы неисчислимымъ богачествомъ силъ, онъ погубилъ, въ бурныхъ мечпаніяхъ, лучшую часть своего генія и счастья. Въ продолженіе всей своей жизни привязанный къ одной химерѣ, принесъ онъ ей все на жертву! Попомощью починилъ въ немъ силу генія, но оплаченъ жалкій и поучительный примѣръ необузданности, пожравшей наконецъ саму себя. Такова участь всѣхъ, не умѣющихъ покорять себя подъ спасительную власть законовъ, кои назначающъ мечпанамъ вѣсь, дѣйствіямъ число, силъ мѣру! Горе, кто дерзнетъ преслушать ихъ!.. Такъ буйные Титаны, посягавшіе на обитель Громовержца, погреблися подъ развалинами горъ, взгроможденныхъ безумною ихъ гордостью!.. Глубоко изреченіе древняго поэта, коимъ мы начали сію сѣансъ и коимъ доспойно ее кончимъ;

Мощь чуждая совила,
Своею плясешью подавлена, падеть:
Но кротость, горнею любовію согрѣша,
Расстеть!..

VIII.

БИБЛИОГРАФІЯ

— КИРГИЗ-КАЙСАКЪ, *повѣсть, въ двухъ частяхъ. Москва. въ Типограф. Н. Степанова.* — Нѣтъ, по видимому, ничего легче, но, на самомъ дѣлѣ, ничего труднѣе— какъ *повѣсть*. Выдумать какую-нибудь *небылицу въ лицахъ* — конечно не велика фигура; и намалевать ее, какъ ни попало—кого не спанеть? По этому, въ наше время, когда все пишущее расписалось съ плеча, опъ *повѣстей*, какъ опъ *поэмъ*, нѣтъ отбою. Альманахи и Журналы кипятъ ими: и *Сохатые* съ брашней, почно такъ же какъ *Рыцари Мести* съ дружиной, вереницами плынутъ по пустынямъ нашей словесности, съ беззаботной осанкой самодовольствія. Но истинно художественная *повѣсть*—споль же важная рѣдкость не только у насъ, но и во всякой другой литературѣ—какъ истинно художественная *поэма*. Въ силу эстетической своей сущности, она должна быть не что иное, какъ эскизъ, схватывающій мимоходомъ одну черпу съ великой картины жизни—крупкій эпизодъ изъ безпредѣльнаго романа судебъ человѣческихъ. Опъ ней не пребудетъ конечно ни той роскошной многосложности, ни того волнистаго разнообразія, ни той всеобъемлющей полноты, какъ опъ цѣльной картины, представляемой наслоящимъ *романомъ*; но за то для ней нужно едва ли не болѣе таланта и искусства. Въ большой картинѣ недоспадки и промахи частей поглощаются въ эффектъ цѣлаго: но въ опрыточномъ очеркѣ цѣлое должно произникать изъ частей, въ конхъ все на виду, все бросается въ глаза и следовательно все пребудетъ выразительности въ значеніи и докончанности въ *опытѣ*. Это камень претѣка-

нія, о которій записался самый гений *Вальтера Скотта*; и ежели *Гофманы*, *Тики*, *Клаурены* не всегда на немъ спопыкались, то это одно уже доставляетъ имъ заслуженный паиеніе на безсмертіе.

Сочинитель *Киргиз-Кайсак* не погнувается, конечно, на предисловіе, коимъ въспрѣчена здѣсь его повѣсть. Самъ онъ бывалъ гораздо щедрѣе на подобныя вещи, когда состоялъ по особымъ порученіямъ при *Московскомъ Телеграфѣ*, по части Драматургін. Въ опуску ли онъ теперь, или взялъ полную опіставку отъ сей должности—во всякомъ случаѣ пріятно видѣть, что досугъ его былъ употребленъ на изданіе *Киргиз-Кайсак*. Произведеніе сіе примиряетъ съ нимъ публику, коей терпѣніе испощалъ онъ широковъщательнымъ многоглаголаніемъ, подъ сѣнію *Телеграфа*; и Рецензентъ *Телескопа*, котораго онъ неупомимо преслѣдовалъ во всѣхъ своихъ предисловіяхъ—по щипкомъ, по рывкомъ—опомощаетъ ему теперь торжественною благодарностію за удовольствіе, доставленное *Киргиз-Кайсакомъ*, въ коемъ не стыдился признаться.

Киргиз-Кайсакъ весьма прилично названъ *повѣстью*. Не потому, что онъ состоитъ только изъ *двухъ частей*, (а для добраго *романа* *цѣлѣнное* число сдѣлалось нынѣ споль же священнымъ, какъ *пятиричное* число *дѣйствій* для законной *трагедіи* и *комедіи*): но потому, что содержаніе его, по простотѣ идеи, малочисленности фигуръ и тѣсногъ горизонта, не достигаеетъ до широкой полноты *романа*. Идея *повѣсти*, не смотря на свою простоту, довольно счастлива. Сочинителю хотѣлось представить послѣднія судорожныя движенія барской спеси, издыхающей уже, по милости просвѣщенія, и очень рѣдкой въ высшихъ

сюяхъ нашего дворянства, но еще препешущей по спаринной привычкѣ, тамъ, гдѣ издержки на Французскихъ актрисъ соспавляютъ пока единственныя признакъ знакомства съ Европою. Для достиженія своей цѣли, онъ придумалъ или, можетъ быть, приладилъ къ ней, дошедшее до него по преданію, происшествіе, которое весьма занимательно по прогательности положенія лицъ, въ немъ участвующихъ. Молодой Офицеръ *Славинъ*, соединяющій съ блескомъ молодости и талантовъ богатое наслѣдство Княгини *Холмской*, доставшееся ему по усыновленію, съ трудомъ получаетъ согласіе на соединеніе съ любимою дѣвушкою, опъ опца ея, заматорьлаго *Князя Любскаго*, поному тоько, что имѣетъ несчастіе быть внукомъ деревенскаго священника. Послѣдствія оказали, что это было еще ничто въ сравненіи съ настоящимъ его происхожденіемъ. *Славинъ* былъ *Киргизенокъ*, купленный мнимымъ опцемъ своимъ за сто рублей у бѣглой *Киргизки*, которая въ добавокъ была сманена Уральскимъ козакомъ *Хивинскимъ* и, по рожденіи несчастнаго ребенка, вышла за мужъ за крѣпоснаго двороваго человека въ Оренбургъ. Узнавъ сію пайну слишкомъ преждевременно, по безразсудной неоспорожности мнимой сепры своей, *Славинъ* натурально опкрылъ ее будущему своему тесню и еще натуральнѣе получилъ опъ него опказы высокомѣрный и презрительный. Душа его не могла перенести столь жестокаго удара; и печальная развалина его существованія, влачившаяся еще нѣсколько времени по землѣ, рухнула наконецъ со славою подъ Варной. Это умилительное спеченіе прогательныхъ обспоятельствъ изображено мѣстами съ удивительнымъ масперспвомъ, дѣлающимъ большую честь кн-

спии Сочинителя. Особливо свиданіє *Славина* съ своею матерью, по ошкрытіи роковой пайны, проникаеть въ душу глубоко и опзывается сердечнымъ содроганіемъ (Ч. II. г. III. с. 97—138). Это не мышаеть, однако, при хладнокровномъ разсмотрѣніи *повѣсти*, видѣнь, что ея главная идея не выполнена, цѣль не достигнута. По наслощому персонажъ *Князя Любскаго*, какъ пружина, постоянно задерживающая и на конецъ обрывающая весь ходъ дѣйствія, долженъ сосредоточивать на себѣ вниманіе и господствовать во всей *повѣсти* шажесью своего характера. Это кажеться было бѣ не трудно и сдѣлать. Стереотипъ Русскаго барина—оплывающаго спокойно жиромъ, подѣсьнію наслѣдственнаго шипула, за которымъ не примѣнно благопріобрѣтеннаго Прапорщичества—есть такой кладъ для повѣстпованіельной живописи, какой рѣдко попадаеться между Шотландскими Лердами, Курляндскими Баронами и Литовскими Панами. За оригиналами, съ коихъ можно списать сей идеаль, не смотря на асахронистическую запоздалость, дѣлю не спаненіе: они попадаются и не въ Англійскомъ клубѣ. Правда, сін вѣпшіе обломки времени Очаковскихъ слишкомъ мало доступны волненію страстей, которое должно приводить въ движеніе колеса романческаго дѣйствія. Но они вѣють наже свою Ахиллесову пяту, чрезъ которую можно ихъ разшевеливать. Попробуйте много изъ нихъ заставить проиграть шестъ, съ дамой самъ семъ козырей и шузомъ масли—это будетъ исторія, которая надѣлаетъ больше шуму и произведетъ важнѣйшія слѣдствія, чѣмъ Ватерлооское сраженіе. Сполжкожъ, или можетъ быть, еще болѣе прелоги можетъ причинить другому одна мысль—назвать своимъ зяцемъ ионовича. Родословная раскаты-

ваеися погда во всю длину свою; и давленія, производимаго ея увѣсистой тяжестью, доспапочно для того, чтообы задержатъ цѣлый рядъ обспоятельствъ, благопріятно успроенихъ судьбою и снровленныхъ благоразуміемъ. Но въ *Киргиз-Кайсахъ*, *Князь Любскій*, не совсѣмъ удачно изобрѣтенъ, еще не удачнѣе выполненъ. Удѣльная тяжесть глупости, данная этому уродливому чурбану, никакъ не пропорціональна, что оиъ, въ продолженіе *повѣсти*, никакъ не можетъ сохранитъ равновѣсія; а переваливается безпреспанно то нуда, то сюда, и представляется то не по себѣ глупымъ, то не по себѣ умнымъ. «La grosse bête», признавшійся однажды во снѣ самъ себѣ, что оиъ болѣе похожъ на осла, нежели на человека.» (Ч. I. г. VI. с. 219)—отражаетъ такъ умно и дѣльно театральную шутку, на которую, какъ говорятся, копѣлъ поддышъ его *Графъ Рншиловъ* (Ч. II. г. IV. с. 140—152); что сей послѣдній остается совершенно въ дуракахъ и заспавляетъ краснѣть за себя невольно. Такое странное противорѣчіе! Еще страннѣе отношеніе, въ коемъ находимся эпосъ образъ безъ лица къ лицамъ, коими обставленъ въ *повѣсти*. По всему видно, что оиъ принимаеися въ фамиліи своей за опъ-львешаго дурака, за фофона. Его ругаютъ въ глаза, а оиъ только что посмѣиваеися и опкланиваеися. Какъ же можно, чтообы эпосъ уродъ останоилъ своимъ уарямспвомъ дѣло, запѣянное его сильными и важными родспвенниками, опъ которыхъ принималъ почетныя названія дурака и осла съ овечьимъ смиреніемъ? Коротко сказать—*Князь Любскій* естъ совершенный нуль для *повѣсти*; и между пѣмъ весь машинизмъ ея на немъ держиися. Къ довершенію, фнзіономія этой жалкой фнгуры ни сколько не выкрѣплена, если только было что

выкрипывая въ ней. Не очень удачно предсказано и лице *Рышкова*, которое должно было уравновешивать ходъ дѣйствія. Эпизодъ важный вельможа, украшенный одиннадцатью Россійскими и Иностранными орденами и имѣющій всегда свободный въѣздъ ко дворцу и *полновъ право* гордиться своими *заслугами*, шормошитъ и ругаетъ бѣднаго *Князя Любскаго*, ни за что ни про что, языкомъ достойнымъ переднихъ: горячится, не начавъ дѣла, и оспыиваетъ, наполовинѣ. Лучше обрисованы *Славинъ* и *Софья*. Последняя, особенно въ окончателъной сценѣ, ея самой разсказываемой—гдѣ она, невѣстою *Князя Радугина*, посвящаетъ могилу несчастнаго *Славина* (Ч. II. г. VI. с. 218—244)—превосходна. Это та же самая *Софья*, которая нѣкогда пириала своего любовника въпренюю живостию — но уже испираненная судьбою до глубокаго неземнаго спокойствія!.. За то сцена между *Славинъмъ* и маленькимъ его пезкою, въ деревнѣ у *Федосы Андреевны* (Ч. II. г. I. с. 32-40), никуда не годится. *Славинъ*, толкующій съ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, о вещахъ, »копорыя,« благодаря невинности возраста, »не приходили ему и въ голову« предсказавленъ такую опшрапшительную фигуру, что невольне должно пожалѣть или о Генералѣ, повѣрявшемъ ему воспитаніе дѣтей своихъ, или о томъ, что не энионъ листъ пропущенъ и замѣненъ шѣмъ, который въ экземплярѣ а), находящемся предъ глазами Рецензента, вѣроятно по милосши переплешчика, прерываетъ весь

- а) Увѣряюшъ, что во многихъ экземплярахъ точно также дѣльный листъ второй части пропущенъ, а на мѣсто его вшпешъ другой изъ другой какой-то книги. Это весьма непріятно для читателей! Изд.

на не учпиво завѣщаніе опца *Славина* рассказами о нѣкомъ *Флоріанѣ*, *рыбелѣ хвостѣ* и *Профессорѣ*.

Ходъ *повѣсти* очень простъ, но не вездѣ естпственъ и удовлетворителенъ. Узелъ ея завязывается письмомъ *Славина*, попавшимся нечаянно въ руки *Софьи* (Ч. I. г. I). Это, по видимому, весьма простое произшесловіе, возбуждаешъ однако сомнѣнія, которыя нѣтъ не выгоднѣе для *повѣсти*, чпо начинающа сѣ самага ея начала. Судя по вѣрному списку, помѣщенному въ тексѣ, письмо это въ подлинникъ должно составлять нзрядную лешрадку, копорую *Филарету* стыдно было обронить не замѣшивъ, а *Серезинькѣ* шрудно удержавъ въ своихъ маленькихъ рученькахъ, особливо безъ всякой поспоронней помощи, какъ представлено въ заглавной винѣшкѣ. Но еще мудренѣе и подозрительнѣе неосторожность *Евгеніи* (Ч. II. г. I—III), причинившая развязку. Эпа добрая сесира, любившая весьма нѣжно своего брата, вопреки приказанію опца опкрывавъ тайну рожденія *Славина*, прежде чѣмъ онъ *пристроиться*, какъ бы нарочно спѣшивъ отпорвать его опѣ свадьбы и зазываетъ въ Оренбургъ тайншвенными намеками, чптобы успѣвъ разрушить рай его блаженства адскимъ опкрытіемъ. Это чпо-то не посестрински! Извиненія, представляемыя *Евгеніею* по совершеніи удара, шолько чпо болѣе ожесточаютъ прошивъ ней, своею ребяческою ничтожношью. Можно даже дозрѣвать ее въ злоумышленности. Такъ она кругомъ виновата! Последняя жизнь *Славина* изображена за то очень естпственно и вѣрно. Это — догарающая лампада, прѣпещущая тусклымъ мерцаніемъ и угасающая яркою вспышкой! . .

Чпо касается до изложенія *повѣсти*, шо оно по-

называется въ Сочинишель совершенное неумѣе владѣть перомъ своимъ. Многословіе—несчастливая привычка, оставшаяся у него и послѣ участія въ *Московскомъ Телеграфѣ*—превосходитъ всякое терпѣніе. Къ многимъ главамъ подмощены огромныя предисловія, состояющія изъ пошлыхъ и неумѣстныхъ разсужденій. Многія сцены, въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало бы обгонять безпрестанно вниманіе читателей, разрывающіяся неумѣстными отступленіями и вставками. Въ это время, когда *Славинъ* получаетъ таинственное письмо изъ Оренбурга, представляющее внезапную препону его счастью, и любящимъ его ленту съ нимъ на Уралъ, дабы разрѣшить роковую тайну, Сочинишель заставляешь его молчать съ *Софьею*—и о чемъ бы вы думали? — о перцѣ въ блаженствѣ любви (Ч. II. г. I. с. 5-II)!!! Этого перца, правду сказать, хуже горчицы! . . . Не менѣе прѣны разсужденія, начинающія третью главу первой части, въ коихъ женщины уподобляются лоскотамъ кошкаты, выходящимъ изъ щели мыши, или заперенную (с. 73). И это курьёзное сравненіе такъ понравилось Сочинишелю, что онъ нѣсколько разъ повторяетъ его въ своей повѣсти! Вообще онъ обнаруживаетъ вездѣ приспращеніе къ нѣкоторымъ любимымъ матеріаламъ и не пропускаетъ нигдѣ случая поговорить объ нихъ в компаніи и не компаніи. Такого именно приспращеніе къ театру. Языкъ егоρίζывается вездѣ кулисною терминологіею. *Горюха* у насъ все распрепано на сравненія, поговорки и примѣненія. Этого мало! *Графъ Рынниковъ* намѣренъ объясниться съ *Княземъ Люблинымъ*, по случаю открытія истинной тайны рожденія *Славина*—и доказываетъ ему *Любского*, что «гордымъ *Парижанамъ*

наскучили три единства и безконечныя племена *Атридовъ*», что «безпрерывно слушать жалобы *Андромиды* или напыщенныя выходы *Ахиллеса*» скучно, и что «мелодрама, видѣнная имъ на Нѣмецкомъ Театрѣ, поправилась ему болѣе, нежели всѣ обѣщанныя и старинныя разговоры *Агамемнонова семейства*» (Ч. II. г. IV, с. 143, 144). Не значить ли это по Русски: что ни есть въ пети, все на столъ лети! . . Въ языкѣ промелькиваютъ иногда выраженія, носящія на себѣ явно печать *Телеграфской школы*. Таковы н. п.: «невольнo разыгралась кровь, безпрестанно изливаемая фoкyсoмъ страстей, и орумянила зеркало душевныхъ ощущений» (Ч. I. г. II. с. 63); или: «моя первая любовь къ тебѣ была подобна звукоу и стройному аккорду увертюры, за нѣмъ послѣдовало спокойное адажіо, а потомъ . . . *allegro con brio*, суматоха моего сердечнаго оркестра» (Ч. II. г. I. с. 8). Эту суматоху хоть сей часъ бы въ *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, занимающіяся соспавленіемъ фразеологіи Издашеля *Московского Телеграфа*, дабы приобщить къ прочимъ таковымъ же! . . Тойже школы духомъ опшывается и невинное желаніе блеснуть знаніемъ Греческой и Латинской древности, которое иногда попушываетъ Сочиншеля не хуже *Fotii Epistolis* и *Исторіи Вiардосо*. Такъ н. п. знаменитое изреченіе *Тита*, сына *Веспасіанова*, о поперѣднѣ, приписывается въ *Киргиз-Кайсакъ*, самому *Веспасіану* (Ч. I. г. IV в. 222), *Вереника* или *Верениса*, коея волосы помѣщены въ созвѣдіе, переименована въ *Веронику* (Ч. I. г. VI. с. 210); и ш. п.

Въ заключеніе, можно сказать, что сія повѣсть является произведеніемъ дарованія, которое въ первый разъ узнаешь себя и потому не можешь съ собою управить.

ся. Уповаательно что «другой романъ , которъй уже два года лежить у сочинителя» — по собственнымъ его словамъ — «недокончанный» , будетъ болѣе обработанъ и заслужитъ полную амнистію бывому Рецензенту *Московского Телеграфа*.

— СТИХОТВОРЕНІЯ МИХАЙЛА ДМИТРИЕВА , въ двухъ частяхъ. Москва. въ Типогр. А. Семепа 1830.— М. А. *Дмитріевъ* давно уже приобрѣлъ себѣ литераторскую извѣстность. Но сочиненія , коими онъ заслужилъ ее, до сихъ поръ были разсыяны въ журналахъ , альманахахъ и отдѣльныхъ брошюркахъ. Теперь собралъ онъ вмѣстѣ лучшія изъ своихъ стихотвореній и сдѣлалъ пріятный подарокъ публикѣ ихъ прекраснымъ изданіемъ.

Поэтическій огонь есть завѣтное достояніе немногихъ избранныхъ. Онъ загарается самъ собой въ душѣ , помазанной свыше : но никакая земная сила не можетъ возжечь его шамъ , гдѣ небо не благоволило излить таинственнаго елея. Отсюда — истинно великіе поэты посвящаютъ нашу землю изрѣдка , подобно раскаленнымъ кометамъ , вовлеченнымъ неволей пылота въ чуждую сферу; и подобно имъ , изумляя современниковъ , завѣщаютъ потомству неумирающее благоговѣніе. Путь земные горяго духа , ихъ движущаго , равно необычайны и неисповѣдимы. Онъ скитается прозорливымъ слѣпцемъ въ *Омиръ* , влачитъ мрачное негодованіе на жизнь изъ края въ край въ *Байронъ* , начинается съ рыбацкѣй лодки въ *Домоносоевъ* и оканчивается домомъ сумасшедшихъ въ *Тассѣ*. Это — дива міра человѣческаго , запутывающія тайну нашего бытія , для уничтоженія всякаго покушенія искапъ на землѣ полнаго ея ршенія!..

Но между тѣмъ , подѣ недосытаемою выотою тверди , на которой блистають сія свѣтила , есть безчисленное множество спущеней , доступныхъ дутамъ свѣплымъ и сильнымъ. Не бывъ призваны къ высшей поэзіи жизни и слова , онѣ собственною силою возвышаются надѣ прозаическимъ рабствомъ земнаго бытія и , пропѣсняясь до прага свѣтила , похищаютъ , какъ новые Прометей , огнь небесный. Часто сей огнь опалаетъ безумную дерзость : но нерѣдко , пріемлемый и хранимый съ благоговѣніемъ , озлащаетъ чистымъ сіяніемъ здравый умъ и согреваетъ животворною теплою благородное сердце. И тогда слышались намъ звуки стройные и мелодичскіе , въ конхъ — если не торжествуетъ сочепаніе дутія съ небомъ , составляющее вѣнецъ истинной поэзіи , то по крайней мѣрѣ — ошутпительно выражающіяся къ нему порванія.

Таковъ характеръ стихотвореній , конхъ собраніе представляется теперь публикѣ! Самъ Поэтъ чувствовалъ эпо ; и съ скромностію , которая бываетъ неоплѣчною спутницей достоинства , говоритъ такъ къ стихамъ своимъ въ воззваніи , составляющемъ родъ предисловія къ ихъ изданію :

Пусть критикъ не найдетъ большихъ пороковъ въ васъ :

Слозь гладокъ ; вкусъ нигдѣ не оскорбленъ уродствомъ ;

Нѣтъ ложныхъ , низкихъ чувствъ , раздора съ благородствомъ ;

Разсудокъ съ риемою согласенъ каждый разъ :

Все мало! — Быстрый умъ , жаръ творческаго чувства:

Богатство въ вымыслахъ , обиліе идей :

Вотъ пребую чего я въ гордости моей !

Вотъ генія печать ! вотъ торжество искусства ! (I. 8, 9)

Скромность сія конечно не оскорбится, если мы скажемъ, что и сіи требованія отчасти имъ выполнены.

Спихотворенія *Дмитріева* именно носятъ на себя печать ума свѣтлаго, согрѣваемаго теплотою кропкаго чувства. Сіе послѣднее преимущественно обнаруживается въ *Элегіяхъ*, кои, по словамъ самаго Поэта, «были отраженіемъ нѣкоторой части его жизни», и въ *Псалмахъ*, въ коихъ, какъ онъ самъ же опять говоритъ, «находилъ онъ оправду погда, когда всѣ земныя утѣшенія были чужды его сердцу.» *Элегіи* перѣдко дышатъ нѣжностью. Онѣ были вдохнуты Поэту первою любовью; и въ нихъ, какъ на завѣтныхъ скрижаляхъ, записаны драгоцѣннѣйшія сокровища его души: радости наслажденія и скорби утраты. Не лъзя безъ умиленія слышатъ сихъ болѣзненныхъ упрековъ, съ коими Поэтъ обращается къ вѣроломной надеждѣ:

Теперь, еще теперь, когда мнѣ измѣнили
И юность, и любовь, и слезы, и мечты,
Я помню, какъ погда онѣ имъ сладки были!
Одна ихъ намятъ—жизнь: погда не льстила ты!

Я помню... дней любви... какъ ихъ немного было,
Сихъ дней, исполненныхъ невѣрныхъ благъ твоихъ!
Но сердце въ эти дни какъ билось! какъ жило!

Я вѣка бы не взялъ за нихъ!

Теперь, когда узналъ, что жизнь... одна лишь праха,
Я счастья не прошу и не хочу опъ ней,
И еслибы желалъ минувшаго возврата,
То развѣ... тѣхъ немногихъ дней!

Но что молишь тебя? — Ты сердце лишь встревожишь,
Какъ безполезный зовъ, проникшій сквозь шюрьму:
Ты лучше прежнято мнѣ дашь уже не можешь;

А прежняго... я не приму!

Такъ гласъ волшебницы шрупъ хладный вызываетъ;
Онъ повинуется, вспадаетъ со спомомъ онъ,

Но съ болью онъ въ себя на время жизни выѣщаемъ :
Ему лишь нуженъ хладъ и сонъ !

.....
Такъ пѣлъ надежду я, но въ пѣсни безнадежности
Одна слышна была — и пѣснь была не та !
Пугало все меня: и въ будущемъ безбрежность ,
И въ настоящемъ — тѣснопа !

И въ мигъ , когда совсѣмъ не звалъ, не ждалъ богини ,
Она, прекрасная , ко мнѣ явилась вновь :
Весь мѣръ зацвѣлъ опять ; я не узналъ пустыни ,
Не узнавалъ ее: она ли, цвѣтъ любовь ?

.....
Люби душа моя ! люби еще , сколь можетъ
Выѣстить небеснаго въ себя земный сосудъ !
Надѣйся, и ничто тебя да не тревожитъ !
Жизнь — самый легкій трудъ !

И голосъ внушривнй, гласъ мудрости конечно
Воззвалъ таинственно въ душевный, тайный слухъ :

.....
„Неправъ твой опытъ былъ; но слабыхъ не карають!
Ты, какъ земный, судилъ законъ небесный мой !
Узнай различье ихъ: у васъ лишь дни счисляють ,
А вѣчность предо мной!“ (I. 62—68).

Въ *Псалмахъ* *божес* спокойствія: и не рѣдко отгла-
шающа величественность, не совсѣмъ не достойная
ихъ высокаго первообраза. Таково начало подра-
жанія XVIIIму Псалму :

Благовѣствуетъ Бога славу
Великолѣпный неба сводъ ;
Творца повѣдають державу
И твердь земли и сонмы водъ !
День дню глаголы повторяетъ
И ноци ноцъ о немъ вѣщаетъ ;
И нѣтъ спраны , гдѣ сихъ словесъ
Вѣщанья были бы не видныи :
То гласъ для всей земли понятный !
То гласъ гремящй до небесъ ! (I. 203).

Но преимущественно достоинство *Дмитріева* обнаруживается въ *стихотвореніяхъ философическихъ*. Стихотворенія сіи суть плоды зрѣлаго поученія въ судьбахъ міра. Онъ носящъ на себѣ печать одушевленія, посѣщавшаго душу наблюдателя въ минувшыя приникновенія въ свѣплый мракъ міродержавнаго промысла. Такъ говоритъ онъ самъ о зарожденіи ихъ въ глубинѣ своей :

И ты, вселенная, явилась предо мной
Съ своею важною и стройною красой !
И жрицей вѣчною, природой
На прагъ святилища былъ шрепетный взведенъ,
Гдѣ за завѣсой скрытъ великій швой законъ
Необходимости съ свободой !

И я искалъ его! — И мрачныя вѣковы
Созданья предо мной какъ призраки являлись;
Безстрашный шайны я испытывалъ гробовъ,
Какъ книга предо мной судьбы ихъ разверзались !
И я вникалъ въ нее ; но въ глубь я не проникъ !
И пламень, пламень сей языкъ !.. (II. 9)

Особенно обращаютъ на себя вниманіе стихотворенія: *на контину Государя Императора Александра Перваго и Наполеонъ*. Въ первомъ есть спрофы, богатые чувствомъ, весьма естественнымъ при размышленіи о воспѣваемомъ событіи. Таковы н. п.

И все сокрылося въ глубокой смерти мглѣ !
Помощество для Него настало !
Приди безъ робости, живущій на землѣ,
Сними съ сего чела земное покрывало !
Скажи : чей вопль изчезъ, отверженъ отъ Него ?
Когда, карая, Онъ не облегчилъ закона ?
И чьей главѣ, кромѣ Его,
Была тяжка Его корона ? (II. 21).

Последнее обильно сильными мыслями, достойными изображаемого исполняя.

Кто видѣлъ смертнаго, который предъ судьбою,
Любимъ, гонимъ, равно безтрепетно стоялъ;
Который царства влекъ въ паденье за собою,
И царства холодною рукою раздавалъ;
Котораго чтобы свести съ ступени трона,
Весь миръ, сойдя съ черты, къ ступенямъ приступилъ;
Кто смертию игралъ и падшій жизнь сносилъ?...

Мы видѣли. . . Наполеона!

Нѣтъ! нѣтъ! не можешь быть, чтобы судъ небесъ
хотѣлъ

Путей, которыми онъ шелъ ступней блуждавшей:
Онъ, какъ преслушный рабъ судьбы, его пославшей,
Перешагнулъ ея предѣлъ!

Съ избыткомъ смертнаго природа надѣлила;
И, дерзкій властелинъ ея высокихъ силъ,
Онъ въ человѣчествѣ природу оскорбилъ —
И оскорбленная опмстила!

Онъ былъ! — Кто, юноши, не пережилъ изъ насъ,
Вселенной дряхлой обновленья!

Мы зрѣли многихъ царствъ послѣднѣя мгновенья,

Мы зрѣли, какъ другимъ настала рожденья часъ!

Мы видѣли вѣка: для насъ не длилось время;

Предъ нами сей Аппланшъ мечталъ

Поднять на плеча миръ — и тягостное бремя

Онъ, не поднявъ, восколебалъ!

И нѣтъ его! — Какъ сна чудесныя видѣнья,
Или, какъ зрѣлища народнаго обманъ,
Исчезъ сей блескъ побѣдъ, сихъ рашныхъ силъ дви-
женья,

Волнуемыхъ предъ нимъ, какъ въ бурю Океанъ,

ТЕЛЕСК. Ч. I.

И оныхъ дни поржествъ, когда съ его рабами,
Его созданіе, безмолвные цари,
Въ обширныхъ залахъ Тюльери
Ходили смутными толпами!

И самъ онъ вспоминалъ, какъ нѣкій дивный сонъ,
Сей трона блескъ, сей блескъ воинственнаго стана,
Когда узрѣлъ себя, внезапно пробуждѣнъ
На камнѣ, одного, въ пустынь Океана;
Когда, склонивъ къ мечамъ усталую главу.
Онъ видѣлъ весь свой путь изъ края въ край вселенны,
Маренго, Австерлицъ, и въ пламени Москву,
И скалы дикія Елены!

Онъ палъ! — Онъ осуждѣнъ въ дѣлахъ своихъ землею:
Проклятье на него рекъ смертнаго языка;
Но мысль его никто изъ смертныхъ не проникъ:
Судьба его была и есть покрыта мглою!
Чась придетъ — гласъ двойной сей камень потрясетъ:
„Вострепещи, тиранъ! Восторжествуй, Великій!“

(II. 44—52).

Сатирическія стихотворенія, конми оканчивается со-
бравіе, не совсѣмъ удачны. Въ нихъ примѣтна изыскан-
ность и расшянутость. Самое лучшее мнѣніе объ
нихъ высказываетъ самъ стихотворецъ:

Но если иногда отъ темныхъ созерцаній,
Усталый и къ землѣ склонившійся Поэтъ,
Узрѣлъ на ней лишь смѣсь гордыни и суесть
И недостойный смѣхъ, на голосъ состраданья,
Невольно вырвался изъ слабыхъ устъ пѣвца:
Охотно пѣсни тѣ, корывая души мгновенный,
Я въ жертву предаю толпѣ, отъ нихъ забвенной;
Пусть вырветъ сей листокъ изъ бѣднаго вѣнца! (II. 16).

И дѣйствительно! пусть вырываетъ! *Вѣнецъ* такъ
не бледнѣтъ, что потеря ихъ останется не замѣтною!..

Языкъ стихотвореній *Дмитрієва* числѣтъ и въ грамматическомъ отношеніи правильнѣй. Но онъ не вездѣ легко и свободно укладывается въ поэтическій кадансъ. Вообще фактура стиховъ, при всей своей исправности, тяжела и жестка. Мысль подавляется его нерѣдко до прозаическо-обыкновенности.

Изданіе своимъ изыщесливомъ дѣлаеиъ честь вниманію Издаиелю къ публикѣ и типографіи *Семѣна*.

—сочиненія, переводы и подражанія въ стихахъ *Константина Масальскаго. С. П. Б. въ типогр. ИМП. Россійск. Акад. 1831.* — Эта маленькая книжечка показываеиъ въ сочиниіиелѣ признаки дарованія. Стихи его вообще гладки, плавны и спройны. Въ сочиненіяхъ мелькають искорки свѣжаго чувствва. Сельскій гимнъ, коимъ начинаеиъ сборничекъ, очень миль своею дыпскою простотою. Но за то и неопытностію сочиниіиеля слишкомъ оцупитиельна. Слова часто разногласяиъ съ мыслями, а нерѣдко и между собою. Онъ мечуся въ глаза, какою-то необыкновенною странностію сочепанія, какъ н. п. въ слѣдующихъ стихахъ :

Чію зримиъ? чію дѣлаемъ? Почто въ слезахъ Столица?
Почто весь въ траурѣ Апостоловъ Соборъ? (16)

Какіе Апостолы наряжены здѣсь въ трауръ, совершенно не понятно. Но эію можеиъ уладить время. Жаль толькочто выборъ предметовъ для поэтическихъ упражненій молодаго стихотворца не слишкомъ радуеиъ, и за будущностію. Опрывокъ изъ поэмы: *Миценіе Вѣтерка*, помѣщенныиъ въ сей книжкѣ (41—56), соображаемый съцѣльною, уже, кажется, нѣсколько разъ издаиною пѣмъ же Авторомъ Поэмою: *Терти Казакъ*,

Атаманъ будишъ, показываесть, что онъ началъ не съ начала. Обѣ сн, такъ называемыя, поэмы суть не что иное, какъ болиновня въ римахъ. Но подобная болиновня можетъ нравиться только тогда, когда сочинитель овладѣетъ искусствомъ разсказа. Жаль, очень жаль будетъ, если молодой питомецъ музъ положится на безопытные похвалы, коими нѣкопорые Петербургскіе Журналы его приголубили. Охъ! эпи липературные баловники! *Переводы и подражанія*, составляющія впрочемъ половину книжечки, сдѣланы почти со всѣхъ древнихъ и новыхъ Европейскихъ языковъ. Очень пріятно видѣть между нашими соотечественниками опытъ такого многоязычія: тѣмъ болѣе, что препензіи на оное обратились въ припчу и посрамленіе нашимъ словесникамъ, по милости *Издателя Московскаго Телеграфа*. Удивительно только, почему молодой нашъ спихотворецъ не воспользовался симъ рѣдкимъ преимуществомъ, для того, чтобы познакомиться съ малоязычныхъ съ такими сокровищами доступныхъ ему липературъ, изъ которыхъ можно бы было сдѣлать заключеніе объ ихъ духъ и богатствѣ. Выбранныя имъ для переводовъ и подражаній пѣски совершенно безцвѣтны и ничтожны. Что н. п. Испанскаго находится въ баснѣ *Иріарте*, гдѣ *Медвѣдь* изволилъ плясать... какъ вы думаете!.. козачка? (89). Эпосъ національный сѣверный панецъ едвали могъ быть извѣстенъ космапому проказнику, выросшему въ берлогахъ *Сіеры Морены* и небывавшему никогда подъ наукой у какого-нибудь смышленнаго *Нижсего-родца-Платырца!*

— ГЕРНАНИ, или КАСТИЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ. *Трагедія В. Гюго. Пер. Ротисва. С. П. Б. Въ типографіи Кар-*

ли *Крайя*.. 1830.—Еще новая кара на иноземную словесность: еще новая пытка для опечесшвшаго языка: еще новый перевод *Г. Ротгева*!...

Германи, последнее драматическое произведение *В. Гюго*, имѣло блистательный успѣхъ во Франціи, не смотря на всѣ козни и происки партій. Оно и заслуживаетъ его: ибо носить на себѣ свѣплую печать гения, привыкающаго мало по малу покорять свою дикость подъ спасительное нго вкуса. *В. Гюго* продолжаетъ еще упорствовать въ своихъ мечпаніяхъ о безусловной поэтической свободѣ: и недавно выразился весьма ясно, что *«романтизмъ»* во имя коего онъ ратуешь противъ вѣснаго классическаго деспотизма, есть не что иное, какъ *«либерализмъ литературный!»* «Послѣ толкаго множества великихъ дѣлъ, совершенныхъ нашими опцами»—восклицаетъ онъ съ эмпатическимъ одушевленіемъ—«мы наконецъ видимъ себя въ оковъ вѣсныхъ формъ гражданственности; за чѣмъ же по сию пору осваваться въ тяжкихъ узахъ вѣсныхъ поэтическихъ формъ? Новому народу—новое искусство!» а) Такія и подобныя фразы очень громко звучатъ для неопытнаго слуха, соблазняющагося всякою прескотнею: но здравомысліе, искушенное въ горнилѣ опытности, съ негодованіемъ видитъ и оплакиваетъ въ нихъ жалкіе порывы сумазбродной мечпанельности. Развитіе жизни человѣческой, во всѣхъ направленіяхъ, подчинено вѣчнымъ и непреложнымъ законамъ, нарушение коихъ влечетъ за собой неминуемую гибель. И въ литературу, почто также какъ во всѣхъ опраслахъ человѣческой дѣятельности насильственные перевороты, запѣваемые неутомною мечпанельностью, окапчиваются поглощеніемъ

а) *Lettres aux éditeurs des Poésies de M. Duvallé.*

самихъ себя и возвращеніемъ къ вѣчному порядку вещей, но силѣ естественной упругости природы. Въ *Предисловіи* къ новому произведенію *В. Гюго*, о которомъ идетъ шеперь дѣло, уже видно сіе возвращеніе, хотя медленное конечно и неохотное. «Свобода»—говорится въ немъ—«имѣетъ мудрость, собственно ей принадлежащую, безъ которой она не можетъ быть совершенною. Въ импературѣ не должно быть ни эпитетовъ, ни анархій: но — царство законовъ. Ни каблучковъ красныхъ, ни колющихъ красныхъ!» а) Эпо уже значительная сбавка прошивъ прежней *Романтической* заносчивости. Изъ чего жъ, спрашивается, эпитетъ шумъ, эпитетъ вопли, эпитетъ суматоха? Развѣ *классическая* дисциплина требуетъ чего другаго, кромѣ законной покорности благоустроенной монархій искусства? *В. Гюго* явился съ своимъ *Кромвеллемъ*, разрушающимъ, и огромностию объема, и многосложностию состава, и хаотическимъ смѣшеніемъ формъ, всѣ пропорціи сценики. Сіе чудное произведеніе, озамеченное впрочѣмъ яркой печатью гениа, должно было, по заглавію сочинителя, начать собой новую эпоху для Французскаго Театра: и, дабы произвести сію великую революцію, пылкій поэтъ въ *Предисловіи*, которое должно было ввести въ свѣтъ его твореніе, замечался до того, что поспланивалъ первообразомъ для новой, проповѣдуемой имъ реформациі въ поэзіи — не *изящество*, а — кромѣ всѣхъ шутокъ — *удовищность*, *нелпность*, *безобразіе!* б) Чернь разахалась отъ изумленія сей дѣй-

а) *Hernani ou l'Honneur Castillan, drame, par V. Hugo. IIme Edition Paris. 1830. p. IV, V.*

б) *Cromwell, drame, par V. Hugo. Paris. 1828. p. XI, XII.*

спивидельно необычайной новості; но здравомыслящіе пожимали плечами и тужили о слабостяхъ человѣческой природы, отъ которыхъ не изъемлется она въ своихъ лучшихъ созданіяхъ. Наконецъ *В. Гюго* самъ объяснился: и *Герани* представляешь торжественное доказательство, что если гніямъ свойственно падать, то возставать еще свойственно.

Произведеніе сіе не есть и не называется *трагедіею* въ подлинникѣ. Это *драма*, въ собственномъ значеніи слова. Переводчикъ, вѣроятно, соблазнило то, что она оканчивается, какъ говорится, *трагически* — смертію: и онъ поспѣшилъ оказать услугу поэту, исправивъ названіе, которое шотъ самъ далъ своему творенію. Но не слишкомъ ли пошлоропился онъ? Не даромъ изстари ведется обычай, что оиецъ самъ нарекаетъ имя своему дѣтнику: онъ рѣдко ошибается! *В. Гюго* не хуже бы *Г. Ротгева* умѣлъ написать въ заглавіи своего произведенія: *трагедія*. Но онъ знаетъ, что *трагедію* составляетъ не конецъ смертоубійственный, а особенный образъ возрѣнія на жизнь, съ котораго она представляется — не свободнымъ развитіемъ самой себя, а — игрой высшей неотвратимой силы, которая или тяготеетъ надъ нею свинцовымъ гнѣвомъ судьбы, или воздымаетъ ее свирѣпымъ дыханіемъ стихій. Между тѣмъ *Герани* есть не что иное, какъ эпизодъ изъ внутренней Исторіи Испаніи при Карлѣ V, оправленный въ драматическія рамы: и слѣдовательно *драма*, какъ *драма* — не болѣе! Вотъ ея содержаніе и ходъ! *Герани*, начальникъ мятежниковъ, опустошавшихъ Аррагонію при вступленіи юнаго Карла на престолъ Испанскій, любитъ *Дону Соль*, племянницу стараго Герцога *Рюя Гонца де Силвы*,

который прочитъ ее самому себѣ въ невѣсты. Молодой Король также привлекается за нею, но не изъ любви, а изъ удачества; собственнаго и не Королевской юности. Во время отсутствія Герцога, онъ прокладываетъ себѣ ночью путь въ спальню *Доны Соли*, охраняемую одною старою дуэнною, *Донною Хосефого*. Догадавшись, что онъ выпередилъ соперника, которому назначено здѣсь свиданіе, *Карль* прятается въ шкафъ, съ согласія дуэнны, и подслушиваетъ опчастіи любовный разговоръ *Доны Соли* съ *Германи*, который не замедлилъ явиться. Похищеніе его изъ шкафа подаютъ поводъ къ перебранкѣ между обоими соперниками, которая бы могла кончиться еще хуже, если бы внезапное прибытіе Герцога не положило конца ихъ ссорѣ. Сей послѣдній узнаетъ Короля, который имѣлъ великодушіе скрыть и *Германи* отъ подозрительной ревности старика. Въ слѣдующемъ дѣйствіи, *Карль*, подслушавшій въ шкафѣ, что *Дона Соли* уговорила съ бѣжать съ *Германи*, является въ условленный часъ передъ ея окнами съ своими придворными, и вызываетъ ее условленнымъ знакомъ. Но *Германи*, какъ свѣтъ на голову; и *Карль* облапъ былъ своею жизнію только царской швердости, которою обезоружилъ лрость оскорбленнаго соперника, имѣшаго множество и другихъ причинъ его ненавидѣть. Онъ не заплатилъ однако великодушіемъ за великодушіе; и наблпъ немедленнаго преслѣдованія извлекъ *Германи* изъ объятій, въ конхъ онъ позабылъ было свою горькую долю. Третье дѣйствіе открывается приговореніемъ къ браку *Доны Голлицы* и *Доны Соли*. *Германи*, когто шайка разбита, пробирается въ замокъ въ одеждѣ пилгрима: но, увидя *Дону Соли* въ брачномъ нарядѣ, предается опчаянію и открываетъ

свое исполщее имя. *Донъ Гомецъ*, по законамъ рыцарскаго гостепріимства, принимаешь его подъ свое покровительство, вопреки его упорству, и идешь укрѣпиль замокъ противъ угрожающаго ему преслѣдованія. Возвращаясь, онъ застаешь его въ объятіяхъ своей невѣсты. Вдругъ раздается звукъ трубы, возвѣщающей прибытіе Короля, который самъ преслѣдуетъ мятежника. Оскорбленная ревность уступаясь верху уважанъ чести; и *Донъ Гомецъ* прілетъ *Германи*. Раздраженный признаками сопротивленія, *Карлъ* требуетъ выдачи скрышаго бѣглеца: но *Донъ Гомецъ* съ благородною твердостью представляешь свою сѣдую голову въ замѣнъ обреченной головы своего незваннаго гостя. *Карлъ* отвергаетъ сію жертву и увлекшись за собою *Дону Соль*. Герцогъ и *Германи*, равно оскорбленные симъ похищеніемъ, примираются, дабы совокупными силами оштрафовать похищателя. Но послѣдній даетъ первому слово предать въ волю его свою жизнь, по первому звуку рога, который дарить ему. Въ слѣдующемъ дѣйствіи, по силѣ свободы, относимой къ числу *романтическихъ* льготъ, но въ самомъ дѣлѣ составляющей законное право поэзіи, сцена переносится изъ Испаніи въ Ахентъ. Тамъ, въ подземномъ склѣтѣ, заключающемъ въ себѣ гробницу *Карла Великаго*, юный Король Испанскій, помогающійся Императорской Короны, разрушаетъ составившійся противъ него заговоръ, на самомъ мѣстѣ его исполненія. *Донъ Гомецъ* и *Германи* изобличаются его участниками. Послѣдній открываетъ тогда въ себѣ *Іоанна Аррагонскаго*, коего отецъ умерщвляетъ по велѣнію отца *Карлова*, и имя обречено безславію и гибели. *Карлъ* ознаменовываетъ свое вступленіе на Императорскій престолъ милосердіемъ и *Германи*, вмѣ-

ствъ съ родовымъ пинпломъ, получаетъ изъ руки его руку *Дони Соъ*. Последнее дѣйствіе возвращается опять въ Сарагоссу. *Гернани* и *Дона Соъ* торжествуютъ бракъ свой. Толпы празднующихъ расходятся; и новобрачные остаются одни, въ сладостномъ упоеніи. Вдругъ раздается знакомый звукъ рога: старый Герцогъ является и по условію пребываетъ жизни *Гернани*. Неумолимый, онъ самъ подаетъ ему ядъ. Новобрачная является и узнаетъ все. Послѣ пышнѣйшихъ моленій, она вырываетъ ядъ у своего супруга и выпиваетъ половину. *Гернани* доканчиваетъ: и несчастный старикъ закалается на ихъ прупахъ. Такова пикантъ драмы! Явно, что ея главная задача есть представленіе древняго духа Каспилинъ, въ коемъ сѣверный буланъ раскаленъ былъ пышущимъ огнемъ востока. Эта неукротимая пылкость спрасшей, наслѣдіе знойной Аравіи, соединенная съ нерушимою вѣрностью усавамъ чести, изобличающаю Германское происхожденіе, составляла всегда народный характеръ Испаніи. Но въ эпоху, копорая объемлется драмою и копорая неоспоримо была эпохою высочайшаго развитія силъ ея, сей характеръ сверкалъ ярче и кипѣлъ бурнѣе, чѣмъ когда-либо. *В. Гуго* избралъ для себя удачно моментъ и удачно обрисовалъ его. Правда, ходъ пѣсы не вездѣ легкокъ, ровень и естественъ. Дѣйствіе, копорое должно было кипѣть, шло очень медленно. Сцены не выпѣсняются другъ друга естественною необходимостью, а лѣнялись произвольно. Множество положеній изысканныхъ, принужденныхъ, противупостинныхъ. Последнее дѣйствіе, своей неестественной дикостью, возмущительно до отвращенія. Но за то характеры, отдѣльно взятые, сотворены мастерски и имѣютъ

совершенно Каспильскую физиономию. *Карль*, гордящійся своимъ Фландрскимъ происхожденіемъ и называющій себя безпрестанно гражданиномъ Геншскимъ., представляетъ въ своемъ лицѣ болѣе Европейскаго. Но *Домъ Голицъ* есть сокрушенная развалина времени *Сида* и *Бернарда Карпю*. Его обращеніе къ изображеніямъ своихъ благородныхъ предковъ, предъ лицомъ разгнѣваннаго Короля (III. 7), превосходно: оно носитъ на себѣ печать святой спарины. Въ *Домъ Соль* и *Гернани* kloпочетъ молодая кровь, прихлынувшая съ востока. Это даетъ полное право сраивать поэта, сотворившаго *Гернани*, съ зодчимъ, изукрашившимъ арабесками двери готическаго. Бургосскаго Собора. Истина есть вѣнецъ совершенства; почему и не удивительно, что сія драма, не смотря на множество ошутливельныхъ недоспапковъ, встрѣчена была живыми воспорами.

Но что сдѣлалъ изъ ней нашъ переводчикъ? Дѣйствительно *трагедію*, въ коей главная роль принадлежитъ самой драмѣ. Невѣдомо, по какому сердоболію, *Г. Ротчевъ* спасъ въ своемъ переводѣ *Голицъ* отъ смерти: но за то съ неумолимою жестокостью загубилъ всю піесу! Ну что это за переводъ! Рецензентъ имѣлъ терпѣніе свѣрять два первыхъ дѣйствія съ подлинникомъ: и оказалось столько недочета въ сипихахъ и мысляхъ, что—Боже упаси!.. Вчужъ сердцу больно за бѣднаго *В. Гюго*! Мало того, что онъ терпитъ дома: терпитъ еще и на чужой сторонѣ!.. Читая переводъ, не знаешь — смѣяться или досадовать! Последнее однако перемогаетъ тогда, когда спанешь сравнивать переводъ съ подлинникомъ. Ни тѣни, ни черты, ни юпы той полноты, той выразительности, той, такъ сказать, характерности рѣчей и движеній, которая составляетъ преимуще-

стинственное доэпоиништво драматическаго паланша пворца *Гернани*! Такъ и. п. сколько глубокаго смысла въ этомъ ие многословномъ разговорѣ двухъ любовниковъ:

D. S. Calmez-vous! (*remettant le manteau à la duègne*)

Josefa! fais sécher son manteau!

(*Josefa sort*)

(*Elle s'assied et fait signe à Hernani de venir près d'elle*).

Venez là!

Hern. (*sans l'entendre*)

Donc le duc est absent du château?

D. S. (*souriant*)

Comme vous êtes grand!

Hern.

Il est absent?

D. S.

Chère âme,

Ne pensons plus au duc!

Hern.

Ah! pensons-y, madame!

Ce vieillard! il vous aime, il va vous épouser!

Quoi donc! Vous-prit-il pas l'autre jour un baiser?

N'y. plus penser! (I. II.)

Какъ же все это перековеркано въ переводѣ *Г. Роттсва!*

Д. С. Спокойся же! ты подойди сюда.

Герн. (*не слушая*)

Такъ Герцога нѣтъ дома?

Д. С. (*слабѣя*)

Въ замкѣ этомъ

Ты господинъ: о Герцогѣ забудь!

Герн. Онъ пвой женихъ—*ты* *подлесть* сохранию а!
Пьетъ съ устъ пвомъхъ блаженство поцѣлуя...
 Его забышь!... (7)

Этотъ разительный контрастъ между дѣвской безпечностію *Донъ Соля* и неукротимомъ рьяностію возмужалой въ опасностяхъ души *Гернани*—гдѣ онъ?.. Одинъ только видѣтъ здѣсь контрастъ—между словами и мыслями!.. Чаше однако и того не бываетъ: ибо смыслъ по большей части совершенно забывается словами. Такъ н. п. просимъ разгадать, что это значить:

Въ позорѣ власы вы рвите, коль угодно —
 И захра же твердите громко вы,
 Что никогда развратъ *рукой холодной*
 Не ослѣдѣлъ бѣды мой главы! (17)

или это :

Клянуся вамъ, что *выходите* сей часъ,
 Откуда я привыкъ сюда входить! (12)

Сие последнее должно быть однако переводомъ слѣдующаго опѣвша *Гернани Карлу*:

En honneur

Je vous ferai sortir par où j'entre, seigneur! (I, 11)

Впрочемъ довольно забавно видѣть, какъ весьма нерѣдко у Г. *Ротчева* падежи дерутся съ глаголами и одолеваяютъ ихъ; н. п.

Такъ лезвіе въ кошелекъ ты *хотешь*? (3)

или:

А въ ночь *вникать*, качая колыбель,
 Оружья *трескъ*, въ шуму непогоды. (10)

Всего же забавнѣе памъ, гдѣ онъ, не понимая подлинника, переводитъ зря, какъ попалю подъ руку. Что

и. н. значашъ у него *повѣсь*,

Которые проказашъ въ ночь глухую,
Отъ каблучковъ не открывала *взоровъ?* (16)

Это въ подлинникъ просто —

félons,

Qui le soir, et les yeux tournés vers leurs talons,
Ne fiant qu'à la nuit leurs manoeuvres infames,
Dérobent aux maris la chasteté des femmes! (I, III)

Самое послѣднее слово, коимъ заключается пѣса, доказываетъ весьма ясно, какъ мало вниманія обращалъ переводчикъ на подлинникъ. Опъ заспавляетъ *Дона Гомеца* говорить о себѣ въ женскомъ родѣ:

Погибла! (116).

тогда какъ пофранцузски довольно опредѣленно сказано:

Morte!.. Oh! je suis damné!

Это уже непоспимая ошибка, если только не сдѣлана она съ умысломъ, дабы описуемъ грамматическаго смысла торжественнѣе выразишь опчаянiе *Гомеца!*

Но довольно!... Рецензентъ и самъ теряетъ терпѣнiе: каковожъ должно быть чипашелямъ?... Каждый изъ нихъ можетъ сказать словами перевода *Г. Ротгева*, копорья, по крайней мѣрѣ, годны для примѣненiя къ самимъ себѣ:

Все слушалъ:

Но услыхалъ не много—спало душно!... (12)

Душно! испинно душно!... И долго ли еще подобные переводы будутъ душить и подлинникъ и чипашелей!..

—НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХЪ на 1831 годъ. *Изданъ Е. Дидинскимъ. С. П. Б. въ Типогр. Х. Гинце. 1831.*—
Книжка очень не великовѣка собой: а дѣла почти и

вовсе ничего! По обычаю предковъ, альманашикъ сей раздѣляется поже на *прозу* и *стихотворенія*. Дѣленіе, кажется, напрасное! Стоило бы только стихи, называемыя *стихотвореніями*, не печатать въ разбивъ строки, а подрядъ и пѣмже крупнымъ шрифтомъ, какъ прочія: тогдабъ нѣкино и не подумалъ, что онѣ писаны *стихами*. Исключеніе надлежало бы сдѣлать развѣ для одной *Дѣвиги-Горы Подольскаго* (149-160), которой не рѣшмы однѣ дають право на имя *стихотворенія*. Замѣчательна еще въ этой книжицѣ мисификація, которой намѣреніе разгадать очень трудно. Въ ней помѣщенъ *отрывокъ изъ трагедіи: Карлъ II* (173-196); и между пѣмъ этогъ отрывокъ есть родъ перевода изъ *Кромвеля*, извѣстной драмы *В. Гюго*, предшествовавшей *Гернани*. Что бы значила эта штука?... Учинившій ее скрытъ имя свое подъ буквою Р... Но слѣдующіе характеристическіе стихи:

Вспомни же: мы *лзвѣя* мечей

Въ одной крови, товарищъ, *закалали*,

Единымъ прахомъ въ битвахъ мы дышали (161)

конхъ фактура очень знакома, измѣняютъ пайнъ — еслибъ одна Петербургская газета и не проговорила бы объ ней опъ избытка сердца!.. И такъ это онъ... опять онъ!.. *Гернани* было для него мало: добирается и до старшаго брата!.. Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?...

— КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ, изданная *И.^{го} Васильевымъ*. Изданіе 2-е. Москва. 1830. — Безопчетный наборъ разныхъ произшествій, описанныхъ слогомъ, индѣ напыщеннымъ, индѣ простымъ, индѣ неправильнымъ. Не

смотря на новыя изысканія и разсужденія объ Истории, здѣсь является оныишь и феодальная система, (между тѣмъ какъ у насъ ея не было, а было учрежденіе другого рода), и мудрая политика, (между тѣмъ какъ дикари управлялись только страхами), и ошибка Святослава, раздѣлившаго Россію на удѣлы, (между тѣмъ какъ это учрежденіе нѣсколько вѣковъ продолжалось у всѣхъ Европейскихъ народовъ, слѣдовательно было въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, а не въ головѣ Святославовой), и политика съ благосостояніемъ, (между тѣмъ какъ у всѣхъ народовъ на этой ступени гражданской образованности былъ только опдыкъ или изнеможеніе), и древнѣйшіе гражданскіе успавы до Ярослава, и Святый Апостоль Андрей на горахъ Кіевскихъ. — Въ періодѣ удѣловъ одинъ только капиталъ именъ; и проч. и проч.

Несвязность въ мысляхъ и выраженіяхъ непрерывная. Такъ на пр. послѣ описанія обычая, ноципаемаго жестокомъ, Авторъ заключаетъ: «такъ народы самыя добродушныя, безъ правилъ ума образованнаго и вѣры истинной — превосходятъ даже звѣрей въ людскости.» Другими словами эту мысль должно выразить слѣдующимъ образомъ: такъ въ придцать градусовъ мороза не бываетъ по десяти градусовъ тепла. Вѣрнѣе! «Всеволодъ, опягченный старостию и болѣзнями, удалил опъ себя бояръ опыннхъ; не внималъ гласу невинности: (32)» — Кака же связь между этими понятіями: старъ, болѣнь, удалил опыннхъ бояръ, не внималъ гласу невинности? —

И объ этой книгѣ Авторъ говоритъ самъ въ предисловіи: «смыслъ можно сказать, что мы до сихъ поръ не имѣемъ такой Истории, которая, при надлежащей краткости, заключала бы въ себя всѣ великія событія нашего опечества, и не была бы на-

полнена происшествіями неважными , мѣлочными, служащими только къ обремененію памяти дѣтей!« Не на всякой ли страницѣ у него эпі мѣлочи? — Надо признаться, что большая смѣлосць нужна для такого утвержденія.

И эпа книга, говорятъ намъ, написана по руководству Карамзина! — Развѣ по руководству Г. Полеваго! Если бы авторъ объявилъ такъ на заглавномъ листкѣ, то Рецензентъ безъ всякаго разбора и порицанія сказать бы только: яблоко упало недалеко отъ яблони.

— *Geschichte der Halbinsel Morea, während des Mittelalters. Ein historischer Versuch von Professor J. Th. Falme- rayer. Erster Theil. 1830. (Исторія полуострова Морей въ среднихъ вѣкахъ. Историческій опытъ Профессора И. Т. Фальмерайера. Часть I. 1830.)* Хотя сіе важное историческое сочиненіе не многими будетъ принято съ благодарностію ; ибо имъ разрушается одно изъ пріятнѣйшихъ обольщеній : но тогда по именно , когда высказываемая истина горька, пооть , кто ее исповѣдуетъ , заслуживаетъ сугубую благодарность.

И. Фальмерайеръ доказываетъ, что нынѣшніе Греки — не потомки древнихъ *Грековъ*, а *Славяне* ; и пѣмъ disproverгаетъ прекраснѣйшія мечты Филеллинизма. Но спрашивается : есть ли здѣсь какая-нибудь потеря для человечества? Развѣ несчастные Греки нашего времени заслуживаютъ меньшее сожалѣніе , развѣ геройскіе подвиги ихъ менѣе дивны, развѣ они меньше достойны свободы , если происхожденіе ихъ окажется не сполновымъ дворянскимъ отъ древней Эллады? Безъ сомнѣнія нѣтъ ! Какая бы кровь ни

спруилась въ ихъ жилахъ, Славянская или Эллинская: они люди — и довольно!..

Уже въ изданной прежде пѣмъ же Авторомъ *Исторіи Трапезунтской Имперіи* видны его обширныя и глубокія свѣденія въ Византійской Исторіи, изученіе коей оставалось досель въ пренебреженіи и мракъ. Съ необыкновенною ученостію и проницательностію освѣщая мглу, пятляющую сполько вѣковъ надъ сею важною областью Всемірной Исторіи, онъ пополняеиъ важныя пропуски, и вмѣстѣ съ пѣмъ удовлетворяеиъ потребностямъ новѣйшаго времени; ибо успѣхи Россійскаго оружія на Черномъ морѣ и крипическое состояніе Турецкой Имперіи снова обрали общее вниманіе на сіи спраны. Въ отношеніи къ Христіанской споронѣ Турціи онъ обогащаеиъ исторію споль же важными открытіями, какъ *Гаммеръ* въ отношеніи къ ея споронѣ Мугамеданской; и сверхъ того, крипика и слогъ его такъ ярки, что онъ имѣеиъ неоптъемлемое право на почешное мѣсто между лучшими Нѣмецкими Историками. Вообще надобно замѣиить, что въ новѣйшее время Нѣмцы прилежно занимаются изученіемъ Исторіи, такъ что въ коропкое время вышло множество превосходныхъ сочиненій по сей части; и, можно сказаиъ, ни одна отрасль Нѣмецкой Литературы не приносииъ плодовъ ни болѣе обильныхъ, ни болѣе спѣлыхъ и здоровыхъ.

Г. Фальмерайеръ показываеиъ сначала, какъ древняя Греція запусыла и какъ потомъ обновилась на-родонаселеніемъ. Изображеніе запусынія ея ужасно. Мы постараемся представииъ здѣсь ея крапкій очеркъ. Уже мечъ Римлянъ, при завоеваніи Греціи, свирѣпствоваль съ такимъ неистовспвомъ, что одишъ

изъ современниковъ , на пупи изъ Эгины въ Мегару и Коринѣ , вспрѣчалъ цолько однѣ развалины. Собственно Греческая образованность переселялась тогда въ Византію , Родосъ и Александрію. Въ древнемъ Пелопоннесѣ образованность погибла съ самобытностью и народною свободою , когда прежнія сословія вольныхъ гражданъ уступили мѣсто небольшому числу богатыхъ вельможъ , окруженныхъ толпами рабовъ , какъ во всѣхъ Римскихъ провинціяхъ. *Аполлоній Тианскій* въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. писалъ о себѣ , что онъ «одичалъ, но не попому, что долго находился внѣ Эллады, а попому, что долго въ ней жилъ.» Между тѣмъ народонаселеніе Пелопоннеса, не смотря на то, что значительно оскудѣло и выродилось, все еще сохраняло первобытную чистоту свою, безъ всякой примѣси, за исключеніемъ нѣкоторыхъ колоній, основанныхъ Римлянами. И именно — большая часть побѣдоноснаго войска, послѣ Актійской битвы, осталась въ Эладѣ. Въ правленіе первыхъ Императоровъ страна сія была часто опустошаема язвою и высасываема хищностью Правителей. Впрочемъ Пелопоннесъ оспавался неприкосновеннымъ во время первыхъ бурныхъ приливовъ великаго переселенія народовъ, равно какъ и во время первыхъ гонѣній на Христіанство: ибо варвары не переходили никогда чрезъ Коринѣской перешеекъ, а Христіанская вѣра очень медленно распроспранялась въ Пелопоннесъ. Но за то тѣмъ ужаснѣе долженъ былъ поспрадать сей полуостровъ, когда суевѣящъ *Аркадій* воздвигъ безумное гоненіе на язычество.

Можно считая 396 годъ эпохою, въ которую древнее идолослуженіе, сохранявшееся еще на Пелопоннескомъ полуостровѣ, погибло въ пламени своихъ

капищъ и Олимпійскій Зевесъ невозвратно былъ свергнутъ съ престола — эпохою, въ которую желѣзо Скѣвовъ, наемниковъ Римскихъ, испребило ядро языческаго народонаселенія и насильственно водрузило на гробахъ его знамя Вѣры, возвыщающей миръ и спасеніе. « То былъ *Алирикъ*, который объявилъ войну древнимъ богамъ Греціи въ ихъ опчиствѣ и кошорѣй, будучи счастливецъ, чѣмъ Титаны, сокрушилъ ихъ. Подобно Ксерксу, онъ останвленъ былъ при *Оермопилахъ*, и, подобно ему же, съ помощію измѣнниковъ тайно былъ проведенъ чрезъ горы; и—Готы хлынули въ *Апшику*. » Города и села были обращены въ пепелъ; взрослые мужчины побиты, жены и дѣти заповонены въ рабство; храмы разрушены, кумиры ниспровергнуты. Въ первый еще разъ тогда варвары проникли въ таинственный мракъ храма великой Элевзійской Богини и запалили сіе послѣднее убожище боговъ пораженныхъ. Съ пламенемъ, пожравшимъ храмъ, смѣшалась кровь послѣдняго Греческаго Иерофанта, который (по свидѣтельствѣ Евнапія) предрекъ сіе произшествіе и вмѣстѣ со всѣми прочими жрецами былъ умерщвленъ *Аларикомъ*. Защищали ль и сколь храбро защищали тогда свои свѣтны Греки Коринѣскіе, Аргосскіе, Маниннейскіе, Тегейскіе, Лакедемонскіе и Мегапольскіе — неизвѣстно; *Зосима* увѣряетъ только, что всѣ они были испреблены и города разрушены до основанія. Немногіе, избѣгшіе споль ужаснаго губительства, должны были, опрехисъ опъ суевѣрїа опцевъ своихъ, подклониться подъ иго инквизиціи, уже начинавшей осквернять небесную числоту Святой Вѣры Христовой. Тогда нѣкоторыя добровольно положили конецъ своей жизни, или умерли съ горя, подобно *Философу Приску*

въ Эпирѣ.» Только жители нынѣшней *Майны* остались непреклонны въ своемъ суевѣріи и, какъ спугнутые разбойники, скрылись въ ущелія, гдѣ продолжали кланяться идоламъ.

Настало бурное переселеніе народовъ: Ост-Готы, Апшилы, Славянскіе Болгары, Анты и Гепиды прорывались каждый годъ черезъ Гемъ и систематически губили Грецію, до самаго Коринтскаго Иsthма. Только въ немногихъ большихъ городахъ, каковы: *Адрианополь*, *Филиппополь*, *Юстиніанія* и имъ подобныя, держались еще Византійскія посады; вся же прочая земля заселена была *Славянами*, которые окоренились на ней и предавались спокойно земледѣлію, даже близъ самыхъ твердынь Византійскихъ. Такъ *Прокопій* уверяетъ, что въ его время варвары жили передъ самою *Фессалоникою*. Тотъ же самый писатель повѣспивуетъ о язвѣ, которая свирѣпствовала въ то время на всѣхъ берегахъ Средиземнаго моря и истребила около ста милліоновъ людей. Если сіе число и преувеличено, то все остается несомнѣннымъ, что *Пелоннесъ*, бывшій тогда еще Греческимъ, очень много долженъ былъ потерпѣть отъ этой язвы. Между тѣмъ *Славяны*, народъ очевидно *Славянскаго* племени, продолжали переходить чрезъ Гемъ и тѣснили Византійцевъ, такъ что сіи послѣдніе принуждены были наконецъ призвать на помощь противъ нихъ другой сѣверной народъ — *Аваровъ*. Но *Баянъ*, Ханъ *Аварской*, еще болѣе привлекъ шуда *Славянъ*, которые, наводнивъ *Пелоннесъ*, истребили въ немъ остатки древле-Греческаго народонаселенія, и поселись тамъ, какъ самой странѣ, такъ и всѣмъ горамъ, рѣкамъ и урочищамъ

дали даже *Славянскія* наименованія. »Возможностию опредѣлить годъ, въ коемъ Славяне заняли Пелопоннесъ, обязаны мы *чуду Св. Андря*: и именно, въ благодарности за чудо, конемъ сей Свящый, по завоеваніи *Пелопоннеса Аварами*, за 218 *лѣтъ* спасъ городъ Патрасъ, Императоръ *Никифоръ* возвелъ сей городъ на степень Метрополіи. Но Никифоръ царствовалъ между 802 и 811 г., слѣдов. и завоеваніе Пелопоннеса должно падать между 584 и 593 годами. А поелику *Эвагрий* именно опредѣляетъ, что въ тотъ самый годъ, когда Антиохія была разрушена землетрясеніемъ, вся Эллада подпала подъ иго *Аваровъ*, то безъ всякаго сомнѣнія это должно падать на 589 г. послѣ Р. Х.

Такимъ образомъ вся внутренность Пелопоннеса заселилась *Славянами*. Только въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ приморскихъ городахъ, особенно на восточномъ берегу полуострова, какъ то: въ *Патрасъ, Коринъ, Модоуъ, Аргосъ, Ахейи* и въ ущельяхъ нынѣшней *Малыи*, держались Греческіе спарожилы, сохранявшіе по морю сношенія съ Константинополемъ. Остальное было все *Славянское*. »Встрѣчая близъ развалинъ Мантиней, Эгіума, Оленоса, Амиклъ, Мессины и Мегалополя урочища и ручьи, называющіеся: *Горища, Востица, Каминица, Пирната, Хлумицы, Славица, Велигости и Арахова*, не нужно глубокихъ соображеній, дабы видѣть, что такихъ названій не встрѣчается ни въ какой странѣ, оставшейся древне-Греческою, но что онѣ находящіяся на каждомъ шагу въ Сербіи, Булгаріи, Галиціи, Богеміи, Крайнѣ, Помераніи и Россіи, и что слѣдовательно онѣ первоначально выдуманы не Эллинами, а людьми, говорившими по Славянски. Явились, напрошивъ, два новые города, на упе-

сахъ Пелопоннесскихъ, не встрѣчающіеся даже въ половинѣ VI-го вѣка: *Арнадія* и *Монемвасія*; и кто не скажетъ съ перваго взгляда: »эти имена Греческія; они построены Эллинами!« Если съ сей точки зрѣнія перебрать весь Пелопоннесъ, съ округа до округа, и вездѣ сравнивать названія горъ, рѣкъ и урочищъ, носимыя ими во времена *Павзанія* и *Прокопія*, въ III и VI столѣтіяхъ, съ тѣми измѣненіями, которыя онѣ представляютъ въ VIII вѣкѣ и послѣдующихъ: по всякой просвѣщенный человѣкъ въ состояніи будетъ вывести заключеніе о перевородахъ, коимъ подвергался сей знаменитый полуостровъ. Возраженіе, что нынѣшніе жители *Мореи* не могутъ быть *Славянскаго* происхожденія, потому что говорятъ по *Гречески*, было бы споль же неосновательно, какъ и то, еслибъ вздумалось кому-нибудь утверждать, что островъ *Рюгенъ*, *Померанія*, *Мекленбургъ*, *Саксонія*, *Моравія*, *Штирія* и восточный *Тироль* всегда были обитаемы Германцами и никогда ненаводились *Славянами*, потому что теперь въ сихъ странахъ всѣ говорятъ по-Нѣмецки. Сверхъ того и сіе обстоятельство можетъ быть объяснено основательно и убедительно, итакъ что идолопоклонству, которое все еще высится поваленнымъ гробомъ, долженъ наступить конецъ, и теперь въ жителяхъ *Мореи* должно любить и покровительствовать просвѣту людей, а не потомковъ древнихъ Эллиновъ.»

Прочіе древле-Греческіе приморскіе города, равно какъ и острова, на которые Греки заблаговременно могли укрыться еще до варваровъ, хотя и опустошили себя онѣ Аваровъ; но во время распрей иконоборства, ввязались въ междоусобную войну съ Сполитцею Византійской Имперіи. Флотъ ихъ былъ раз-

бить предъ Конспаншинополемъ , и вскорѣ ужасный моръ, какого еще не бывало , испребилъ все народонаселеніе Цикладъ и береговъ Пелопоннесскихъ. *Никифоръ* и *Ософанъ* повѣспвуютъ , что очень мало тогда уцѣлѣло , а *Константины Багрялородный* пишетъ , что »весь Пелопоннесъ послѣ сей бѣды *ославленъ* и сдѣлался совершенно варварскимъ.« »Если въ долинахъ Тайгескихъ горъ и оставались еще нѣкоторые оспашки Лакедемонскихъ Грековъ ; то они навѣрное всѣ погублены были сею ужасною язвою и послѣдовавшимъ за ней вѣпорженіемъ иноплеменниковъ ; ибо доказательно можно вывести , что съ того времени не только долина Евронская съ самаго моря , но и Гальды, западныя оплогости Тайгеса отъ Каламашы до Майны, и даже самыя внутреннія ущелія сихъ знаменитыхъ горъ , были заняты Мелитіонскими *Славянами*. Такимъ образомъ воспослѣдовало совершенное уничтоженіе Элліновъ и заселеніе сихъ неудобнопроходимыхъ странъ племенами *Славянскими*, такъ что, спусти четыредесять лѣтъ потомъ , весь горный хребетъ , отъ предѣловъ Аркадіи до мыса Тенарскаго , въ Морейской лѣтописи назывался по преимуществу *та Схлаβиха* , тогда какъ остальной Пелопоннесъ , уже давно покоренъ былъ воскресшею силою Византійскихъ Императоровъ , и возвращенъ къ прежней Греческой фizioноміи. Не должно однако воображать , что опустощенные моромъ восточные берега Пелопоннеса, немедленно , какъ по данному знаку, заняты были вновь нахлынувшими ордами. Пріливъ иноплеменниковъ отъ Испра до мыса Тенарскаго продолжался во все время царствованія *Констанина Копрониана*, и только конецъ его можно принять приблизительно за эпоху ,

въ которую означенная обширная полоса земли наполнилась снова обитателями и мало по малу начала покрываться новыми городами, селами и хуторами. Въ 763 г., по свидетельству *С. Никифора* Паптіарха, при рѣкѣ Арпанасѣ поселилось 280,000 вновь прѣбывшихъ *Славянъ*, которые, спустя шесть лѣтъ, успѣли разграбить и опустошить острова Тенедосъ, Имбросъ и Самоэракію.»

Въ свою очередь Императрица *Ирина* въ 783 начала воевать противъ *Южной Славиніи* или *Дрвеней Греціи*; но не прежде, какъ черезъ сто лѣтъ послѣ того, Императору *Василію* посчастливилось покорить *Славянской Пелопоннесъ* (*Славинію, Морсю*), исключая *Мелитійцевъ*, кои въ своихъ горныхъ гнѣздахъ защищались столь же упорно и храбро, какъ нѣкогда послѣдніе остатки языческихъ Грековъ. Покоренные *Славяне* принуждены были принять хрістіанство изъ Византіи и, въ слѣдствіе продолжительнаго плѣна, переняли наконецъ мало по малу Византійской Ново-Греческій языкъ. Это для нихъ было пѣтъ легче, что у нихъ не было своего собственнаго письма и самая азбука получена была ими отъ Византійцевъ.

Сочинитель приступаетъ попомъ къ подробнѣйшему объясненію названій. Онъ доказываетъ, что *Морселъ*, новое имя Пелопоннеса, есть слово *Славянское*, означающее *страну приморскую*, какъ н. п. *Померанія* (*По морю*) и сѣрана *Морлаховъ* (*Море-Влаховъ*). Далѣе онъ показываетъ, что названія урочищъ внутри *Морси* болѣею частію носятъ явно печать *Славянскую* и встрѣчаются во многихъ земляхъ Славянскихъ; какъ напр. *Планица* (*источникъ*), имя, коимъ называются многіе источники въ Богеміи и Силезіи; *Горица* (*гора*), названіе, весьма часто также встрѣчающееся

въ Славянской Германіи, какъ напр: *Гѣрицъ*, *Гѣрицъ*, *Гѣрлицъ*; *Каменица* (*Камень*), то же чпо *Хемницъ*, *Каменицъ* и п. п. Авпоръ внимательно перебираетъ всѣ отдѣльныя частни *Мореи* и всѣ названія. Мы предложимъ здѣсь только замѣчанія его о *Майнъ*. Имя это новое; оно было не извѣстно даже *Прокопію*: и между швѣмъ *Константинъ Багрянородный* пишетъ, чпо въ *Майнъ* жили еще попомки древнихъ Эллиновъ. Сію ошибку Авпоръ изясняетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ полагаетъ, чпо *Майна* и *Манія* (*бшество*) одно и тоже, слѣдовательно и *Майноты* тоже, чпо бшечные. Такимъ же почито именемъ назывались и Курдійскіе Христіане, копорые при *Хозревъ II*, гонимель Христіанъ, убѣжали изъ Персіи, поселились въ горахъ Ливанскихъ и оплуда вели жестокою войну съ Мугамеданами. Ихъ называли *Мардаитами*, то есть: *разбойниками*, *бшечными*. Когда, въ 686, *Юстиніанъ II* заключилъ первый миръ съ Халифомъ *Абдулмеликомъ*, онъ обязался удерживать *Мардаитовъ* отъ нападеній на Мугамеданъ, и переселилъ 12,000 изъ нихъ съ семействами, частію въ Малую Азію, частію во Оракію. Но *Константинъ Багрянородный* именно упоминаетъ о »*Мардаитахъ*, живущихъ въ *Пелопоннесъ*;*«* а попому весьма вѣроятно, чпо сін *Мардаиты*, сообразно своимъ хищническимъ обычаемъ, поселились въ *Майнъ*, *огрелились* и получили названіе, копорое есть не чпо иное, какъ переводъ настоящаго ихъ имени на Греческой языкъ. Впрочемъ весьма еспешвенно, чпо приморскія мѣсна, долгое время не покорявшіяся *Славянамъ* и попомъ подпавшія подъ власнь Византійцевъ, удержали древнія свои имена. Это однако не дастъ ни малѣйшаго права заключить, чпо нынѣшніе ихъ жители

древле-Греческой крови. » Сіе длинное розысканіе оканчивається выводомъ , что подѣ конецъ XII вѣка изъ древле-Эллинскихъ названій мѣстъ въ Пелопоннесѣ осипавалось еще около двадцати пяти: и именно двадцать одно при берегахъ , а четыре въ нѣкоцоромъ отдаленіи. Сюда можно еще причислить древнія названія рѣкъ: *Красина*, *Инаха*, *Ангеры* и *Краты*, съ мысомъ *Дрепано* , такъ что изъ нѣсколка сохъ древнихъ названій остается только тридцать. Это , кажется , должно уничтожить всѣ сомнѣнія о великости , продолжительности и обширности переворотовъ , выперѣнныхъ симъ полуостровомъ. Не должно также позабыть и того , что даже остальные жители Пелопоннеса , говорившіе еще по-Гречески , въ X-мъ вѣкѣ считались въ Константинополь не Эллинами , а помѣсью , носившею въ своей фізіономіи явные примѣты *Славянскаго* происхожденія.»

Въ заключеніи Авторъ изображаетъ завоеваніе Византійской Имперіи Франками и ленное владѣтельство надъ *Морестю* фамиліи *Виллс-Гардуинъ* , храбростію коей обузданы были наконецъ *Славянскіе Милингійцы* , послѣдніе остатки язычества, и *Майноты*. М. В.

IX.

ПРИЛОЖЕНИЕ АРИΘΜΕΤΙΚИ КЪ ИСТОРИИ (*).

Среднее ежегодное приращеніе всѣхъ жилищей земнаго шара (разумѣется по исключеніи числа умершихъ

(*) Занимаясь приложеніемъ Математики къ Грамматики и Логикѣ, я навалъ, кажешься, на новую мысль — приложишь Математику и къ Исторіи. Предлагаю на судъ публики нѣкошорыя указанія и выводы. Сог.—

— Сочинитель сей спашьи, извѣстный филологическими своими изслѣдованіями, издалъ въ прошломъ (1830) году *таблицы четырёхъ, пяти и шести процентовъ на тридцать лѣтъ* (продаются въ книжной лавкѣ А. С. Ширяева, по рублю за экземпляръ). Таблицы сіи легкостію исчисленія превосходящъ всѣ донынѣ изданныя; ибо пребудушъ только *одного* умноженія для опредѣленія процентоу въдругъ на данное число лѣтъ. Для примѣра разрѣшимъ вопросъ: во что обрабащяся 8000 рублей, по прошествіи 7 лѣтъ, считая по 5 на 100? Рѣшеніе: $1,407100 \times 8000 = 11256,800000$, то есть, въ 1256 р. 80 к. Таблицы сіи превосходящъ и *точно-стію* всѣ извѣстные способы. Для примѣра разрѣшимъ вопросъ: во что обрабащяся 450 рубей, по прошествіи 5 лѣтъ, считая по 5 на 100? Рѣшеніе по обыкновенному изчисленію (весьма затруднительному и крайне продолжительному, но единственному, совершенно лочному) дастъ 574 р. 32 к. и дробь $\frac{6705125}{100000000}$; по таблицамъ логариѣмовъ Непера — 574 р. 32,68950... по таблицамъ лог. Каллеша — 574 руб. 32, 68999... по таблицамъ

изъ числа родившихся) можно положить около $\frac{1}{5}\%$ всего населенія. Самое меньшее размноженіе одного какого-либо народа едвали ниже $\frac{1}{6}\%$; самое большее, на пр. необыкновенное размноженіе попомковъ Иакова въ Египтѣ, не достигаетъ $\frac{1}{4}\%$.

Въ Алгебрѣ существуетъ формула $u = a\left(\frac{r+1}{r}\right)^n$ употребляемая для вычисленія процентовъ. Прилагая ее къ вычисленію приращенія народонаселенія, подъ буквою a должно разумѣть число народа въ ту эпоху, онъ которой исчисляемъ приращеніе, подъ буквою r должно разумѣть знаменателя приращенія, подъ буквою n —число лѣтъ приращенія, наконецъ подъ буквою u —число размножившагося народа.

Ной остался по попомѣ въ числѣ 8 душъ; онъ попомъ до нашего времени (до 1823 года*) протекло по Западному счисленію 4150 лѣтъ; среднее приращеніе равняется, какъ сказано выше, $\frac{1}{6}\%$. И пакъ $a=8$, $n=4150$, $\frac{r+1}{r} = \frac{1.02}{1.00}$; слѣд. u , то есть, цѣ-

процентовъ Усова (Слб. 1827) — 574 р. 20 к... по таблицахъ Manuel du Capitaliste (Paris. 1827) — 574 руб. 20 к. по таблицамъ Калайдовича — 574 р. 32,6750., ежели взять 7 десятичныхъ, какъ у Непера — 574 р. 52, 67020... ежели взять 8 десятичныхъ, какъ у Каллепа — и 574 р. 32,6703125, ежели взять всѣ 12 десятичныхъ. Очевидно, что сія разниа въ результатахъ, шеперь ничтожная, можетъ сдѣлаться весьма значительною въ большихъ суммахъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ. Изд.

(*) Большая часть исчисленій населенія земнаго шара сдѣлана до 1823 года, а попому я принимаю сей годъ предѣломъ и моихъ изчисленій. Сот.

ныишее населеніе земнаго шара должно быть равно числу, изображаемому 37 цифрами — такому числу людей, котораго не вмѣстятъ вся солнечная система наша !

Географы-Списовщики весьма несогласны въ настоящемъ числѣ жителей земли ; впрочемъ всѣ показанія ихъ заключающіяся между 600 и 1000 миллионъ. Но что значить и 1000 миллионъ , въ сравненіи съ тѣмъ числомъ, которое долженствуетъ быть?

Война , голодъ , язва — сіи насильственные испребишени рода человѣческаго — въ разные времена въ разныхъ странахъ значительно уменьшали не только настоящее население , но губили невозвратно и все поколѣніе , долженствовавшее произойти изъ онаго. Вотъ причина вышепоказанной несоразмѣрности.

Обратимся опять къ формулѣ процентовъ. Пусть , $a=8, n=4150, u=$ или 600, или 1000, или среднему числу , 800 миллионъ ; дробь $\frac{r}{r+1}$ будетъ изображать ежегодный остатокъ приращенія , то есть , разность между среднимъ приращеніемъ и между насильственными испребишеніями , если распредѣлимъ ихъ прогрессивно на каждый годъ. По сему при 600 миллионъ населенія логарифмъ дроби $\frac{r+1}{r}$ будетъ равенъ 0,00189760 , при 1000 мил. = 0,00195106 , при 800 мил. = 0,00192771 ; слѣд. остатокъ приращенія выйдетъ не много болѣе или $\frac{43}{100000}$ или $\frac{45}{100000}$ или $\frac{44}{100000}$.

Представимъ теперь населеніе земнаго шара по ежегоднымъ остаткамъ приращенія , въ сравненіи съ ежегоднымъ приращеніемъ — среднимъ и большимъ

$$\left(\frac{r+1}{r} = \frac{10043}{100000} = \frac{10045}{100000} = \frac{10044}{100000} = \frac{10200}{100000} = \frac{10250}{100000} \right).$$

ЛѢТА ОТЪ ПОПЛА.	ЭПОХИ.	НАСЕЛЕНИЕ ПО ОСТАТК. ПРИРАЩЕНІЯ.				ПО СРЕДНЕМУ ПОЛН. ПРИРАЩ.	ПО БОЛЬШЕМУ ПОЛН. ПРИРАЩ.
		8	8	8	8		
1.	Ной.....	8	8	8	8	8	8
367.	Авраамъ.....	39	41	40	40	11,730	68,980
796.	Моисей.....	259	285	273	273	56,080,000	2749,000,000
1316.	Соломонъ.....	2,515	2,956	2,753	2,753	4177,000,000	
1576.	Ромулъ.....	7,827	9,953	8,732	8,732		
2327.	Рож. Хр.....	208,200	277,400	244,800	244,800		
3127.	Карлъ Вел.....	6,868,000	12,000,000	8,532,000	8,532,000		
3829.	Откр. Амер.....	147,500,000	236,400,000	192,400,000	192,400,000		
4150.	Наши Времена	600,000,000	1000,000,000	800,000,000	800,000,000	37 цѣнръ.	

слишкомъ огром-
ныя числа.

слишкомъ огром-
ныя числа.

37 цѣнръ.

Изъ сей таблицы можемъ заключить —

1. Что нѣтъ возможности разчислить насильственныхъ испребленія прогрессивно на каждый годъ.

2. Что исчисленіе по оспанкамъ приращенія тѣмъ меньше населяющаго населенія, чѣмъ ближе ко временамъ Ноевымъ, и тѣмъ болѣе подходитъ къ истинному, чѣмъ ближе къ нашимъ временамъ.

3. Что изчисленіе по цѣлому приращенію можетъ быть вѣроятнымъ въ продолженіе только немногихъ сощень лѣтъ по попоу.

4. Что для опредѣленія истиннаго населенія въ каждую эпоху времени послѣ попоа необходимо нужно исчислить, по крайней мѣрѣ приближенно, всѣ насильственные испребленія рода человеческого, бывшія прежде данной эпохи. Не угодно ли кому поспрудиться?

Однакожъ, кажется, можно сказать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что насильственные испребленія одного какого-либо народа, существующаго тысячи лѣтъ, почти пропорціональны съ насильственными испребленіями всего рода человеческого. Если сіе справедливо, то принявъ дробь $\frac{1}{7}$ за средній оспанокъ ежегоднаго приращенія одного даннаго народа, мы можемъ опредѣлить эпоху зачатія онаго.

Зерномъ особеннаго нрода можно положить семейство душъ изъ спа — число людей, достаточное для того, чтобы обходиться безъ помощи другихъ (говору о младенчествующемъ обществѣ). Языкъ какого-либо племени могъ получить характеръ особеннаго, самобытнаго, только въ одномъ семействѣ, не имѣвшемъ лѣтъ полтора ста близкихъ сношеній съ другими людьми. *Славянскихъ* народовъ считаеся нынѣ болѣе 60 милліоновъ. И пакъ *a* въ формулѣ нашей будетъ равно

100, $n = 60,000,000$, лог. $\frac{r + 1}{r} = 0,00192771$; n выйдетъ 2997, что отвѣчаетъ 1174 году до Р. Х. След. люди, говорившіе первобытнымъ Славянскимъ языкомъ, существовали во времена Соломона, Гомера!

Не такъ легко опредѣлить эпоху зачатія другаго какого-либо народа. Однородность языковъ, (не такая, какую находятъ на пр. между Санскритскимъ и Славянскимъ; сходство въ нѣсколькихъ словахъ, звукахъ и формахъ показываетъ только общее происхожденіе всѣхъ людей), однородность языковъ служитъ однимъ изъ вѣрныхъ признаковъ пожелскаго племени. Существенное испребленіе цѣлаго образованнагося народа, равно какъ и совершенное перерожденіе его, превращеніе языка его въ языкъ инаго племени — вещи едва ли возможны. Видимъ примѣры въ частности, но не имѣемъ права заключать оцѣлку частнаго къ цѣлому. Слышимъ объ испребленіи съ лица земли многихъ древнихъ народовъ, но они существуютъ для историка-физиолога въ потомкахъ своихъ (*). И такъ, чтобы опредѣлить эпоху зачатія на пр. Латинскаго рода, слѣдуетъ прежде исчислить всѣ племена, говорящія языкомъ Латинскимъ или языками, произшедшими отъ онаго.

Слѣдовательно чѣмъ древнѣе народъ, тѣмъ онъ многочисленнѣе? По формулѣ такъ; однакожъ историческая древность на пр. Евреевъ далеко превосходитъ древность

(*) Здѣсь кстати указать на книгу Эдвардса: *Des caractères physiologiques des races humaines, considérées dans leurs rapports avec l'histoire* (Paris. 1829). Можно также примѣнить статью мою *формулы степеней родства*, помѣщенную въ Москов. Вѣстникѣ 1830 года. Сот.

Славянъ, опысканную нами, а пастьбящее число пер-
выхъ гораздо менѣ числа послѣднихъ. Слѣд. формула
несправедлива?—Не думаю; надобно замѣтить, что ис-
числения народовъ по племенамъ до сихъ поръ еще
весьма непочны. Многіе народы, принадлежащіе, мо-
жетъ быть, къ одному племени, считаются за особен-
ные, другіе сославляютъ повидимому единое племя,
между тѣмъ какъ почтѣннѣйшія наблюденія открываютъ въ
нихъ племена различныя. Взгляните на Магомепанскихъ
подданныхъ Турціи; какое смѣшеніе языковъ, физіо-
номій, нравовъ, обычаевъ! Послушайте *историковъ*—
и васъ пожалуй спанутъ увѣрять, что Болгары Ду-
найскіе не Славяне, а Таттары! Народовѣденіе во
младенчествѣ. — Сказанное нами относится вообще
ко всемъ народамъ, а надъ Евреями совершаются
еще особенныя судьбы. Все сіе ведетъ къ одному за-
ключенію — что коренныя народныя племена имѣютъ
свое начало въ самой глубокой древности. И пакъ,
правы ли тѣ, которые подшучиваютъ надъ исторіями,
начинающимися съ Сполноповрелія?

Нынѣ, когда болѣе не вѣрятъ разноплеменности
множества маленькихъ народцевъ, упоминаемыхъ лѣто-
писцами, когда изъ сходства языковъ, нравовъ,
обычаевъ, физіомій заключающъ объ общемъ про-
исхожденіи племенъ (*); нынѣ можно сказать почти
съ доспѣвѣрностію, что на пространствѣ Европейской
Россіи, Польши и Венгрии съ прилежащими спранами
издревле обитали только три племена — на сѣверъ и
востокъ Финны, на югъ и западъ Славяне, на востокъ и
югъ Таттары. Какъ бы важно было, исчисливъ насильсп-
венныя испребленія сихъ народовъ, опредѣлить число

(*) Въ семъ отношеніи весьма любопытна книга Ве-
нелина: *Болгаре* (Москва. 1830). Сост.

по крайней мѣрѣ Славянъ и Финновъ въ разныя эпохи нашей Исторіи!

Вопрь исчисленіе Славянскаго рода на всѣхъ мѣстахъ его жительствова, по среднему ежегодному остатку приращенія, въ сравненіи съ полнымъ среднимъ приращеніемъ и числомъ среднимъ между остаткомъ и приращеніемъ ($r + 1 = \frac{10044}{10000} = \frac{10200}{10000} = \frac{10122}{10000}$)

ЛѢТА ОУЪ ПОТОПА	Э П О Х И.	НАСЕЛЕНІЕ ПО ОСТАТКУ ПРИ- РАЩЕНІЯ.	НАСЕЛЕНІЕ ПО ПРИРАЩЕНІЮ ПОЛНОМУ.	НАСЕЛЕНІЕ СРЕДНЕЕ МЕЖДУ СИНН.
1153.	Зачатіе Слав. рода...	100	100	100
1303.	Образованіе языка...	194	1,949	616
1792.	Дарій и Скифы...	1,705	31,990,000	231,800
2327.	Рожд. Хр.	18,320	15 цѣрь	152,200,000
2778.	Аттила...	135,600		
3189.	Рюрикъ...	841,000		
3316.	Крещеніе земли Рус...	1,477,000		
3451.	Битва при Калкѣ...	2,690,000		
3707.	Мамаго побойще...	8,382,000		
3879.	Взятіе Казани...	17,980,000		
4016.	Петръ Великій...	33,980,000		
4150.	Наши Времена...	60,000,000		

слишкомъ огром-
ныя числа.

слишкомъ огром-
ныя числа.

Припомнивъ, что исчисленіе по остаткамъ приращенія бываетъ гораздо ниже наслоящаго, чѣмъ ближе къ эпохѣ зачатія, и тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ ближе къ нашимъ временамъ; также, что исчисленіе по приращенію полному можетъ имѣть вѣроятность въ продолженіе только первыхъ вѣковъ, считая отъ зачатія, заключимъ изъ сей таблицы:

1. Что Сквы, съ копорыми воевалъ Дарій, могли быть Славяне, ежели до него не было значительныхъ испребленій въ родѣ ихъ.

2. Что большую часть войскъ Аппилы могли составлять Славяне-же, тогда уже многочисленные (*).

3. Что Олегъ, владея значительнымъ пространствомъ земли, заселенной Славянами, могъ собирать по 80,000 воиновъ въ походахъ своихъ на Грецію.

4. Что. . . . Но я оставляю поле соображеній и догадокъ тѣмъ господамъ ученымъ, которые болѣе знакомы съ повѣствованіями летописцевъ.

И. КАЛАЙДОВИЧЪ.

Х.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

—Послужный литературный списокъ Карла Нодье.— Слава — вещь прекрасная! Но она была бы гораздо драгоценнѣе и вожделѣннѣе, еслибъ доставалась въ удѣлъ только тѣмъ, кои ее заслуживаютъ и оправдываютъ. Одинъ писатель, коего имя на эту пору вышло изъ памяти, утверждаетъ, что видя, какъ добрые лю-

(*) Опять прошу заглянуть въ книгу Венелина. Сог.

ди бывають всегда глупы, по неволѣ разохотишься быть добрымъ; поже почти можно сказать о нѣкоторыхъ людяхъ, слывающихъ умниками. Сколько бываешь межъ ними такихъ, кои порпяишь свое ремесло!

Карль Нодье дѣйствительно таковъ: но онъ принимаетъ въ свѣтъ за нѣчто совершенно другое. Напрасно старались бы мы угадать, чтожь такое онъ въ самомъ дѣлѣ: кажется, ничего болѣе не угадаешь!

Говорятъ, что *«Карль Нодье»* есть одинъ изъ первыхъ Французскихъ романистовъ: но гдѣжь романы, на коихъ основывается молва сія? Прочитавъ *Сбогара, Терезу, Обера, Смарру* и даже *Трилби*, все еще повторяешь мысленно этотъ вопросъ. Сіи произведенія не возбуждаютъ слишкомъ великаго удивленія, хотя въ нихъ и ничего почти понять не возможно.

— *«Карль Нодье»* можешь быть величайшимъ поэтомъ, если захочешь! — Это дѣло очень сбывочное! Но что за сумазбродное удовольствіе природѣ — давать такой сильный дозись поэпическаго плаiania прихотнику, не хопящему имъ пользоваться — когда тысячи бѣдняковъ, подобныхъ намъ, осуждены безуспѣшно ломать головы надъ кропаніемъ спомъ и рномъ?...

— *«Карль Нодье»* есть одинъ изъ ученѣйшихъ Французскихъ библиографовъ! — И это весьма вѣроятно! Но надлежало быть имено имъ, чтобы войти въ моду споль сухою ученостью. Говорятъ, что онъ соединяетъ съ ней очень много остроумія; что ему извѣстна тайна усыпать цвѣтами самую пуспынную розысканія; что нипто, и даже самъ *Рауль Рошетъ* не былъ еще такъ прелесненъ въ своей учености. Этому всему легко спаться! Но, по несчастію, споль

волшебное искусство не приобрѣло еще на Парижскомъ паркетѣ ни одного прозелита библиографіи.

Есть иные, кои приписываютъ ему только ловкость и умѣніе пускать пыль въ глаза въ этомъ дѣлѣ — не болѣе. Но на сей разъ—это сущая клевета! *Карль Нодье*, въ отношеніи къ библиографіи, есть дѣйствительно кладъ познанія. Онъ владѣетъ всѣми библіотеками, всѣми древними памятниками. Между тѣмъ здѣсь опять не лѣзя не спросимъ, какимъ образомъ все это могло ввести его въ моду: ибо все, что ни писано имъ по сему предмету, по крайней мѣрѣ также сухо, также скучно, какъ и то, что до него было сдѣлано. Ему собственно принадлежатъ только желаніе достигнуть цѣли, къ коей онъ ни на волосъ не приближася.

Карль Нодье занимается ученою криптикой: и его манера криптиковать слышится оригинальною; можетъ быть по тому, что не всегда доступна для понятія. За нимъ надобно пробираться съ трудомъ по измучившимъ извѣстной фразы; и, по окончаніи путешествія, остается еще въ вопросѣ, что хотѣлось сказать Автору. Манера, дѣйствительно, не обыкновенная: ибо изобрѣтатель ея, вопреки общему обычаю, возбраваетъ себя строго порядкомъ, связъ и последовательностью въ идеяхъ. Разсмотрѣніе сочиненія подастъ ему только случай мечтать и набирать фразы на фразы, къ коимъ только однимъ и привязывается его ученая криптика. •

Спрашивается теперь, чтожь могло составить ему такую репутацію, такую молву, такую славу?

Карль Нодье имѣетъ у себя множество друзей, которые ему совсѣмъ не соперники; они-то пустили его въ ходъ. Онъ вмѣстѣ и журналистъ: и журналы

повторяютъ неумолчно хвалы друзей его. Наконецъ онъ умѣлъ приобрести благосклонность сословія столькоже важнаго, какъ комедія Мольера—сословія *ученыхъ женщинъ*. Будучи ловокъ, оборотливъ, остроуменъ, рассылаясь въ свѣтѣ и усылая обращеніе свое блестками учености; назидая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ пѣхъ, кои любятъ провести вечерокъ въ разговорахъ; и заглаживая, въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, скуку двухъ сухихъ страницъ прѣтѣею, въ коей сверкаютъ искры какой-то спранный поэзіи—*Карль Нодде* прослылъ самымъ любезнымъ ученымъ. Онъ издалъ нѣсколько книжечекъ *in octavo*, кои не считались нужнымъ прочесть, пошому что каждый день можно было слышать самага автора: по между тѣмъ вѣсь и число ихъ были сочпены; и по итогу положено заключеніе, что сочинитель ихъ долженъ быть весьма богатой и увѣсистой учености.

Только здѣсь-по именно и отдана ему полная справедливостъ. Все прочее—суета суетъ. Его стилъ неимѣетъ совсѣмъ того блеска и той прелести, которыми отличался его бесѣда: онъ тяжель, распянутъ, спутанъ. Его идеи не совсѣмъ точны и чисты; умозаключенія весьма часно невѣрны и лживы. Онъ перевелъ нѣсколько піесъ въ извѣстное собраніе *образцовыхъ произведеній иностранныхъ театровъ*: но его переводамъ не доспаетъ ни силы, ни прелести оригинала. Въ собственныхъ его сочиненіяхъ сверкаетъ воображеніе, возгорающееся на минушю и ослѣпляющее съ перваго взгляда, но—такимъ блескомъ, которій не можетъ выдержать себя даже въ продолженіе краткаго промежутка между мыслію и временемъ, необходимымъ для сообщенія ей вещественной формы. Можнобъ было посоветовать ему обратитъ на предметы болѣе положительныя свою фантазію, которая

совсѣмъ не такъ богата и плодотворна, какъ думаютъ. Тогда, можетъ быть, сіяніе ся былобъ продолжительнѣе: и мысли автора, сковываясь постоянными рамами неизмѣняющагося предмета, имѣли бь конечно болѣе послѣдовательности и сосредоточенности. Это уже и примѣрно, въ историческихъ *очеркахъ* современной жизни, помѣщаемыхъ иногда имъ въ *Обзорѣннѣ Парижскомѣ*.

Говоря о причинахъ шумной славы *Карла Нодье*, не должно забыть и того, что онъ имѣлъ искусство и счастье прослыть великимъ романпикомъ. Завербовавшись подъ новое знамя, онъ объявилъ себя ревностнымъ поборникомъ и глашатаемъ славы всѣхъ своихъ собратьевъ; и снарядилъ многихъ изъ нихъ предисловіями, кои конечно не придали самому ему особеннаго величія, но приобщили нѣкоторымъ образомъ къ славы славныхъ. Казалось, онъ облекъ себя въ званіе первосвященника въ новомъ капищѣ; и, во имя новыхъ Музъ, раздавалъ подвижникамъ торжественныя пальмы. Романпикомъ оспается онъ и понынѣ. Но еслибъ онъ еще былъ молодъ и долженъ былъ составлять свою репутацію: можнобъ было посоветовать ему принять обратный путь и занять позолотою обливавшихъ жерпвенниковъ классицизма.

И у насъ, въ Русской землѣ, не нужно ни *Диогенова* фонаря, ни клича *Московского Телеграфа*, чтобы видѣть истинный образъ и живое подобіе *Карлова Нодье*. Какъ бы интересенъ былъ и ихъ послужный литературный списокъ!...

— *Тетуанъ*, въ мароккской имперіи.— Городъ *Тетуанъ* обширенъ и имѣетъ до 30,000 жителей. Положеніе его есть самое выгоднѣйшее въ Мароккской Имперіи для торговли съ Европою; только песчаная мѣли, находящаяся при устьѣ рѣ-

ки, не позволяють кораблямъ, имѣющимъ грузу болѣе осьмидесяти понтъ, подходить къ городу. Онъ лежить близъ прекраснаго хребта Рифскихъ горъ, коего нищія полунагіе жители сушь спрашилище горожанъ. Во время пребыванія тамъ Европейскихъ путешественниковъ, отъ которыхъ заимствовано сіе описаніе, солдаты, служившіе имъ проводниками, ни за что не соглашались везти ихъ въ сіи горы; ибо Рифейцы за ночь предъ тѣмъ переплывали чрезъ рѣку и увели въ плѣнь нѣскольکو Мавришанокъ, почему теперь могли бы подумать, что они пришли ихъ опыскивать. Для любителя охоты спрана сія должна быть весьма интересна; потому что на каждомъ шагу встрѣчается дичь. Мавры не умышляютъ стрѣлять рябчиковъ на лету, а обыкновенно гоняются за ними, до тѣхъ поръ, пока они устанутъ. Здѣсь можно охотиться круглой годъ; но охотники особенно дорожатъ тѣмъ временемъ, когда птицы сидятъ на янцахъ. Сихъ янцъ много употребляется въ пищу и вывозится. Дикихъ свиней, которыхъ Музульмане не смѣютъ ѣсть, здѣсь много. Далѣе къ берегу, противъ Орана, водятся антелопы и дикія козы. Последнихъ не легко сдѣлать ручными; и онѣ обыкновенно не долго живутъ въ неволѣ; почему всѣ попытки развести ихъ остались безуспѣшными. Извлеченныя изъ естественнаго своего состоянія, онѣ жрутъ все, что имъ попадается, и обыкновенно умираютъ отъ несваренія въ желудкѣ.

Его Превосходительство, Паша *Татунскій* видитъ только для тѣхъ, кои платятъ за сію чашъ; но двухъ головъ сахару или фунтовъ двухъ чаю доспащочно для того, чтобы всякому иностранцу купить ее. По этому его сравниваютъ съ дикимъ звѣремъ, котораго показываютъ

за деньги; и сіе сравненіе пѣмъ болѣе идентъ, что онъ страдаетъ Египетскою проказою и по причинѣ опухли въ ногахъ не можетъ выходить изъ своей кляшки. Одинъ изъ нунешесственныхниковъ удостоился погулять съ нимъ по саду; который нашелъ порядочно и пріятно расположеннымъ. Посреди его споялъ фонтанъ, изъ котораго однако вода не била и которой весь обросъ мохомъ и правою. Когда онъ обратилъ вниманіе на такое нерадвіе, то Паша отвѣчалъ ему: »этопъ фонтанъ принадлежалъ любимой моей женѣ, которая пила изъ него воду и своими руками обдѣлала это мѣсто. Фонтанъ не долженъ бить, а садъ цвѣсти; попому что та, которая находила въ нихъ удовольствіе, не можетъ уже наслаждаться ими.«

Горесѣнное расположеніе души Его Превосходительства въ этопъ день еще болѣе увеличено было наспоительнымъ пребываніемъ Императора, отъ котораго онъ не зналъ, какъ уклониться: ему должно было отплатить въ Марокко большую сумму денегъ. Въ сей крайности онъ обратился къ старѣйшинамъ Жидовскаго общества и весьма учтиво просилъ ихъ одолжить его. Явился самъ глава—Тетуанскій *Ротшильдъ*—который однако отвѣчалъ на сіе отъ лица Израильянъ: »я не думаю, чтообъ мои единоверцы могли бытъ полезны Вашему Превосходительству, попому что вы итакъ часно вынуждали у нихъ деньги, итакъ часно приказывали бить ихъ палками, что у нихъ въ кошелькахъ спольже мало осталось денегъ, сколько на спинѣ мяса.« Такая смѣлоспъ въ другое время могла бы дорого стоить орануру; но Евреи знали, что Паша въ немплоспи, и рѣшились не помогать ему въ нуждѣ, надѣясь, что онъ чрезъ то скорѣ лишится мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Его

Превосходительства было столь худо, что онъ долженъ былъ равнодушно вытерпѣть такое поруганіе.

Въ это время весь берегъ, къ коему прилегалъ *Тетуанъ*, былъ оживленъ двѣпельностію. Генуэзской корабль стоялъ за отмѣлю, ожидая поклонниковъ для перевоза въ Александрію. Прошвынные вѣтры препящствовали опъвзду; и потому богомольцы расположились станомъ по берегу. Весь походный ихъ снарядъ на все время путешествія, которое съ посѣщеніемъ Медины и Іерусалима обыкновенно продолжается около года, состоятъ изъ ковра, на которомъ они спятъ. Тѣ, у которыхъ нѣтъ палатки, развѣшиваютъ свой коверъ на колу, какъ цыгане. Кожаный мѣшокъ и небольшой узелъ заключающъ все прочее ихъ имущество. Они обыкновенно состоятъ подъ начальствомъ шерифа, который управляетъ на сухомъ пути ихъ шествіемъ. Мясо приготавливаютъ такимъ образомъ, что имъ не нужно бываетъ никакой посуды. Они обыкновенно вырываютъ въ землѣ продолговатую ямку, разводя въ ней огонь; потомъ, вошкнувъ на палку мясо, поворачиваютъ его рукою, пока изжарится.

Ничто столько не доказываетъ силы Мугамеданской религіи, какъ множество поклонниковъ, идущихъ въ Мекку. Отъ поселенія до Государя, всѣ горятъ желаніемъ совершить сіе путешествіе, которое облегчаетъ имъ путь ко гробу, избавляетъ отъ всѣхъ грѣховъ здѣшней жизни и общаетъ блаженство въ жизни будущей. Названіе *Гаджи* даетъ право на уваженіе, котораго каждый домогается и которое никакими другими пожертвованіями куплено быть не можетъ. Обыкновенно около поклонниковъ (*Гаджи*) собирается множество бродягъ, кои провожаютъ

ихъ до тѣхъ поръ , пока они сядушъ на корабль. Здѣсь, дождавшисъ минушъ опъѣзда , они цѣпляюшъ за корабль и умоляюшъ соотечественниковъ своихъ именемъ Святаго Пророка , не препяпспвовавъ имъ въ желаніи принеспи покаяніе при его гробницѣ ; тогда опъѣзжающимъ поклонникамъ не оспаешъ ничего, кромѣ какъ взяшъ съ собою сихъ безопвзныхъ , или бросишъ ихъ въ воду. Поелику такое пупешествіе совершается для покаянія , шо рѣдко съ эпою нищео брашєю поступаюшъ жестоко. Причины , которыя каждый изъ нихъ представляешъ на милосердіе, различны: одинъ утверждаетъ , что онъ происходишъ опъ Королевской крови , но неимѣшъ денегъ; другой, что сдѣлалъ преспуленіе, которое падешъ на главу тѣхъ, кои его опвергли; третій , что у него старый, слѣпой опецъ , котораго вся надежда соспонишъ въ исполненіи даннаго имъ обѣща, и ш. п.; такъ что наконецъ капитанъ получаешъ пассажировъ вдвое противъ того , сколько онъ ожидалъ. Каждый годъ опходишъ также сухимъ пупемъ караванъ изъ Марокко чрезъ пустыню Ангадъ , Оранъ, Алжиръ и Триполи, гдѣ присоединяюшъ къ нимъ поклонники сихъ мѣспъ. Пупешествіе это весьма шрудное и шребуешъ болѣе шерпѣвія и силы, чѣмъ пупешествіе по водѣ до Нила. Сверхъ того поклонники должны бываюшъ проходитьъ чрезъ пустыни, въ коихъ Бедуны дожидаюшъ прибытія каравановъ , какъ праздника. И какая же награда за столь шяжіе шруды? Высокое счапіе облобызатъ черной камень и хлебнуть воды изъ источника Агари. Предъ возвращеніемъ поклонники бояшъ ужасно Евронейскихъ Консуловъ въ Берберіи; потому что до сихъ поръ они никакъ не могушъ уговоришъ Мавровъ выдерживатъ карантинъ. Такимъ

образомъ чума часто заходитъ въ Берберію, и лѣтъ за пятнадцать предъ симъ померло отъ ней на морскомъ берегу множество людей. Извѣстно, что Мугамедане эту болѣзнь почитаютъ наказаніемъ за грѣхи; и Мавры, сдвравъ съ зараженныхъ плащью, довольствуясь благоговѣйнымъ восклицаніемъ: *Аллахъ Акбаръ*,

М. В.

— ПЕРЛОГІЯ ГОСПОЖИ ЖАНЛИСЪ. — *Стефанія Фелисите Дюкре де Сентъ-Обень, Марказа де Сильери, Графиня де Жанлисъ*, родилась въ 1746, въ Бургундіи, близъ Опыю. Въ самой цвѣтущей юности явилась она на сценѣ большого свѣта. Болѣе облагодѣтельствованная природою, чѣмъ счастьемъ, она пріобрѣла себѣ ласковый пріемъ въ лучшихъ Парижскихъ общеснвахъ своими прелестями, красотою и удивительными талантами въ музыкѣ. Послѣ блестящихъ успѣховъ во всѣхъ родахъ, она увидѣла себя окруженною толпою обожателей: но между тѣмъ одному случаю была обязана счастливымъ соединеніемъ, которое дало ей въ свѣтѣ почетное мѣсто и приблизило къ фамиліи Герцога Орлеанскаго. Весьма оспроумное письмо, написанное *Давидомъ Дюкре* къ одной изъ своихъ подругъ, нечаянно попало въ руки *Г. де Жанлисъ*: и простое чтеніе сего письма, коего сочинительницы никогда онъ и не видывалъ, возбуждало въ немъ чувство живѣйшаго участія, которое наконецъ превратилось въ истинную страсть, такъ что онъ предложилъ свое имѣніе и руку бѣдной дѣвчкѣ, которая умѣла писать такъ прелестно.

Въ слѣдствіе сего брака, *Гжа Жанлисъ* сдѣлалась племянницею *Гжи де Монтессонъ*, которая въ то время сама соединена была съ Герцогомъ Орлеан-

скимъ (опцемъ) узамъ брака, называвшагося тайнымъ, потому что онъ не былъ признанъ при Дворѣ, хотя впрочемъ весь свѣтъ зналъ объ немъ. Герцогъ Шарптрскій увидѣлъ у ней *Гжу Жанлисъ*: и восторгъ, увлеченный непреодолимою очаровательностію ея красоты и ума, рѣшился привязать ее къ своему дому и поручить ей воспитаніе прехъ своихъ сыновей и дочерей, съ необыкновеннымъ для дамы пинимомъ *еувернёра*. Надлежало получить на то согласіе Людовика XVI, который съ примѣннымъ неудовольствіемъ отвѣчалъ на прозбу Герцога: «*еувернёръ* или *еувернантка*—мы все равно; вы можете дѣлать, что вамъ угодно; впрочемъ у Графа д'Артуа есть дѣти!» Съ того времени, *Гжа Жанлисъ* водворилась въ Пале-Рояль, въ новомъ своемъ званіи: и дабы оправдать довѣренность, въ слѣдствіе коей поручено было ей воспитаніе дѣтей перваго Принца крови, она издала другъ за другомъ множество сочиненій, посвященныхъ воспитанію. *Адель и Теодоръ* (*Adel et Théodore*), *Вечернія бесѣды въ замкѣ* (*Veillées du château*), *Лѣтописи добродѣтели*, (*Annales de la vertu*), и въ особенності *Театръ для юношества*, или *Театръ воспитанія* (*Théâtre à l'usage des jeunes personnes ou Théâtre de l'éducation*), принятые были весьма благосклонно публикой.

Но не такова была участь двухъ духовныхъ ея сочиненій, появившихся во время перваго причащенія старшаго изъ ея воспитанниковъ. За удивленіемъ, весьма естественнымъ, при видѣ набожной книги, выходящей изъ Пале-Рояльскаго будуара, слѣдовали горькія критики. Ожесточеніе доходило даже до оспариванія у *Гжи Жанлисъ* авторскаго права на сіи сочиненія, коихъ содержаніе, какъ увѣряли, заимствовано было изъ *Писемъ о Религіи Аббата Гоша*, а форма принадлежала буд-

по извѣстному *Аббату Ламуретту*. Богословы, больше спрогнѣ, проговаривали, что все прибавленія, сдѣланныя самою *Гжею Жанлисъ*, особенно замѣчанія, оизывались неправославіемъ; между тѣмъ какъ люди свѣтскіе утверждали просто, что сочинительница принялась не за свое дѣло, пустившись въ религіозныя состязанія. Нѣкоторые въпрогоны, слышшіе погда философы, не посовѣстившись даже посмѣяться довольно злобно надъ нѣкоторыми мѣстами. *Гжа Жанлисъ* скоро простила и духовнымъ и свѣтскимъ своимъ критикамъ: но поклялась съ тѣхъ поръ непримиримою ненавистію къ такъ называемымъ философамъ; и это было чувство, коему она осталась вѣрною съ наибольшимъ постоянствомъ.

Вскорѣ послѣ того начались бурныя волненія революціи, кои дали совершенно другую важность мнѣніямъ и существованію *Гжи Жанлисъ*. Ея политическое поведеніе, изслѣдуемое со всею спрогнѣю, подвергалось нареканію и осужденію. Уваженіе къ ея памяти воспрещаетъ повторять здѣсь суровые приговоры, въ конхъ многіе біографы не щадили ни ея пола, ни возраста. Можетъ быть, сія спрогнѣ была очистительнымъ огнемъ для *Гжи Жанлисъ*, которая сама весьма часто не оказывала не только спихожденія, но даже должной справедливости своимъ современникамъ, и преимущественно современникамъ знаменитымъ. Кажется, что, не смотря на ея набожность, память ея не всегда сохраняла сію священную заповѣдь: *«не судите, да не судили будете!»* Все го лучше, для дальнѣйшаго продолженія политической жизни *Гжи Жанлисъ*, обратиться къ собственной ея исповѣди, изданной подъ именемъ *отчета о моемъ поведеніи* (*précis de ma conduite*). *Гжа Жанлисъ* лю-

била революцію, принимала у себя Пепіона и Баррера и охотно посѣщала Якобинскія засѣданія. При увеличивавшемся спѣшеніи обстоятельствъ, она была однако принуждена оставивъ Францію, еще 1791, Самъ Пепіонъ, по собственному ея свидѣтельству, провожалъ ее до Лондона, дабы предохранить отъ всякой помѣхи ея путешествіе. Не задолго до Сентябскихъ ужасовъ (1792), Герцогъ Орлеанскій вызвалъ ее обратно въ Парижъ. Послѣ гибели, слишкомъ заслуженной Филиппомъ, какъ наставница молодой Герцогини и мнимая наперсница несчастнаго Герцога, она естественнѣе не могла оставаться въ безопасности: почему вмѣстѣ съ Принцессой удалилась въ Турне, гдѣ вскорѣ выдала свою пріемную дочь, прекрасную Памелу, за Лорда Фиц-Геральда, прославившагося попомъ своими несчастіями. Здѣсь также увидѣлась она съ Генераломъ Дюмурье и послѣдовала за нимъ въ Сент-Амандъ. Но такъ какъ планъ его вышелъ на Парижъ для ниспроверженія республики, извѣстный и сыновьямъ Герцога Орлеанскаго, не удостоился ея одобренія: по она, 1793, отправилась съ Принцессою въ Швейцарію, гдѣ поселилась въ Монастырь С. Клары, что въ Бремгаршенъ. Когда дочь Герцога Орлеанскаго переехала въ Фрейбургъ, къ теткѣ своей, Принцессѣ Конде: *Гжа Жанлисъ* уѣхала опшуда сама, съ племянницею своею, Генріеттою Серсей, въ Альпону (1794), гдѣ, въ Монастырскомъ уединеніи, посвятила себя литературѣ. Гостя въ окрестностяхъ Гамбурга, она выдала свою племянницу за одного изъ почтеннѣйшихъ тамошнихъ негоціантовъ, *Гна Матіессена*; и написала *Рыцарей Лебедя* (*Chevaliers du Cygne*), романъ, содержащій въ себѣ множество республиканскихъ выходковъ и вольныхъ мнѣній. Ро-

манъ сей появился въ Парижъ 1805, въ весьма измѣненномъ видѣ. Тамъ же, въ Голштининъ, она издала вышеупомянутый *оптетъ*, въ концѣ коего находится письмо къ спаршему изъ ея воспитанниковъ (нынѣшнему Королю Французскому), гдѣ она убѣждаетъ его не принимать никакъ короны, если бѣ она и была ему предлагаема. Правленіе Консульское было благопріятнѣе для *Гжи Жанлисъ*, чѣмъ Директорія. Она не только выпросила себѣ исключеніе изъ списка эмигрантовъ и позволеніе возвратиться во Францію: но, осыпанная милостіями Наполеона, получила отъ него пансіонъ въ 6000 франковъ и квартиру въ арсеналѣ, съ правомъ пользоваться всѣми книгами, находящимися въ принадлежащей къ нему библіотекѣ. *Гжа Жанлисъ* не хотѣла даромъ получать сіи благодѣянія; и Наполеонъ узнавъ о ея желаніи служить ему, сказалъ: «ну, хорошо! пускай она каждый мѣсяцъ ко мнѣ пишетъ!» Въ слѣдствіе чего, она дѣйствительно писала къ нему—о различныхъ литературныхъ предметахъ.

Послѣ возстановленія Бурбоновъ *Гжа Жанлисъ* снова соединилась съ любимой семьей Орлеанской, отъ которой получила также пансіонъ и осыпана была нѣжнѣйшими ласками. Спарость ея могла бѣ пропечь въ нерушимой пищинѣ: но неосторожные споры, заводимые съ людьми знаменитыми по своей учености—споры, въ коихъ не смотря на ея полемическіе таланты, победа рѣдко преклонялась въ ея пользу—возмущали ея спокойствіе. Это сдѣлало ее ужасною кропотливцею. Кроме множества безпрестанно раждавшихся подъ перомъ ея произведеній, *Гжа Жанлисъ* принимала участіе во многихъ періодическихъ изданіяхъ, каковы: старинный *Французскій Меркурій* (*Mercur de France*), *Библіотека Романовъ* (*Bibliothèque des Romans*), *Жур-*

наль *Воскресный или для Юношества* (Journal des dimanches ou de la jeunesse) и другіе. Она записывала было и сама изданіе Журнала, долженствовавшего служить моделью для всѣхъ прочихъ, подъ именемъ *Журнала Вообразительнаго* (Journal imaginaire). Взятшись работать для *Всеобщей Библиографіи* (Biographie Universelle), она поссорилась съ своими сотрудниками: но чтобы не лишиться публику плода трудовъ своихъ, напечатала составленные ею статьи и издала ихъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: *о вліяніи женщинъ на литературу* (de l'influence des femmes dans la littérature). Здѣсь она не только не пощадила своихъ современницъ; но, въ эпизодѣ, вздумала нападать на слогъ и даже на самую начала знаменитаго Архіепископа Камбрейскаго. Въ позднѣйшее время издала она свои *Новыя Записки* (1825), подъ заглавіемъ: *Mémoires inédits de M. la Comt. de Genlis, sur le XVIIIme siècle et la révolution française, depuis 1756 jusqu'à nos jours*. Еще позже (1828) явились: *Ужины Маршаллини де Люксембургъ* (les soupers de la maréchale de Luxembourg) и *Путешествія Нельжисъ* (Voyages de Nelgis = Genlis). Брюзливость ея выходила изъ всякой мѣры. Передъ смертью, доброй старушкѣ суждено было насладиться неожиданной радостью. Она увидѣла воспитанника своего на протѣ Франціи.

Память *Гжи Жанлисъ* сохранилась не въ однихъ листочкахъ незабудочныхъ Журналовъ. Ея имя вписалось въ летописи Французской Словесности, какъ писательницы неупоминмой, усердной, обильной. Сочиненія ея составляютъ 90 томовъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: *Театръ Воспитанія*, *Дѣвица де Клермонъ* и *Герцогиня де ла Вальеръ*. *Гжа Жанлисъ* въ особенностіи любила историческій родъ романовъ, такъ

какъ онъ понимаемъ былъ до *Вальтера Скотта*. Сіи романы въ свое время приводили въ изступленіе и переведены были почти на всѣ Европейскіе языки. *Палиссо* въ своихъ *Ученыхъ Запискахъ* (*Mémoires Littéraires*) сравниваетъ *Гжу Жанлисъ* съ другими знаменными писательницами. Она должна уступитъ безспорно *Гжѣ Сталь* во всемъ, что касается до силы, возвышенности и дѣйствительныхъ свѣдѣній. Въ изобразительности, обрисовкѣ характеровъ и живописаніи страстей, *Гжа Коттенъ* ее превосходитъ. *Гжа Фльо-де-Суза* беретъ надъ ней преимущество въ отношеніи къ ответственности и живому представленію подробностей. Но за то сильнѣе ея удивительно пріятенъ и правила, въ отношеніи къ нравственности, безопасны. Недостатки произведеній *Гжи Жанлисъ* принадлежатъ ей по полу, образованію, вѣку. Но чистота вкуса, нѣжность чувства и тонкость наблюденія, конми онъ болѣе или менѣе ознаменованы, составляютъ ея личную неопредѣляемую собственность. Ихъ достаточно уже для того, чтобы дать ей право на почетное мѣсто во Французской Литературѣ.

Франція есть такая страна, гдѣ слова вѣчно спорятъ съ вещами. Законъ Салическій, признаваемый кореннымъ ея закономъ, воспрещаетъ торжественно женщинамъ мѣшаться въ дѣла правленія: и между тѣмъ—когда прекрасныя ихъ руки ограничивались одною иглою! Не говоря о разслабленныхъ временахъ *Полнадуръ* и *Барри*, въ самый желѣзный вѣкъ Наполеонова всеобладанія, дѣла Франціи, и даже самой Европы, часто рѣшались въ Мальмезонскомъ гинекіонѣ, подъ предсѣдательствомъ *Жозефины*. Мудрено ли послѣ того, что ея литература соединена тѣсными узами съ будуаромъ? Женщины вертятъ ею, какъ кок-

люшкою: онѣ составляютъ въ ней эпохи. *Гжа Сталь* начала собой новую эру Французской Словесности: въ *Гжѣ Жаклинѣ* замерли послѣдніе онгогоски *Литературы* осьмнадцатаго столѣтія.

XI.

НОВОСТИ НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— СТРАНСТВОВАНІЯ ХОЛЕРЫ. — Колыбель *всемирныхъ лзвъ* есть Азія—колыбель рода человѣческаго и просвѣщенія. Тамъ родилась *Черная Смерть*, копорая, въ серединѣ XIV вѣка, обтекла въспницей гибели и Азію и Европу и въ одномъ Кипавъ сгладила съ лица земли 13 милліоновъ жертвъ; опшуда получила свое начало *Инфлюенца* прошедшаго столѣтія, копорая изъ воспочныхъ спранъ Азіи разлилась до Европы и даже, чрезъ широкія равнины Атлантическаго Океана, до Америки; тамъ наконецъ начало и *Холеры*, коея быстрое распространеніе, въ краткое продолженіе 13 лѣтъ, опуспишило почти половину Азіи и копорая теперь блуждаетъ по Европѣ. Въ лѣпописяхъ *лзвъ*, копорыя конечно весьма недоспапочны, еще не было примѣровъ спомъ скорой послѣдовательности между двумя великими эпидеміями, какъ въ наше время. *Инфлюенца* (1782) и *Холера* (1830) спѣсняются въ предѣлахъ одного полувѣка. Сіе странное спеченіе какъ будио бы подтверждаетъ подозрѣніе, счипающсея обыкновенно суевѣріемъ, что между природою и человѣчествомъ существуетъ глубокая симпатія. Противдѣніе, въ неизслѣдимыхъ своихъ совѣтахъ, поспиа-

вляеть времена и лѣта, въ кои вселѣнная сопрясаетъ ся изъ края въ край, для очищенія ея отъ плевалъ и укрѣпленія избранныхъ въ вѣрѣ и вѣрности, чрезъ искушеніе въ горниль мимовдущихъ бѣдствій. Сколь велико въ нѣкопорохъ отношеніяхъ сходство между обѣими язвами, посѣпвившими земный шаръ въ наши времена, столь велико въ другихъ отношеніяхъ, несходство. *Инфлюенца* являлась подъ формою проспудной лихорадки; *Холера*—поноса и рвоны. Проспуда есть болѣзнь преимущественно свойственная сѣвернымъ спранамъ; почему *Инфлюенца* получила начало въ сѣверо-восточной Азій. Родина *Холеры* есть южная Азія; ибо поносъ и рвота суть домашніе недуги южныхъ земель. Такъ какъ проспудная лихорадка вообще принадлежать къ доброкачественнымъ болѣзнямъ; рвота же и поносъ напропивъ, по своей злокачественности, пребываютъ скорой и сильной помощи, для предохраненія несчастныхъ послѣдствій: то обѣ сѣ болѣзни, при самомъ своемъ появленіи въ качествѣ всеобщихъ эпидемій, оказались вѣрными своему характеру. Хотя *Инфлюенца* въ посѣщаемыхъ ею мѣстахъ разливалась весьма обширно, такъ что н. п. въ Петербургѣ, по тогдашнимъ наблюденіямъ, въ одинъ день занемогло 40,000 человекъ: за то дѣйствіе ея было очень слабо и окончивалось смертью весьма для не многихъ, такъ что бѣдствіе сѣ не оставило по себѣ въ общей молвѣ никакого воспоминанія. *Холера* напропивъ шамъ, гдѣ свирѣпствовала во всей силѣ, пожирала по крайней мѣрѣ прешъ, если не половину изъ занемогшихъ; но между шѣмъ число сѣхъ послѣднихъ, въ зараженныхъ ею спранахъ, вообще было значительно меньше, чѣмъ при *Инфлюенцѣ*. За то распространеніе *Инфлюенцы* было быспрѣе, чѣмъ *Холеры*.

Холера появилась первоначально въ Ноддѣ на Гангесѣ, въ Маѣ 1817. Это мѣсто чрезвычайно болотистое и нездоровое. По недоспашку официальныхъ извѣстій, не возможно съ точностію преслѣдовать ея пути, во всѣхъ лабиринтныхъ ея уклоненіяхъ. Она разлилась вскорѣ по Коромандельскому Берегу, проникла до острововъ Восточной Индіи, коснулась Китайскихъ Владѣній и посѣнила Монголію. Изъ Бенгалы ея теченіе является, ежели не совсѣмъ опредѣленнымъ, то по крайней мѣрѣ болѣе слѣдимымъ. Одной струей поплынула она на западъ и дошла до Ашшіохи и Лаодикіи; между тѣмъ какъ, другимъ рукавомъ, взяла направленіе отъ Бендер-Абасса, чрезъ Ширасъ, Испаганъ и вообще Персію, къ сѣверу и сѣверо-западу на Аспраханъ. Новая струя шла изъ Калькутты, чрезъ малый Тибетъ, Бухарію, Хиву, Киргизскую Степь, и ворвалась въ Оренбургскую Губернію. Распространеніе ея постоянно слѣдовало, каженіся, общему направленію на сѣверо-западъ, уклонявшемуся малыми отпрысками къ западу. Но что бы она обращалась на воспокъ, того не примѣчено было ни въ ходѣ ея отъ Аспрахани до Москвы, ни въ распространеніи по Оренбургской Губерніи. Замѣчательно, что ея теченіе идеетъ преимущественно по сырымъ и низменнымъ пространствамъ, минуя сухія возвышенности. По свидѣтельству *Джамсы Ранкена* даже верблюды и козы подвергались жестокому поносу тамъ, гдѣ свирѣпство-

-
- а) Сіе описаніе заимствовано изъ мнѣнія, читаннаго во временномъ Медицинскомъ Совѣтѣ, учрежденномъ въ Москвѣ, *А. М. Милютинымъ*, коему принадлежитъ и карта при сей книжкѣ прилагаемая. Мнѣніе сіе будетъ вполне напечатано въ слѣдующихъ книжкахъ *Телескопа*.

вала *Холеры*. Въ спранахъ, лежащихъ подъ проиномъ, сила *Холеры* возвышалась и понижалась, соразмѣрно съ погодою. Явленія ея, кажется, состояли въ пайномъ сношеніи съ землетрясеніямъ, кои, также какъ и она, свирѣпствовали въ Индіи 1820, въ Аравіи 1822, въ Сиріи 1825, и оказывались въ Южной Россіи 1829. На оспровѣ Цейлонѣ и въ Астрахани было замѣчено, что весьма не многія женщины поражались ею, а дѣти почти совсѣмъ не заражались; напротивъ въ Оренбургской Губерніи преимущественно щертили оныя женщины.

Браминны изъясняли происхожденіе *Холеры* изъ гнѣва богини Улабеби, поссорившейся будпо бы съ богомъ Кали; и утверждали, что гнѣвъ сей можеть быть укрощенъ путешествіемъ къ храму ея въ Калингаупъ, принесеніемъ тамъ богатой жертвы и омовеніемъ въ священныхъ струяхъ сосѣдственнаго Гангеса. Тысячи успремались къ сему священному прибыжищу; и, во время путешествія, погибли жертвами болѣзни, коей старались избѣгнуть.

Китайцы напротивъ воспріимли болѣзнь сію съ хладнокровнымъ спокойствіемъ. Они были сами увѣрены и увѣрили своихъ сосѣдей, что язва сія очень хорошо знаетъ свои жертвы и прибираетъ только тѣхъ, кои живутъ въ невоздержности и нечистотѣ, оставляя неприкосновенными всѣхъ, соблюдающихъ чистоту и умѣренность. Императоръ самъ благозволить сказать своимъ придворнымъ: «не вѣрнее, чтобы эта болѣзнь могла быть сильнѣе васъ: только малодушные оныя умирають!» Пекинцы дѣйствительно ободрились: и *Холера* не осмалось болѣе ничего, какъ выбраться изъ столицы Небесной Имперіи. Такъ рассказывалъ Китайскій Дзургучей На-

чальнику, Кяхтинской Таможни, когда сей послѣдній сносился съ нимъ для принятія карантинныхъ мѣръ по границѣ.

Въ разсужденіи прилипчивости *Холеры* до сихъ поръ еще не утвердились мнѣнія. Вообще Англійскіе врачи, наблюдавшіе за нею въ Индіи, расположены болѣе къ неприлипчивости, между тѣмъ какъ Русскіе по сию пору еще не могутъ согласиться. Оба мнѣнія призывающъ во свидѣтельство опыты, которые дѣйствительно разногласны. На островѣ Цейлонѣ не зашло ни одного врача и ни одного прислужника при больныхъ, между тѣмъ какъ въ Персіи былъ опытъ, что родильница, не выходящая ни ногою изъ комнаты и удаленная отъ всякаго сообщенія, получила *Холеру*. Тоже было и въ Москвѣ. Медицинскіе Совѣты Бенгальскій и Мадрасскій, на основаніи свидѣтельства спа врачей, объявили рѣшительно ея неприлипчивость. Но позднѣйшія извѣстія Бомбайскаго Совѣта изъясляютъ сомнѣніе. Наблюденія Оренбургскихъ Врачей также болѣе клонились къ прилипчивости.

Впрочемъ *Холера* совсѣмъ не есть новое явленіе. Она давно уже была замѣчаема въ Индіи. Еще *Бонциусъ*, въ своемъ сочиненіи о *Медицинѣ Индійцевъ* (de medicina Indorum, Leyden, 1642), описалъ ее. Болѣзнь сія называется по Санскритски — *Фанди* и *Эндерум-Фанди*, по Маратски — *Морши*, по Индо-спански — *Морги* (смерть), изъ чего Европейцы сдѣлали *Мордешии* или *Mort-de-Chien* (собачья смерть). Въ трудахъ Мадрасскаго Медицинскаго Совѣта еще въ 1787 г. встрѣчается полное описаніе сей болѣзни, которая, подъ именемъ *Морди-Ксимъ* или *Мордешинъ*, господствовала 1770 въ Аркошѣ, 1783 въ Амборспа-

лѣ и 1771 въ Гандшамѣ. Въ 1775^а сія же самая болѣзнь свирѣпствовала на островѣ Морицѣ. Даже въ новѣйшія времена являлась она очень часто между Англійскими войсками, особенно когда онѣ сподли въ извѣстныхъ округахъ, и именно въ Траванцере, гдѣ она извѣстна была подъ именемъ *Миркоизъ*. Только дѣйствія ея не были такъ обширны и ограничивались мѣстными эпидеміями. Случалось однако и въ прежнія времена, хошя очень рѣдко, что она проспиралась довольно далеко. Такъ, по Дегиню, въ 1031, она доходила до Сиріи; а, по одному Арабскому сказанію, назадъ тому лѣтъ 500, подобная язва изъ Индіи приходила въ Египетъ, Нубію и Абиссинію. Нынѣшнія странствованія *Холеры* превосходятъ обширностію всѣ прочія. Она проникла къ востоку до Китая и острововъ Филиппинскихъ и Молукскихъ, къ югу до острова Бурбона, къ западу до Карпатскихъ горъ и къ сѣверу до Тихвина (60° С. Ш.).

Обращая взоры на востокъ, не лзя не ужаснуться зрѣлищу, которое онъ представлялъ въ продолженіе послѣднихъ 13 лѣтъ. Губительная смерть, подобно несповому, скакала тамъ изъ страны въ страну, то взадъ, то впередъ, то кружась, то разбѣгаясь, и пожинала тысячами беззащитныя жертвы. Индія, Китай, Персія и Турція потерпѣли ужасное опустошеніе. Но милость Божія почиваетъ надъ землею Русскою. Язва коснулась и ея обширныхъ странъ. Она проникла до самаго сердца ея—Москвы. Но—только для того, чтобы показать во всей славу, какой народъ въ ней обитаетъ и какимъ онъ благословленъ Монархомъ!.. Пускай потрясается вселенная: величіе Россіи основано на столпахъ адамантовыхъ—и врага адовы не одолѣють нмъ!..

— ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ ГАЛЛЕРЕЕ, ВЪ ПАРИЖЕ. — Сія любопытная выставка происходила въ Октябрѣ прошедшаго 1830 года. Главное Правленіе Музеумовъ приняло на себя трудъ обогатить се отличными произведеніями, изображающими подвиги Французскихъ войскъ подъ Яффою, при Эйлау, при Абукирь, при Аустерлицъ и п. п. Представленіе сихъ картинъ публикѣ, которая давно уже ихъ не видала, возбудило большое вниманіе, какъ по ихъ предметамъ, такъ и по художественному достоинству сихъ произведеній стариной, столь много прославляемой, школы. Любопытно было видѣть изъ сужденій Перрижанъ, какъ понизилось нынѣ удивленіе къ сей школе, которая некогда была классическою. Теперь они не старались уже всеми силами найти ея ошибки, кои прежде хвалили безусловно.

Къ числу большихъ картинъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе, принадлежало *разрушеніе моста въ Виль*, работы *Летис*. Сія картина найдена была гораздо лучшею другой картины того же художника, изображающей *смерть Брутовыхъ сыновей*. Теперь не дивились уже болѣе холодноспи, съ коею было принято сіе послѣднее произведеніе при первомъ явленіи. Далѣе — *Наполеонъ, милующій Каирскихъ мятежниковъ* — *Петра Герена*. Эта картина изумляетъ умною, ясною композиціею и правильностію формъ. Но жеповѣрныя, слишкомъ щощія, хотя впрочемъ и гармонически расположенныя, краски вынуждали у всякаго сознаніе, что живописецъ, мало свѣдущій въ колоритѣ, есть только полу-живописецъ.

Сидящій шестый полкъ, находящій въ Инсбрукѣ свои знамена, работы *Менье*. Эта картина найдена слишкомъ неаппетитною; формы ея тяжелы, краски

ности; темъ не менѣе однако, въ отношеніи къ цѣлости, ей не оказано было въ достоинствѣ.

Чума въ Яфѣ, Поле Битвы подъ Прейсш - Эйлау и Сраженіе при Абукиръ, кисти Гро — возбудили воспоргъ въ публикѣ и художникахъ. Хвалили силу рисунка и красокъ, отдѣлку частей, огонь композицій, богатство и жаръ исполненія. Большая картина *Жироде: Наполеонъ, принимающій ключи Вѣны*, получила также всеобщее одобреніе. Она — наравнѣ съ прѣмъ вышепомннутыми — была признана прекраснѣйшимъ памятникомъ Школы Давидовой. Нельзя было не узнать въ ней рисовки, принадлежащей творцу *Эндимиона и Сцены Потопа*, хотя краски въ ней не столько сильны, какъ въ *Сраженіи при Абукиръ*, которое въ этомъ отношеніи есть, можетъ быть, лучшее произведеніе Давидовой Школы.

Въ *Аустерлицкой Битвѣ*, картина большого размѣра, *Жераръ*, относительно формъ, не столь строгъ, какъ *Жироде*, а, относительно красокъ, не столь блестящъ, какъ Гро. Темъ не менѣе однако прекрасная композиція сей картины даетъ мѣсто своему художнику между величайшими историческими живописцами Французской Школы.

Смерть Генерала Дезе. (Desaix), работы Реньо (Regnault), отнесена была къ посредственнымъ. Жаль очень, что изъ произведеній сего искуснаго живописца не сдѣлано было лучшаго выбора. За нѣсколько мѣсяцевъ до продажи его издѣлій, въ мастерской у него было до десяти картинъ, которыя бы могли вѣрнѣе упрочить его славу.

Битва при Пирамидахъ — Геннекса, произведеніе весьма свѣрланное. Съ своимъ воображеніемъ, огнемъ и познаніемъ, художникъ сей написалъ картину, недо-

спуниую для зрѣнія. Едва замѣтные размѣры фигуръ не позволяють опойти далеко отъ полотна, если пожелаешь разсмотрѣть каждую изъ нихъ отдѣльно; а великоси объема не допускаетъ подойти близко, если захочешь получить впечатлѣніе цѣлаго. Впрочемъ она такъ свѣта и такъ мягко опшущована, что ея не возможно и сравнивать съ могущественными произведениями Сальвадора Розы.

Битва при Маренго — Карла Вернета, безспорно заключаетъ въ себѣ болѣе истины и характера, хотя написана почти тѣмъ же пономъ и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ предыдущая. Художникъ, ее написавшій, можетъ упышиться тѣмъ, что одинъ только его сынъ могъ превзойти его: *Гораций Вернетъ* сдѣлалъ первый опынтъ въ этомъ родѣ на лѣвой сторонѣ сей картины.

Болѣе довольны были *Германиколы*, находившие на томъ полѣ, гдѣ *Варъ* потерялъ свои легіоны, орла Римскаго — работы *Авелла де Пюжолля*. На сіе, отличное по своей композиціи, произведение смотрѣли, какъ на оппечатокъ Школы Давидовой, хотя въ немъ и нѣтъ того достоинства колорита, коимъ сполько оплился *Гро*.

Благосклонность, оказанная Бонапартолы Арабскому семейству, работы *Кольсона*. Хотя колориту сей картины, получившей въ 1812 награду, и не достаеетъ важности, необходимой для исторической живописи, но за то она удовлетворяетъ главнымъ ея требованіямъ — точности и правильности рисовки.

Черта изъ юношеской жизни Петра Великаго, картина *Штейбена*. Въ этомъ колоссальномъ произведении достоинство рисунка находится въ удивительномъ соединеніи съ достоинствомъ колорита.

Жаль только, что по причинѣ большаго размѣра фигуръ, вся картина не написана болѣе широкою кистью.

Ново-Греческая сцена, картина *Виниона*, изумляетъ воображеніе простаго зрителя и вмѣстѣ возбуждаетъ художника къ размышленію. Спрашивается: классическая или романтическая эпо картина, или и то и другое вмѣстѣ? Рисунокъ могущъ похвалить классики, а эффектъ, производимый колоритомъ, по своей роскошной поэзіи, простирающейся даже до излишества, долженъ нравиться романтикамъ. Цѣлое — имѣетъ достоинство и показываетъ талантъ въ художникѣ.

Сверхъ того небезъ удовольствія разсматриваемы были слѣдующія давно уже и звѣстныя картины: *Адализъ и Ева—Павлина Герена*; *Жители Парги, убѣгающіе изъ подѣ власти Али — Паши — Каллета*; и *Манлій — Франциска Дюбуа*. Между сими большими картинами находилась небольшая *Сцена изъ Вароламеяской Ноги — Дженя*, заставлявшая опъ сердца пожелать, чтобы романтики никогда не могли писать хуже.

Смерть Генриха II представляла первый опытъ *Климентя Буланже*. Надобно видѣть своими глазами эпо новое издѣіе романтической школы, чтобы имѣть понятіе о нелѣпости сочиненія и выполненія, коею новый художникъ хотѣлъ себя выказать.

Шарлота Кордье, изображенная въ туману, когда, убивъ Марапа, защищается опъ народнаго неистовства — картина *Генриха Шеффера* — не смотря на всегдашнюю холодность его красокъ, и не вѣдъ исправный рисунокъ, имѣетъ большое достоинство. Голова *Шарлоты Кордье* создана прекрасно.

Венера, обезоруживающая Амура, работы покойного Роберта Лесфевра, не самая худшая из его картинъ.

Опытъ молодого Дюкорне, который, за немнѣишь рукъ, написалъ свою картину ногами, обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Франція, призывающая въ 1815 Императора Наполеона — работы Ж. Франка. Композиція и выполненіе главнаго лица достойны замѣчанія. *Наполеонъ*, сидящій на скалѣ, висящей надъ моремъ, омывающимъ островъ Эльбу, видитъ въ мечтахъ своихъ Францію, разливающуюся въ слезахъ и угрожаемую пламенными раздора: онъ хватается за мечъ, чтобы летѣть къ ней на помощь. Профиль *Наполеона* полнъ одушевленія, положеніе живо, колоритъ очарователенъ и сіяетъ истиною.

Изъ безчисленнаго множества картинъ *du Genre*, обратившихъ на себя особенное вниманіе публики, заслуживаютъ быть упомянуты слѣдующія:

Путешествіе священника и племянницы его въ столицу—Белланже — картина превосходная по изобрѣтенію, рисунку и колориту.

Маленькая комнатка въ Римѣ въ 1827 — полная истины.

Молодая спящая женщина—Ж. Б. Гойе—прекрасное произведеніе, коего достоинство признано было еще на большой выставкѣ 1827 года.

Эпитимія — работы Дебака. Старая настоятельница считаетъ по пальцамъ удары, которые даетъ себѣ молодая монахиня, спящая на колыняхъ и обнаженная. Картина сія, не смотря на запѣяность предмета, соединяетъ въ изобрѣщеніи живость приличія. Рисунокъ и колоритъ достойны похвалы.

Между портретами отличаетсѣ сходствомъ и характерностью *портретъ Маршала Мелона*, въ натуральной величинѣ, работы *А. Конье*.

Портретъ Египтянина Али-Галиста, бывшаго Мамелюка въ Императорской гвардіи, работы *Дювицци А. Конье*, похожъ и имѣетъ хорошій колоритъ.

Голова молодого Шотландца, работы *Дезея* — одно изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ. Трудно представить себѣ дѣтскую физиономію, которая бы имѣла такую живую, или даже героическую выразишельность. Колоритъ удивительно какъ прекрасенъ и естественъ.

Изъ ландшафтовъ, между коими вообще очень мало было хорошихъ, доставили болѣе всѣхъ удовольствія ландшафты *Гюдена* и *Авг. Ренге*.

Многія картины, писанныя на фарфорѣ, заслужили также похвалу.

Слѣдуетъ еще упомянуть о картинѣ *Делакруа*, который, кажется, пробуетъ себя во всѣхъ родахъ. Она представляетъ *молодого тигра, играющаго съ матерью*. Оба сіи живописны въ натуральной величинѣ написаны съ большимъ талантомъ и истинною. Смѣло можно сказать, что художнику сему никогда не удавалось написать челоуѣка, который бы такъ походилъ на дѣйствительнаго челоуѣка, какъ эпонъ ииеръ походитъ на тигра. Я. Ж.

— ДРЕВНЕЕ УЧЕНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ КИТАЙЦЕВЪ. — *Абель Релиоза* чиналъ недавно въ Академіи розысканіе о древнемъ путешествіи *Китайцевъ*, предпріятомъ для открытій и наблюденій. Это было въ 339 г. послѣ Р. Х. Жрецы Буддизма отправились тогда въ путь, прошли чрезъ Татарію, землю Игуровъ, хребтъ Гималайскій, Индъ, посѣтили горы восточной Персіи,

перешли снова чрезъ Индѣ, обозрѣли главные города Средней Индіи, проникли до нѣпѣшней Калькутты, плавали на оспровѣ Цейлонѣ, пристали къ Явѣ и возвратились оппудомой. Такимъ образомъ они сдѣлали около 900 Нѣмецкихъ миль сухимъ путемъ и около 500 моремъ. Цѣлю ихъ путешествія было—изучить Санскритскій языкъ, снять списки съ священныхъ книгъ, хранившихся въ Индіи, и заняться Богословіемъ. Но посѣщая мѣста, храмы и обители, слывшія священными они собрали вмѣстѣ многія достопримѣчательныя свѣденія въ разужденіи мало извѣстныхъ пунктовъ географіи и исторіи многихъ Индѣйскихъ обласней, съ которыми Индіаниспы насъ еще не ознакомили; каковы: *Удіана*, *Кандари*, земли *Белутей*, *Кушалъ*, *Капала* и многія другія страны Средней Азіи. *Ремюза* открылъ въ большой Парижской библіотекѣ описаніе сего путешествія, которое до сихъ поръ считалось за разсужденіе о магіи и камнѣ мудрыхъ. Описаніе сіе перевелъ онъ съ Кыпайскаго и обогатилъ объясненіями. Изъ него между прочимъ открываются мѣста, гдѣ Буддизмъ первоначально былъ проповѣдуемъ. До сихъ поръ думали, что колыбель его находилась на югѣ отъ Гангеса; но онъ напротивъ произошелъ изъ Сѣверной Индіи, изъ области *Непалъ*. Такимъ образомъ въ Кыпайскихъ книгахъ нашлось разрѣшеніе важнѣйшихъ проблемъ касательно Индіи, которыя изъ Индѣйскихъ книгъ объяснены еще не были.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи предсинавлены были въ Ценсурной Комисетъ при экземляра. Февраля 4 дня 1831 года

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.